

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель редакционного совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Члены совета

Х. А. Амирханов чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале, Республика Дагестан, Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, проф. (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, проф. (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Э. Импости д-р филологии, проф. (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)

С. Коткин д-р истории, проф. (Принстонский университет, Принстон, США)

В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ока Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, проф. (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, проф. (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, проф. (Гонконгский университет, Китайская Народная Республика, Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- Е. Н. Сорокина канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Е. И. Дергачева-Скоп д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

**Advisory Board of Academic Journal
“Vestnik NSU. Series: History and Philology”**

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger	Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
H. Plisson	Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
Bae Kidong	Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
P. Rutland	Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
I. V. Silantev	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
Tang Chung	Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
T. Higham	Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
Yu. V. Shatin	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

N. B. Koshkareva	Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
L. N. Sinyakova	Doctor of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

E. N. Sorokina	Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)
----------------	---

Board Members

E. I. Dergacheva-Skop	Doctor of Philological Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
N. A. Lukyanova	Doctor of Philological Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
N. N. Kazanskiy	Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
I. A. Melchuk	Doctor in Philology, Professor (University of Montreal, Canada)
E. Stergiopoulou	Doctor in Philology, Professor (National University of Athens, Greece)
P. Engel	Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2020. Том 19, № 2: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Рудницкая Е. Л.* Некоторые тенденции в функционировании отглагольных существительных (лексических номинализаций) в современном эвенкийском языке 9
- Найдич Л. Э., Либерт Е. А.* Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского) 26
- Берендеева М. С., Борзенкова Н. А.* Репрезентация индивидуально-авторской картины мира кинорежиссера Андрея Тарковского в рассказе «Белый день» 40
- Кузьмина М. А.* *Homo peregrinator*: образ автора и образ России в «Русском дневнике» Льюиса Кэрролла (1867) 57
- Плотников И. М., Кузнецова Е. С.* Варьирование актуального членения предложения (на примере аудиозаписей рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник») 71
- Андреев В. М., Купфер Л. В.* Языковые особенности клиентоориентированного поведения (на примере корпоративных текстов современных инженерно-строительных организаций) 79

Литературоведение

- Синякова Л. Н.* Провал коммуникации как архитектурный фактор поэтики А. П. Чехова («Кошмар», «Враги», «Неприятность») 90
- Дроздова А. О.* Редукция поэтического текста в критическом эссе В. Набокова «Владислав Ходасевич. Собрание стихов» 99

Информация для авторов 111

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2020, vol. 19, no. 2: Philology

CONTENTS

Linguistics

<i>Rudnitskaya E. L.</i> Some Tendencies in the Functioning of Deverbal Nouns (Lexical Nominalizations) in the Modern Evenki	9
<i>Naiditch L. E., Liebert E. A.</i> Notes on the Dialects of the Crimean Mennonite Settlements (Based on the V. M. Zhirmunsky's Archives)	26
<i>Berendeeva M. S., Borzenkova N. A.</i> The Representation of the Film Director Andrei Tarkovsky's Individual Artistic Worldview in the Short Story <i>A White, White Day</i>	40
<i>Kuzmina M. A.</i> <i>Homo Peregrinator</i> : The Author's Image and the Image of Russia in "The Russian Journal" by Lewis Carroll (1867)	57
<i>Plotnikov I. M., Kuznetsova E. S.</i> Variation in Thematic-Rhematic Articulation of a Sentence (On the Example of Recordings of the Short Story <i>A Malefactor</i> by Anton Chekhov)	71
<i>Andreev V. M., Kupfer L. V.</i> Language Features of Client-Oriented Behavior (On the Example of Corporate Texts of Modern Engineering and Construction Organizations)	79

Literature

<i>Sinyakova L. N.</i> Communication Failure in A. P. Chekhov's Poetics: Architectonic Factor (<i>A Nightmare, Enemies, An Awkward Business</i>)	90
<i>Drozdova A. O.</i> Reduction of the Poetic Text in a Critical Essay by V. Nabokov <i>Vladislav Khodasevich. Collected Verse</i>	99

Instructions to Contributors	111
------------------------------	-----

УДК 81 + 811.512.212 + 81'373.612 + 81'367.7
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-9-25

Некоторые тенденции в функционировании отглагольных существительных (лексических номинализаций) в современном эвенкийском языке

Е. Л. Рудницкая

*Институт востоковедения РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматриваются словообразовательные процессы: значение и синтаксические функции отглагольных имен в современном устном и литературном эвенкийском языке. Рассматриваются аффиксы *-kīt* (номинализация со значением места действия или абстрактного действия), *-d'Āk* (номинализация со значением места действия) и *-wīl* (образует от глагольных основ имена со значением инструмента, результата действия, абстрактного действия и др.). В словарях и грамматиках (современный литературный язык) *-kīt* демонстрирует достаточно регулярную многозначность, которая, кроме того, подтверждается материалом газетных текстов; абстрактные значения, представленные в тестах, далеко не всегда зафиксированы в словарях. Суффикс *-d'Āk* обозначает только место действия. У *-wīl* много значений; значение абстрактного действия встречается и в устных рассказах, и в газетных текстах и часто фиксируется в словарях и грамматиках. Все три суффикса могут стоять в позиции прилагательного / модификатора, приобретая адъективную функцию. Случаи адъективного функционирования этих номинализаций почти не отмечены в словарях и грамматиках, а в газетных текстах встречаются регулярно. При этом номинализация теряет некоторые свойства имени: например, возможность присоединять посессивные и рефлексивные аффиксы. В то же время такая номинализация факультативно согласуется в падеже и/или числе с определяемым именем, что характерно для эвенкийского прилагательного. В устных текстах функция модификатора встречается только у номинализаций на *-wīl*, и у имен на *-wīl* чаще всего присутствует согласование с определяемым именем. Можно сделать вывод о том, что функционирование рассматриваемых номинализаций как прилагательных (в первую очередь на *-d'Āk* и *-kīt*) – инновация и что устный язык сохраняет более архаичное состояние по сравнению с переводными и особенно газетными текстами, написанными на литературном языке. Полученные данные поддерживают тезисы Г. М. Василевич и И. Николаевой о недостаточном разграничении грамматических категорий существительного и прилагательного в эвенкийском языке. Не только значительное число основ относится к «недифференцированной» категории «существительное + прилагательное», но и некоторое число деривационных показателей (в нашем случае отглагольных) проявляют тенденцию к «расширению категориальной принадлежности» и из класса именных переходят в «адъективно-именные».

Ключевые слова

отглагольное имя, многозначность, прилагательное, категории имени и прилагательного, устный язык, литературный язык, эвенкийский язык

Благодарности

Хочу выразить благодарность Н. В. Сердобольской и Е. Л. Клячко за предварительное обсуждение данных, которые легли в основу статьи, а также Е. Л. Клячко за помощь в глоссировании переводных и газетных текстов

Для цитирования

Рудницкая Е. Л. Некоторые тенденции в функционировании отглагольных существительных (лексических номинализаций) в современном эвенкийском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 9–25. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-9-25

Some Tendencies in the Functioning of Deverbal Nouns (Lexical Nominalizations) in the Modern Evenki

E. L. Rudnitskaya

*Institute of oriental studies RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with derivational processes: meaning and syntactic functions of deverbal nouns in the literary and spoken Evenki. Three affixes are considered: *-kīt* (nominalization with the meaning of the place of the action, or of an abstract action), *-d'Āk* (nominalization with the meaning of the place of the action), and *-wūn* (derived nouns with *-wūn* have the meaning of the result of the action, of the instrument, an abstract noun meaning, etc.). It is mentioned in grammars and vocabularies that *-kīt* shows a quite regular polysemy 'place of action' vs 'abstract noun'; This polysemy is based on real uses in newspapers (the 'abstract noun' meanings found in the texts are often not listed in the dictionaries). The affix *-d'Āk* can have only the 'place of action' meaning in both written and spoken texts. The affix *-wūn* has a lot of nominal meaning; the 'abstract noun' meaning is found both in the literary and in the spoken language. This meaning is widely mentioned in dictionaries and grammars. All of the three affixes occur in the prenominal adjective / modifier position with the modification function. Cases of functioning of these three affixes as adjectives / modifiers are hardly mentioned in the dictionaries, and especially in the grammars, whereas you can find the nouns with *-d'Āk*, *-kīt*, *-wūn* in the noun modifier function in literary texts regularly. In this function, the nominalization loses important morphological properties of a noun, such as ability to bear a possessive or reflexive affix. The nominalization in the noun modifier position can optionally agree with the noun it modifies in case and/or number: this is a characteristic feature of Evenki adjectives. In spoken texts, we have found only *-wūn* nominals in the modifier position; overall, these nominals demonstrate case/gender agreement more often than nominals with *-kīt* and *-d'Āk*. We can conclude that the modifier use of deverbal nouns with *-wūn* and especially with *-d'Āk* and *-kīt* as adjectives is an innovation, and that the spoken Evenki preserves more archaic grammar rules than the newspaper (literary) language. These data also confirm the claims of G. M. Vasilevich and I. Nikolaeva that nouns and adjectives are not two distinct categories in Evenki: they are not fully differentiated neither in the lexicon, nor in grammar. Not only a considerable amount of stems are, following G. M. Vasilevich, "undifferentiated", or under-differentiated, but the number of such affixes is also increasing.

Keywords

deverbal noun, polysemy, adjective, nominal and adjectival categories, spoken language, literary language, Evenki

Acknowledgements

I would like to thank N. V. Serdobol'skaya and E. L. Klyachko for discussion of the data that is considered in the paper, and E. L. Klyachko for helping me to gloss newspaper and translated into Evenki texts.

For citation

Rudnitskaya E. L. Some Tendencies in the Functioning of Deverbal Nouns (Lexical Nominalizations) in the Modern Evenki. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 9–25. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-9-25

Введение

Словообразование и связанные с ним проблемы разграничения грамматических категорий – уже давно изучаемая и широкая тема. Так, номинализации посвящено очень большое количество работ, например, [Comrie, Thompson 1985; Кортъевская-Тамм, 1993], эта проблема затрагивается в таких работах, как [Abney, 1987; Убрятова и др., 1981].

Материал нашего исследования составляют, во-первых, устные рассказы, записанные в экспедициях 2005–2011 гг. в Эвенкийском муниципальном районе под руководством О. А. Казакевич. Они (истории из жизни, сказки) входят в корпус текстов на селькупском, кетском и эвенкийском языках на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»¹. Солидная часть примеров найдена на сайте «Корпуса Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН)². Из представленных на этом сайте материалов мы использова-

¹ См.: Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>. Эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко при участии Н. К. Митрофановой.

² URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php/>.

ли написанные на литературном языке тексты из газет начала XXI в., а также некоторые переводные тексты начала XXI в. (на нем также есть устные рассказы из разных районов, начиная с 1930-х гг. до наших дней).

Эвенкийский язык принадлежит к северной группе тунгусских языков, которая относится к тунгусо-маньчжурским языкам (ветви алтайских языков). В работе [Василевич, 1948. С. 10, 11, 18] по фонетическим критериям выделяется три диалекта (северный, южный и восточный), которые делятся более чем на пятнадцать говоров. В настоящее время различия между диалектами и говорами до некоторой степени нивелировались, однако их следы можно обнаружить³. Это связано с усилившейся миграцией и приобретением многими носителями статуса билингв, а также с использованием ими русского языка на работе и дома. Сейчас бегло говорят по-эвенкийски в основном пожилые люди, старше 60–70 лет.

В 1937 г. был создан литературный эвенкийский язык с русским алфавитом. За его основу взят Подкаменно-Тунгусский говор (точнее – говор села Полигус), относящийся к южному диалекту⁴. Сейчас литературный язык используется, в частности, в письменных текстах (газеты, переводы с русского языка). Устный язык состоит из отдельных локальных говоров, многие из которых отличаются от литературного языка. Все говоры используют письменность литературного языка).

Многозначность показателей номинализации в эвенкийском языке

В грамматиках и словарях [Василевич, 1958; Константинова, 1964; Nedjalkov, 1997; Болдырев, 2007] отмечается многозначность нескольких аффиксов, образующих имя от глагола. В частности, это аффикс со значением результата действия (*-wūn*) – примеры (1а, б), и аффиксы, образующие имена со значением места действия (*-d'Āk*, *-kīt*), – примеры (2)–(4). Помимо указанных значений, данные аффиксы могут также обозначать абстрактную деятельность – ср. примеры (5)–(8). Такие примеры чаще всего относятся к письменному языку и встречаются преимущественно в переводных текстах и текстах газет (сайт КИЭА РАН); не встречаются в устных рассказах на том же сайте и на сайте «Малые языки...» (нами найден только один пример такого типа – (6))⁵.

- (1) а *Āvel' nĭn Bĕgin-dū anĭ-vun-ma ėmuv-čĕ*
 Авель снова Господь-DAT дарить-NMLZ-ACC принести-PTCP.ANT
 'Авель также принес дар Господу...' (– ягнят первенцев своего стада). ОнёвувчĀл Библия Улгүрили́н (2011) [Библия для детей. Библейские рассказы с иллюстрациями на эвенкийском языке] (Сайт КИЭА РАН: http://corpora.iea.gas.ru/corpora/describe_text.php?id=131)
- б *Siŕia tĕgĕmĕr-in Nĕman-dū ĕun-čĕ:*
 Сирия царь-PS.3SG Неэман-DAT сказать-PTCP.ANT
«Исраиль-тыкĭ ĭĕnĕ-kĕl, bĭ-kĕ Исраиль
 Израиль-ALL ехать-IMPER.2SG я-FOC Израиль
tĕgĕmĕr-dulĕ-n sin-nŭn duku-vun-a
 царь-LOC-PS.3SG ты.OBL-COM писать-NMLZ-PART
uŋ-deuĕ-v.
 послать-FUT-1SG
 'Сирийский царь сказал тогда Неэману: «Отправляйся в Израиль, а я пошлю с тобой письмо израильскому царю»'. (Источник тот же)

³ См.: Клячко Е. Л. Диалектные особенности публикуемых текстов // История страны в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков / О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, Ю. Е. Галямина, Е. Л. Клячко (в печати).

⁴ Сведения из Википедии.

⁵ Примеры с сайта «Малые языки...» (устные рассказы) записаны в фонетической транскрипции, а с сайта КИЭА РАН (так называемый «нормализованный текст») – кириллицей. Мы не приводим транскрипции для текстов, записанных эвенкийской письменностью и нормализованных, во избежание ошибок.

- (2) *Суриунэ дуннэ-в минүи, балды-дяк-ив*
 Суринда земля-PS.1SG мой родиться-NMLZ-PS.1SG
 ... (наш эвенкийский писатель Алитет Николаевич Немтушкин начал свою книгу повестью «Птицы, вернитесь»:) 'Суринда – моя земля, **место, где я родился**'. Неунери Этэчимни тырганин (2013) [Весенний день оленевода] (Сайт КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=73)
- (3) *taduk tar hələ ətə-rə-n tar bəjə*
 потом тот вот не.статья-NFUT-3SG тот человек.мужчина
tar-tikī girku-d'a-mi tar bulta-kit-tikī-ji
 тот-ALL ходить-IPFV-CVB.COND тот добыть-NMLZ-ALL-RFL
 'Потом вот этот человек перестал туда ходить, **на свой охотничий участок...**'.
 (В. Елдогир, FSk10 (сказка), пос. Чиринда, «Малые языки...»)
- (4) *Дюлэски нады-т-ча-т бултамни*
 на.будущее предполагать-DUR-PST-1PL(INCL) охотник
тат-кит-ва-н эду анга-ми
 учиться-NMLZ-ACC-PS.3SG здесь открыть-CVB.COND
 'На будущее предполагали открыть **школу** для охотника' (чтобы... ученики знакомились с работой охотника и с навыком воспитания оленей...). «Мучун» – Омакта аннгани [1] (2013) [«Мучун» – Новый год [1]] (Сайт КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=109)
- (5) *алагу-ву-р-ва мана-на-л, аят*
 обучать-NMLZ-PL-ACC⁶ закончить-PROB-PL хорошо
вступительный экзамена-л-ва тэрэ-нэ-л
 вступительный экзамен-PL-ACC выдержать-PROB-PL
тадук специальной алагу-вун-ма этэ-нэ-л
 и/потом специальный обучать-NMLZ-PL-ACC не.статья-PROB-PL
 (пожелания насчет дальнейшей жизни выпускников) '...**учебу** закончат, хорошо выдержат вступительные экзамены, потом специальную **учебу** закончат...'. Таткитва эмэндын (2013) [Прощание со школой] (Сайт КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=78)
- (6) *sint'abr' mаnа-wun-dū-n*
 сентябрь закончить-NMLZ-DAT-PS.3SG
huru-pkī ohōta-lā
 пойти-PTCP.HAB охота-LOC
 (о брате) '...**в конце** сентября уезжает на **охоту**'. (И. Увачан, Lav1 (история жизни), пос. Тутончаны, «Малые языки...»)
- (7) *Нады-т-ив-ра-Ø социальный тама-ву-р*
 предполагать-DUR-PASS-NFUT-3PL социальный платить-NMLZ-PL
тадук компенсация-л... булат-кит-тула,
 и/потом компенсация-PL охотиться-NMLZ-LOC
олломэ-кит-тула итыга-на-л.
 ловить.рыбу-NMLZ-LOC затеять-PROB-PL
 'Предполагалось, что социальные выплаты и компенсации... затевают для **охоты и рыбной ловли**'. Севергарду хэгды документ (2013) [Важный документ для северян] (Сайт КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=111)

⁶ В этом примере и в дальнейшем аффикс -вун (-wun) усекается до -ву (-wi), поскольку за ним следует аффикс -l 'PL', который по правилу морфонологии сливается с конечным согласным имени [n], в результате чего мы видим усеченную основу и алломорф PL [r].

- (8) *оде-дэ-вэр* *тадук* *иргит-тэ-вэр*
 беречь-CVB.PURP-RFL.PL и опекать-CVB.PURP-RFL.PL
мэнңи *турэн-мэ,* *культура-ва,* *бинэ-вэр*
 свой язык-ACC культура-ACC бытие-RFL.PL
алагу-вун-ма *тадук* *авгара-кум-ва*
 обучать-NMLZ-PL-ACC и лечить-NMLZ-ACC
 (как воспитывать будущее поколение в многонациональной стране) ‘...чтобы [эти люди] бережно относились и заботились о своем языке, культуре, жизни, а также учебе и медицине / лечении’. «Арун» балдынадук одалан (2013) [«Чистый» с рождением] (Сайт КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=71)

Притом, что и *-d'Āk*, и *-kīt* образуют отглагольные локативные имена, между этими аффиксами есть различия. Во-первых, в текстах первой половины XIX в., записанных Г. М. Василевич и Е. П. Лебедевой, встречается только *-d'Āk*, ср. (9). В текстах же, записанных в начале XXI в., используется преимущественно *-kīt*, (см. (10а, б)). На сайте «Малые языки...» существительное на *-kīt* в локативном значении найдено 12 раз, на сайте «Корпусы ИАЭ РАН» такие имена встречаются довольно часто⁷. А *-d'Āk* в локативном значении найдено на сайте «Малые языки...» всего 6 раз (ср. пример (11)), а на сайте КИЭА ИЭА РАН – только один раз (пример (2)).

- (9) *bu* *upkat* *ičə-rə-w...*
 1PL(EXCL) весь увидеть-NFUT-1PL(EXCL)
i *səktə-lə-d'ək-wə-tin* *lalbuka-l-wa*
 и подстилка-VBLZ.OBJ-NMLZ.LOC-ACC-PS.3PL мох-PL-ACC
 ‘Мы все увидели (, что ельник обгрызен) и место, где она собирала для подстилки мох’. (архив Е. П. Лебедевой⁸, В. Бухарев, рассказ «Мы поймали медвежонка», пос. Учами)
- (10) а *taduk* *toyo-ŋnə-rə-v* *d'avj-l-tiki*
 потом сесть-HAB-NFUT-1PL(EXCL) лодка-PL-ALL
i *šuru-ŋnə-rə-w* *ošoloki*
 и пойти-HAB-NFUT-1PL(EXCL) вверх.по.течению
ulumi-kit-tiki
 белковать-NMLZ-ALL
 ‘Потом садимся в лодки и уходим вверх по течению к промысловым местам’. (Боярин Георгий, L-R4 (история жизни), пос. Сым⁹, «Малые языки...»)
- б *huta-kan-duki-n* *əɾə* *lukī-li-n*
 мешок-ATTEN-ABL-3SG этот стрела-PL-3SG
bi-kit-tuk-tin *mikčan-d'ə-rəki-n*
 быть-NMLZ-ABL-PS.3PL прыгнуть-IPFV-CVB.COND-3SG
lukī-li-n *buru-so*
 стрела-PL-3SG упасть-PTCP.ANT
 ‘Когда он прыгал, его стрелы упали из его мешка, из колчана [месте, где они были]’. (В. Удыгир, Fsk3 (сказка), пос. Эконда, «Малые языки...»)

⁷ Общее число употреблений посчитать невозможно, поскольку, во-первых, на этом сайте многие тексты нельзя посмотреть полностью, а только примеры с отдельными лексемами, а во-вторых, потому что *-kīt* это очень продуктивный аффикс, и он в литературном языке обладает широкой полисемией (см. сноску 11), а не используется только в локативном значении и значении абстрактного действия.

⁸ Лебедева Е. П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. // Архив ИЛИ РАН. С. 1010707–1010716; С. 1010206–1010562.

⁹ Говор поселков Сым и Белый Яр – сымский говор – относится к южному диалекту, однако отличается определенными фонетическими особенностями (например, вместо простых сибилантов типа [s] в определенных позициях употребляются шипящие типа [š]). Эти особенности отражены в транскрипции.

- (11) *on níka-nə amaskī əmə-d'ōk-pi*
 как собираться-CVB.SIM назад прийти-NMLZ-RFL
baka-d'a-m
 найти-FUTCNT-1SG
 'Как же я снова найду [место], как я пришел?' (В. Елдогир, FSk10 (сказка),
 пос. Чиринда, «Малые языки...»)

Полисемия 'действие' – 'результат действия' среди словообразовательных аффиксов – типологически обычный феномен, ср., например, [Rathert, Alexiadou, 2010. P. 3; Roy, Soare, 2013]. В работе [Болдырев, 2007. С. 69–70] приводится семь значений аффикса *-wūn*, и при этом значения 'действие' и 'результат действия' приводятся в одном пункте¹⁰. Полисемия 'место действия' – 'действие'¹¹ есть в русском языке (см. [Сидорова, 2014. С. 14], примеры типа *суд* в значении 'место суда' и 'процесс суда'). Однако в типологическом ракурсе такая полисемия не является универсалией.

В работах [Василевич, 1940. С. 74; 1948. С. 27] аффикс *-kīt* характеризуется как двузначный (со значением 'место / место действия' и 'действие'), а *-d'Āk* – как обозначающий только место действия. В современном литературном эвенкийском языке подобная многозначность *-kīt* встречается достаточно регулярно. Аффикс *-d'Āk* не употребляется как существительное с событийным значением: по крайней мере, для имен на *-d'Āk* не найдено таких употреблений. «Нелокативное» употребление существительных на *-kīt*, таких как в примерах (7), (8) из газетных текстов, не найдено в устных рассказах (ни на одном из исследованных сайтов, притом что на сайте КИАЭ РАН есть устные рассказы начиная с 1930-х гг.). Согласно работе [Benzing, 1955. S. 64]¹², прототунгусский показатель **-kučī* 'имя локализации или инструмента (?)' звучит в эвенкийском языке как *-kīt*, в эвенском – как *-kīc*, в удэгейском – как *-kci*. Такая этимология подразумевает, что локативное значение является для *-kīt* / *-kīc* исходным и в эвенкийском, и в эвенском.

Если в полисемии 'место действия' – 'действие' у показателя *-kīt* значение места действия первично, то вторая интерпретация ('действие'), скорее всего, является результатом выветривания (bleaching) семантики показателя ('место действия' → 'действие'). Интересно, что в эвенском языке ([Кузьмина, 2015. С.112]) есть все три аффикса (*-d'Āk*, *-kīt*, *-wūn*), и не *-kīt*, а *-d'Āk* двузначен – может образовывать и локативное имя, и событийное имя.

Номинализации на *-kīt* с событийным значением образуются от глаголов очень регулярно, но часто не фиксируются в словарях или фиксируются с разными переводами. Так, имя *avgarā-kīt* (от *avgarā-* 'выздоровливать') в словаре [Болдырев, 2000. Ч. 1. С. 15] переводится как «оздоровление», а в работе [Болдырев, 2007. С. 72] – как «выздоровление». В словарях [Василевич, 1958; Мыреева, 2004], ориентированных прежде всего на устный язык и диалектные варианты, это слово отсутствует. В газетных текстах существительные на *-kīt* встречаются довольно часто и с локативным, и с событийным значением, которые можно понять из контекста, например, *avgarā-kīt* в (8) переводится как «медицина». В примере же (12) нельзя интерпретировать *avgarā-kīt* как абстрактное имя (ср. (8)), а только как имя со значе-

¹⁰ Аффикс *-wūn* зафиксирован в работе [Василевич, 1948. С. 127] как показатель «именной глагольной... формы назначения действия» (которое может употребляться в приименной позиции; часто, но не всегда с послелогом *d'arin* «для») в подкаменно-тунгусском диалекте. Оттуда эта форма проникла в литературный язык и в виде показателя *-wūn*, и (согласно работе [Константинова, 1964. С. 219]) в виде назначительного причастия *-wūna*.

¹¹ Согласно работе [Болдырев, 2007. С. 72], *-kīt* также может обозначать и время действия, например, *ulu[kī]mī-kīt* 'время охоты на белку' от глагола *ulu[kī]-mī-* 'белка-VBLZ.HUNT' «охотиться на белку».

(i) *улу-ми-кит*, *гун-нэ-л*, *тап* *бега-ду*
 белка-VBLZ.HUNT-NMLZ *сказать-PTCP.PF-PL* *этот* *месяц-DAT*
булта-ли-уки-л *улуки-л-э*
 охотиться-INCH-PSTITER-PL *белка-PL-PART*

'Время охоты на белок – говорят, в этом месяце начали охотиться на белок'. (Сайт КИАЭ РАН, текст об эвенкийских традициях)

¹² На данную работу нам указала А. В. Дыбо.

нием «медицинское учреждение» (хоть такое значение и не фиксируется в словарях). Можно считать, что некоторые формы на *-kīt* – новообразования, которые используются в газетных текстах при нехватке исконно эвенкийских слов для передачи русских понятий. Имя *tat-kīt* (пример (4)) переводится стандартно как «школа» (локативное значение) и в текстах, и в словарях. Имя *bulta-kīt* может иметь и локативное (пример (3)), и абстрактное (пример (7)) значение, ср. [Болдырев, 2000. Ч. 1. С. 83].

- (12) Эри-л фотография-л 56 аннани-дук, Ессей-ду
 вот.этот-PL фотография-PL 56 год-ABL Ессей-DAT
авгара-кит-ту-н *мут-ни* *коллектив*
 лечить-NMLZ-DAT-PS.3SG 1PL(INCL)-PROPR коллектив...
 ‘Эти фотографии 56-го года, в Есее, в **медицинском техникуме**, мой коллектив...’
 (фельдшеры... [идет перечисление имен]...). Туруни авгарачимнил техникумду 70
 аннанил [1] (2013) [Туринскому медицинскому техникуму 70 лет [1]] (Сайт КИЭА
 РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=123)

Адъективное употребление отглагольных имен

В пермских уральских языках (например, в бесермянском удмуртском) есть локативное имя на *-(o)n-n'ig*, от которого, согласно работе [Усачева, Сердобольская, 2015], образуется временное деепричастие на *-(o)n-n'iga*. Похожие случаи перехода из категории имени в категорию (дее)причастия есть в других типологически неродственных языках, например чадских, или гуарани, см. [Там же. С. 400]. В бесермянском удмуртском выветривание значения локативного имени на *-(o)n-n'ig* происходит одновременно с изменением категориального статуса и морфосинтаксических характеристик слова с этим показателем – оно становится деепричастием. Как показывает эвенкийский материал, похожие, хотя не идентичные, изменения претерпевают показатели *-d'Āk*, *-kīt*, *-wūn*.

Рассмотрим атрибутивное употребление имен на *-d'Āk*, *-kīt*, *-wūn*. В таких примерах существительное на *-d'Āk*, *-kīt*, *-wūn* служит аналогом относительного прилагательного, указывая на характеристику последующего существительного. Так, в примере (13) *bal-di-d'āk* характеризует имя *tūr-ṣ-r-di-n* ‘(на) языках [INST]’ и употребляется в функции модификатора, не обладая референциальным статусом, в отличие от (2), где *bal-di-d'āk* переводится как ‘место рождения’. Аналогичной является пара примеров с *-wūn* (14а, б) ((а) – с именем-модификатором в атрибутивной позиции, (б) – с именем в аргументной позиции). Ср. примеры в работе [Колесникова, 1966. С. 164].

- (13) сйнмавчā-л алагувумнī-л нуан балды-дĀк
 избранный-PL ученик-PL он / она родиться-NMLZ
tūr-ṣ-r-di-n *tūr-ṣ-t-čērī-w-ty-n*
 язык-PL-INST-PS.3SG говорить-PTCP.SIM-ACC-PS.3PL
дблды-ксā...
 слышать-CVB.CON
 (Каждый слышал, что) ‘апостолы говорят на его **родном** языке [букв. родных языках]...’ (Источник тот же, что в примере (1))

- (14) а Эри-л-дули итыга-ву-р хава-л
 вызов-PL-PROL готовить-NMLZ-PL работа-PL
эси *ноно-ву-л-чэ-л.*
 сейчас начать-PASS-INCH-PTCP.ANT-PL
 ‘По вызову [букв. по вызовам] **подготовительные работы** сейчас начались’.
 Дялит: автоматизация униеду (2013) [С умом: автоматизация в снабжении] (Сайт
 КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=72)

б	Эр	со	бэлэ-ды	итыга-вун	би-си-н,
	этот	очень	помогать-ATR	готовить-NMLZ	быть-PRS-3SG
	антыли	упкат-ва	савкан-де-т		
	всякий	все-ACC	приспособиться-FUTCNT-1PL(INCL)		
	‘Это очень полезная подготовка , ко всему-всему приноравимся’. ЭМР КМНС «Арун» ассоциацияду синмады конференциян (2013) [Конференция, посвященная выборам в ассоциацию ЭМР КМНС «Арун»] (Сайт КИЭА РАН, газета: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=70)				

В примере (15) имя *avgarā-kīt* также употреблено атрибутивно (ср. (8), (12), где оно переводится как ‘медицина / лечение’ и ‘медицинское учреждение’) ¹³. Для *bulta-kīt* ‘место охоты, охота’ (примеры (3), (7)) также возможно атрибутивное употребление, см. словарь [Болдырев, 2000. Ч. 1. С. 83].

(15)	1953	ануани-ду	там-кит-ва,		
	1953	год-DAT	учиться-NMLZ-ACC		
	авгара-кит	¹⁴	училища-т	гэрби-рэ-Ø	
	лечить-NMLZ		училище-INST	называть-NFUT-3PL	
	‘В 1953 году школу назвали медицинским училищем’. Туруни авгарачимнил техникумду 70 ануанил [1] (2013), см. пример (12)				

В устных рассказах (на сайте «Малые языки...») найдено всего три примера на атрибутивное употребление имен на *-wūn*: (16), (17а, б). Они взяты из рассказов двух рассказчиков – Комбагир Анны и Елдогир Валентины, лучше всего владеющих архаическими конструкциями эвенкийского языка. При этом в (16) и (17б) возможна интерпретация *-wunə* и *-wi* как показателя назначительного деепричастия на *-wūnA* (см. сноску 10).

(16)	eksped'itsija-l-dū	hawali-wunə	oro-r
	экспедиция-PL-DAT	работать-NMLZ/CVB.INT	олень-PL
	‘Олени для работы в экспедициях’. (А. Комбагир, история жизни, пос. Эконда, сайт «Малые языки...»)		

(17) а	in-d'ə-wun=tə=luwər	oro-r-d'i=luwər
	жить-IPFV-NMLZ=FOC=FOC	олень-PL-INST=FOC
	in-d'ə-Ø-p	
	жить-IPFV-NFUT-1PL(INCL)	
	(Олени) ‘ для жизни ведь, оленями же живем’. (А. Комбагир, история жизни, пос. Эконда, сайт «Малые языки...»)	

б ¹⁵	d'ūr	mō-wa	mō-kā-r-bə
	два	дерево-ACC	дерево-ATTEN-PL-ACC

¹³ Б. В. Болдырев [2000. Т. 1. С. 15] предлагает считать подобные случаи послеложной конструкцией с выпавшим послелогом *d'arin* ‘для’ (*avgarā-kīt d'arin učilišča-t*), ср. (13), (14а). Г. М. Василевич [1948. С. 127] дает именно такой анализ атрибутивного употребления, только с именами на *-wūn* и только для подкаменно-тунгусских говоров (на которых основан литературный язык), см. сноску 10. Это употребление, видимо, сохранилось устной речи (рассказы на сайте «Малые языки...»), см. (17а). Для других примеров на *-wūn* и примеров на *-d'āk* и *-kīt* такой анализ использовать нельзя по семантическим причинам, ср. (13), (14а), (15).

¹⁴ В словаре [Мыреева, 2004. С. 21] также есть глагол *avgarakī-* ‘вылечить’, однако *-t* не является показателем номинализации, а образует наречия от прилагательных или имеет значение инструменталиса.

¹⁵ В (17б) имя *duktə-wu-r-ə-ji* ‘колотить-NMLZ/CVB.INT-PL-PART-RFL’ «для битья» обладает признаками прилагательного и деепричастия одновременно: согласуется в падеже с *mō-kā-r-bə* ‘дерево-ATTEN-PL-ACC’ «палочки» (как прилагательное) и присоединяет рефлексивный показатель *-ji* (который регулярно присоединяют целевые деепричастия *-d'ā CVB.PURP*). Так что показатель *-wi-* тут можно считать показателем назначительного деепричастия CVB.INT, значение которого близко к CVB.PURP – целевому.

o-ra-n *duktə-wu-r-ə-ji*
сделать-NFUT-3SG колотить-NMLZ/CVB.INT-PL-PART-RFL
'Два дерева, две палочки сделал **для битья** [букв. «для битья (PL)»] в бубен'.
(В. Елдогир, Fsk9 (сказка), пос. Чиринда, сайт «Малые языки...»)

Показатель *-wūn* в устном языке (как и в литературном) очень часто имеет значение 'инструмент действия' (примеры (18а–в)), но практически не употребляется в устном языке в событийном значении (ср. пример (6)). В записанных Е. П. Лебедевой¹⁶ устных рассказах как показатели результативной или событийной номинализации используются синонимичные показатели *-mnA*, *-ktA* (19а), (20а), почти не употребляющиеся в современном устном языке: так, *-mnA*, *-ktA*, а не *-wūn* если и встречаются, то в сказках (19б), (20б).

- (18) а *pəktirə-wūn*
стрелять-NMLZ 'ружье'
- б *putə-wu-r-tin* *ŋō-pɕi*
лечить-NMLZ-PL-PS.3PL вонь-ATR
'**Мази их** [олений] вонючие' (В. Удыгир, Lav (история жизни), пос. Кислокан, сайт «Малые языки...»)
- в *puruli-wūn*
проткнуть-NMLZ 'шило'
- (19) а *bu* *upkat* *ičə-rə-w...*
1PL(EXCL) весь увидеть-NFUT-1PL(EXCL)
səktə-kə-r-wə *koŋi-mnə-wə-tin*
ветка-INTS-PL-ACC отгрызть-NMLZ.RES-ACC-PS.3PL
'Мы все увидели, что ельник **обгрызен...**' (Архив Е. П. Лебедевой¹⁷, В. Бухарев, рассказ «Мы поймали медвежонка», пос. Учами) – ср. пример (9)
- б *hələ* *bi* *ərə* *mō-t* *aŋə* *bəjŋō*
вот 1SG этот дерево-INST это дикий.олень
irəksə-wo-n *olgi-ktA ...*
шкура-ACC-PS.3SG высушить-IMPER.1SG
kingit *əmə-mnə-wo-n*
Кингит прийти-NMLZ.RES-ACC-PS.3SG
'Вот я это, палкой высушу шкуру дикого оленя, шкуру дикого оленя, **принесенную** Кингитом'. (В. Елдогир, Fsk9 (сказка), пос. Чиринда, сайт «Малые языки...»)
- (20) а *amar-du-n* *bulta-hi-ktA-du-n*
зад-DAT-PS.3SG добыть-INCEP-NMLZ.RES-DAT-PS.3SG
əmə-śə-n *śulugdi* *umukōn* *ēha-śi* *umukōn*
прийти-PST-3SG Чулугды один глаз-ATR один
halga-śi
нога-ATR
'После этого, во время **его охоты**, пришла чулугды [волшебное чудовище] с одним глазом, с одной ногой'. (Архив Е. П. Лебедевой¹⁸, Т. Ялогир, сказка «Чулугды», пос. Тутончаны)

¹⁶ Лебедева Е. П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. // Архив ИЛИ РАН. С. 1010707–1010716; С. 1010206–1010562.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

- 6 *tar* *ətirkōni-n* *tuksā-malča-rə-n* *hələ*
 тот старик-PS.3SG убежать-QA-NFUT-3SG вот
komojə-mi *tuksā-hi-ktā-dū-n*
 Комое-ATTEN убежал-INCEP-NMLZ.RES-DAT-PS.3SG
 ‘Тот старик убежал сразу [быстро], когда Комое убежал [был таков]’. (В. Ел-
 догир, Fsk2 (сказка), пос. Чиринда, сайт «Малые языки...»)

Атрибутивное употребление имен на *-d'Āk* и *-kīt* отсутствует на сайте «Малые языки...», а на сайте КИЭА РАН все атрибутивные употребления относятся к текстам из газет. Атрибутивное употребление имен со значением места действия / абстрактного действия является характеристикой литературного, а не разговорного языка.

Рассмотрим атрибутивную конструкцию, показанную в примерах (13)–(15), как синтаксическую. Эта конструкция в принципе может интерпретироваться как посессивная. В посессивной конструкции между зависимым и главным именем наблюдаются отношения родства, локализации, обладания, а также часть-целое, аргумент, более абстрактная связь и др. Отношения характеристики в принципе допустимы (21). Зависимый (первый) член этой конструкции обычно является референтным именем. Во-первых, главное имя притяжательной конструкции несет посессивный аффикс, отсылающий к зависимому имени, что представлено в том числе и в (21). Это указывает на отнесенность зависимого имени к категории существительных. В (13) же с *baldi-d'ak* / *baldi-d'āk* в значении ‘родной’ и в других примерах с адъективным употреблением имен на *-d'Āk*, *-kīt*, *-wūn* не найдено примеров с рефлексивным или посессивным показателем на определяемом существительном¹⁹.

- (21) [*oron* *hawa-n*]...
 олень работа-PS.3SG
 ‘Оленья работа’ (большая...). (Г. Хутокогир, история жизни, пос. Эконда, сайт «Малые языки...»)

Во-вторых, зависимое имя может присоединять рефлексивный аффикс (принадлежность объекту, обозначаемому подлежащим), как в (21) или (22а), и также посессивный аффикс, как в (22б). В атрибутивном употреблении отглагольные имена действия нереперентны. Имена также приобретают морфологические свойства прилагательных: факулативное согласование с определяемым именем в числе и / или падеже (ср. согласование прилагательных в (23а, б)). Такое согласование для имен на *-wūn* встречается довольно редко (ср. (24)²⁰, (25)), а для *-d'Āk*, *-kīt* нами вообще не найдено. В (24), (25), как кажется, представлено согласование имен на *-wūn*, как наиболее устоявшихся в адъективной функции. В словаре [Болырев, 2000. Ч. 1. С. 83] упоминается адъективное употребление *bultā-kīt* ‘охотничий’ с падежным согласованием: *bultā-kīt-wa tərū-wa* ‘охотиться-NMLZ-ACC срок-ACC’ «(откладывал) охотничий сезон». Возможно, редкие случаи согласования имен на *-wūn* и особенно на *-kīt*, *-d'Āk* в адъективной функции объясняются инновационным характером перехода этих слов в категорию прилагательного. Аналогично модификаторам на *-d'Āk*, *-kīt*, прилагательные, заимствованные из русского языка, почти никогда не согласуются с именем, особенно в падеже, ср. сочетания *вступительный экзамена-л-ва*: «вступительные экзамены» [PL, ACC] и *специальной алагу-вун-ма* «специальную учебу» [ACC] в (5) и *социальной тама-ву-р тадук компенсация-л* «социальные выплаты и компенсации» [PL] в (7). В обоих случаях можно считать отсутствие

¹⁹ В (13) имя *tūrē-n-d'i-n* ‘язык-PL-INST-PS.3SG’, стоящее после *baldi-d'āk* ‘место рождения, родной’, присоединяет посессивный показатель *-n* ‘PS.3SG’. Однако перед *baldi-d'āk* стоит местоимение *nijan* ‘он / она’, так что посессивный аффикс, скорее всего, относится к этому местоимению.

²⁰ В (24) представлено «приблизительное» падежное согласование: определение (*aru-gī-wun-a*) присоединяет показатель партитива *-(j)A PART*, а определяемое слово (*mū-wa*) – показатель аккузатива *-wA/-mA ACC*. Как нам кажется, нельзя альтернативно анализировать *-wun-a* в *aru-gī-wun-a* как один показатель назначительного деепричастия, *-wuna* ‘-PTCP.INT’ в связи с позицией определения, которую *-wun-a* занимает в (24).

согласования признаком неполной морфологической адаптации к эвенкийской категории прилагательного.

- (22) а ...[*huŋi-l-bi* *hokto-lī-tin*]
 хозяин-PL-RFL дорога-PROL-PS.3PL
 (Собака пришла) 'по дороге **своих** хозяев'. (В. Елдогир, LR2 (история жизни), пос. Чиринда, сайт «Малые языки...»)
- б *inigə-rə-Ø* *ələ-wə-n*
 развьючить-NFUT-3PL весь-ACC-PS.3SG
 [*d'u-n* *dagi-n*]
 дом.чум-PS.3SG место.вблизи-PS.3SG
 'Там с оленей сняли все к [**их**] чуму близко'. (П. Панкагир, история жизни, пос. Тутончаны, сайт «Малые языки...»)
- (23) а *ədu* *brigada-ja-n* *tawu-wkī-l=da*
 здесь бригада-PART-PS.3SG собрат-PTCP.HAB-PL=FOC
ilmakta-l-ba *bəjə-l-wə*
 молодой-PL-ACC человек-PL-ACC
 'Здесь его бригаду собирали, **молодых людей**'. (В. Елдогир, LR1 (история жизни), пос. Чиринда, сайт «Малые языки...»)
- б *gə-lā* *d'u-lā* *əmə-d'ə-n*
 ...другой-LOC дом.чум-LOC прийти-FUTCNT-3SG
tarə [*žənih-pi* *d'u-lā-n*]
 тот.ACC жених-RFL дом.чум-LOC-PS.3SG
 (Свадьбу закончив,) 'в **другой чум** она [невеста] пойдет, в **чум своего жениха**'... (П. Панкагир, история жизни, пос. Тутончаны, сайт «Малые языки...»)
- (24) *tar-gašin* [*aru-gī-wun-a* *anan*²¹ *mū-wa*]
 тот-EQT ожить-TR-NMLZ-PART специально вода-ACC
niŋa-rikta *hā-sa*
 3SG-LIM знать-PTCP.ANT
 'Такую **оживляющую** специальную **воду** только он знал'. (В. Елдогир, FM1 (сказка), пос. Чиринда, сайт «Малые языки...»)
- (25) *Hu-тыкин-ду* *алагувумни-ду* *И. В. Мукто*
 Кто-Q.UNIV-DAT ученик-DAT И. В. Мукто
 [*ани-вун-ма* *альбом-ва*] *тадук* *значок*
 присылать.подарки-NMLZ-ACC альбом-ACC и значок
Туру ин-дули-н *алив-ра-н*.
 Тура жизнь-PROL-PS.3SG вручить-NFUT-PS.3SG
 'Каждому ученику И. В. Мукто вручил **подарочный** альбом и значок о жизни Туры'. («Прощание со школой», см. пример (5))

²¹ *Anan* – заимствование из якутского языка. Как и у заимствований из русского, у *anan* падежное согласование с именем *mū-wa* «воду» отсутствует.

Адъективные свойства отглагольных имен в контексте общей характеристики эвенкийской грамматики

Продemonстрированные морфосинтаксические характеристики отглагольных имен (возможность выступать в позиции имени и в позиции прилагательного и в зависимости от этого приобретать те или иные морфологические характеристики) не является чем-то необычным для эвенкийского языка, как и для других тунгусских языков. И. Николаева в работе [Nikolaeva, 2008] в контексте других тунгусских языков рассматривает аффикс *-čī* 'ATR.PROPR', образующий отыменные прилагательные (*hutā* 'ребенок' → *hutā-čī* 'имеющий детей'), и аффикс *-lān* 'COM/PROPR', образующий имена со значением 'нахождение у объекта предмета, выраженного основой' (*ugūčak* 'верховой олень' → *ugūčak-lān* '(человек) на верховом олене / имеющий верхового оленя'). Ср. [Василевич, 1948. С. 61; 1958. С. 797, 767; Константинова, 1964. С. 72, 115–116]. И. Николаева показывает, что слова с данными аффиксами могут стоять в позиции прилагательного и согласовываться с определяемым именем (26). В (27) форма на *-čī* сочетается с диминутивным аффиксом *-kān*, который присоединяется только к именам.

- (26) *oro-čī-l-du* *asa-l-du* (9b) из [Nikolaeva, 2008]
 олень-ATR.PROPR-PL-DAT женщина-PL-DAT
 'к женщине с оленем'

- (27) *saŋari-čī-kā-r* *bi-če-tin* (24a) из [Nikolaeva, 2008]
 hole-ATR.PROPR-DIM-PL be-PST-3PL
 'У них были маленькие дырочки'.

В работе [Константинова, 1964. С. 72, 115–116] также упоминается амбивалентный статус слов на *-čī* и *-lān*. Ср. (28) с сайта «Малые языки...», где имя *oro-r-lon* «с оленями» – сирконстант глагола *nulgi-solā-tin* «аргишили», а не атрибутивное сочетание '(человек), имеющий что-л', как в примере *ugūčak-lān* '(человек) на верховом олене / имеющий верхового оленя'²²:

- (28) *oro-r-lon* *nulgi-solā-tin* *təŋə*
 олень-PL-COM/PROPR кочевать-CVB.ANT-3PL SLIP
adi-sī-dū-n *əlō* *nulgi-rkə*
 сколько-ATR-DAT-PS.3SG сюда кочевать-PROB
 «С оленями аргишили, сюда в каком году приехал?»
 (В. Удыгир, Lav (история жизни), пос. Эконда, сайт «Малые языки...»)

В работе [Василевич, 1940. С. 42–43] отмечается, что в эвенкийском есть ряд основ без категориального признака (так называемые «недифференцированные» основы). Некоторые основы могут присоединять и именные, и глагольные аффиксы: *urun-* 'радость, радоваться', *əŋū-* 'боль, болеть'. Другие корни могут служить и именами, и прилагательными: *dīram* 'толстый, толщина'; *urgə* 'тяжесть, тяжелый'. При образовании же имен от глаголов в эвенкийском аффикс номинализации, как принято считать, меняет категорию слова: отглагольное имя приобретает свойства существительного (ср. глоссу NMLZ (номинализатор)).

С одной стороны, в эвенкийском, как и во многих других уральских и алтайских языках, есть показатели причастий и деепричастий, которые образуют отглагольные имена (причастия и деепричастия), обладающие и именными, и глагольными свойствами. См., например, [Abney, 1987; Koptjevskaja-Tamm, 1993; Lapointe, 1993; Сердобольская, 2005; Гращенков,

²² В (28) представлена недифференцированность категорий атрибутива и адвербиального сочетания, а не атрибутива (прилагательного) и существительного (как атрибутив / наречие *sō* / *so* 'хороший' или 'очень', см. ниже).

Лютикова, 2008; Рудницкая, 2008; 2018; Shagal, 2017] – ср. (16) и (176). Так что некоторые аффиксы, образующие глагольное имя, обозначающие событие, не присваивают деривату однозначной категориальной принадлежности. Поэтому принято говорить о недостаточно четком разграничении категорий имени и глагола в эвенкийском языке.

Многие аффиксы, образующие существительные от глаголов, однозначно относят дериват к категории имени: *-n* NMLZ (*hoŋo-* ‘плакать’ → *hoŋo-n* ‘плач’), *-ñĩ* NMLZ.TEMP (*tuŋə-* ‘на-стать(о зиме)’ → *tuŋə-ñĩ* ‘зима’). Среди «неспецифицированных» аффиксов Г. М. Василевич [1940. С. 61] упоминает некоторые словообразовательные суффиксы, которые могут образовывать и имена, и прилагательные, например, *-čĩ* ATR (*tũksu* ‘облако’ → *tũksu-čĩ* ‘облачный; плохая, облачная погода’), о котором речь уже шла, ср. (26), (27) выше²³.

Наш материал показывает, что дериваты с суффиксами *-d’Āk*, *-kīt*, *-wūn*, которые в грамматиках считаются номинализаторами (т. е. которые присваивают деривату признак ‘именная категория’), преимущественно в текстах газет, могут функционировать как прилагательные. Можно называть такие явления «адъективизацией существительного», как это делает для *-čĩ* [Константинова, 1964. С. 115–116]. В любом случае налицо недостаточная грамматическая дифференциация между именными и адъективными свойствами деривационных аффиксов, по формулировке И. Николаевой [Nikolaeva, 2008].

Здесь нельзя провести аналогию с хорошо известными английскими примерами типа *stone wall* ‘стена из камня’, в которых существительное *stone* функционирует как относительное прилагательное. В работе [Гращенков, 2019. С. 114–115] отмечается, что похожее «адъективное» функционирование существительных встречается во многих (в том числе в тюркских) языках. П. В. Гращенков использует термин «атрибутивность без рекатегоризации», поскольку в перечисляемых им языках прилагательные не согласуются с существительными, и в данной конструкции употребляются только имена, обозначающие материал или национальность. В эвенкийском же языке по крайней мере *-wūn* и *-kīt* демонстрируют факультативное согласование, что свойственно прилагательным.

Таким образом, приведенный материал отглагольных имен, приобретающих в позиции модификатора признаки прилагательного, составляет наглядную иллюстрацию тенденции к атрибутивной рекатегоризации отглагольных аффиксов и также показывает недостаточность разграничения категорий существительного и прилагательного в эвенкийском языке. Эта тенденция на материале *-d’Āk*, *-kīt*, *-wūn* особенно сильно проявляется в языке газет.

Список условных обозначений

1–3 – 1–3-е лицо; ACC – аккузатив; ALL – аллатив; ANT – (причастие) предшествования; ATR – атрибутив; ATTEN – аттенуатив; COM – комитатив; CON – консекутив; COND – условный (конверб); CVB – конверб (деепричастие); DAT – датив; DIM – диминутив; DUR – дуратив; EQT – экватив; EXCL – эксклюзивное (множественное число); FOC – энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение; FUT – будущее (время); FUTCNT – непосредственное будущее (время); HAB – хабитуалис (аспект) или хабитуальное (причастие); IMPER – императив; INCEP – инцептив (приблизительный синоним инхоатива); INCH – инхоатив; INCL – инклюзивное (множественное число); INST – инструменталис; IPFV – имперфектив; LIM – лимитатив; LOC – локатив; NFUT – небудущее (время); NMLZ – номинализатор; NMLZ.LOC – номинализатор, образующий имя со значением места действия; NMLZ.RES – номинализатор, образующий имя со значением результата действия; OBL – косвенная основа (имени); PART – партитив; PASS – пассив; PF – перфектное (причастие); PL – множественное число; PROB – пробиликатив; PROL – пролатив; PROPR – по-

²³ Аффикс *-mĀktA*, согласно некоторым грамматикам, также может образовывать от глагола и прилагательное, и существительное: ‘только что сделавший что-то’ или ‘объект только что произведенного действия’ [Константинова, 1964. С. 89, 111; Nedjalkov, 1997. Р. 299, 305]. В работе [Василевич, 1940. С. 74] этот аффикс приводится только как показатель номинализации, а в нашем материале он образует только прилагательные.

казатель принадлежности; PRS – настоящее (время); PS – посессивный (аффикс); PST – прошедшее (время); РТСР – причастие; PURP – (конверб) цели; Q – квантор; RFL – рефлексив; SIM – (причастие) одновременности; SG – единственное число; SLIP – оговорка; UNIV – универсальный (квантор); VBLZ – показатель вербализации: VBLZ.HUNT при образовании от имени, обозначающего существо, которое ловят или на которое охотятся (белка, рыба); VBLZ.OBJ при образовании глагола от имени, обозначающего предмет, который является объектом действия.

LR1, ..., LAv, FM1, ..., FSk2 – рабочие названия рассказов и сказок в корпусе.

Список литературы

- Болдырев Б. В.** Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 484 с.
- Болдырев Б. В.** Морфология эвенкийского языка / Под ред. В. А. Роббека. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
- Василевич Г. М.** Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1940. 195 с.
- Василевич Г. М.** Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1948. 356 с.
- Василевич Г. М.** Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 803 с.
- Гращенков П. В.** Грамматика прилагательного. Типология адекативности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2019. 432 с.
- Гращенков П. В., Лютикова Е. А.** Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации / Ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. М.: ЯСК, 2008. С. 171–230.
- Колесникова В. Д.** Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с.
- Константинова О. А.** Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с.
- Кузьмина Р. П.** Образование отглагольных дериватов в эвенском языке (на примере нижне-колымского говора эвенов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50), ч. 3. С. 111–114.
- Мыреева А. Н.** Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.
- Рудницкая Е. Л.** Фразовая номинализация в корейском (и проблема групповой флексии) // Исследования по глагольной деривации / Ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. М.: ЯСК, 2008. С. 250–271.
- Рудницкая Е. Л.** Особенности причастий в современном эвенкийском устном языке (по корпусу рассказов 2005–2011 гг.) // Rhema.Рема. 2018. № 3. С. 49–68.
- Сердобольская Н. В.** Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005. 186 с.
- Сидорова М. Ю.** Функционально-семантическая классификация существительных, релевантная для задач коммуникативной грамматики // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 9–19.
- Убрятова Е. И. Черемисина М. И., Симонов М. Д.** Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск: Наука, 1981. 165 с.
- Усачева М. Н., Сердобольская Н. В.** Грамматикализация новых деепричастных форм на -ОННИГА- в бесермянском удмуртском // Типология морфосинтаксических параметров: Материалы Междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2015» / Ред. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2015. Вып. 2. С. 376–401.
- Abney S.** The English Noun Phrase in its Sentential Aspect. PhD dis. MIT, 1987, 234 p.
- Benzing J.** Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Mainz, Verlag der Akademie den Wissenschaften und der Literatur, 1955, 283 S.
- Comrie B., Thompson S.** Lexical nominalization. In: Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, vol. 3, p. 349–398.

- Koptjevskaja-Tamm M.** Nominalizations. Theoretical linguistics series. London, New York, Routledge, 1993, 356 p.
- Lapointe S. G.** Dual lexical categories and the syntax of mixed category phrases. In: Proceedings of ESCOL '93. Eds. A. Kathol, M. Berstein. Ithaca, NY, Cornell University, 1993, p. 199–210.
- Nedjalkov I.** Evenki. London, New York, Routledge, 1997, 366 p.
- Nikolaeva I.** Between nouns and adjectives: the constructional view. *Lingua*, 2008, vol. 118 (7), p. 969–996.
- Rathert M., Alexiadou A.** Introduction. In: Rathert M., Alexiadou A. (eds.). The semantics of nominalizations across languages and frameworks. Berlin, New-York, Walter de Gruyters, 2010, p. 1–8.
- Roy I., Soare E.** Event related nominalizations. In: Categorization and Category Change. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013, p. 123–152.
- Shagal K.** Towards a typology of participles. PhD diss. University of Helsinki, 2017, 264 p.

Список источников

- КИЭА РАН – Корпусы Института этнографии и антропологии РАН. URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php>
- Малые языки – Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>.

References

- Abney S.** The English Noun Phrase in its Sentential Aspect. PhD dis. MIT, 1987, 234 p.
- Benzing J.** Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Mainz, Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1955, 283 S.
- Boldyrev B. V.** Evenkiiskio-russkii slovar' [The Evenki-Russian Dictionary]. Novosibirsk, SO RAN Publisher, "GEO" Branch Publ., 2000, pt. 1, 503 p.; pt. 2, 484 p. (in Russ.)
- Boldyrev B. V.** Morfologiya evenkiiskogo yazyka [Evenki Morphology]. Ed. by V. A. Robbek. Novosibirsk, Nauka, 2007, 932 p. (in Russ.)
- Comrie B., Thompson S.** Lexical nominalization. In: Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, vol. 3, p. 349–398.
- Grashchenkov P. A., Liutikova E. A.** Nominalizatsiya i semantiko-sintaksicheskii interfeis [Nominalization and the Semantico-Syntactic Interface]. In: Issledovaniya po glagol'noi derivatsii [Studies on Verb Derivation]. Eds. V. A. Plungian, S. G. Tatevosov. Moscow, YaSK Publ., p. 171–230. (in Russ.)
- Grashchenkov P. V.** Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti [The Grammar of Adjectives. Typology of Adjectives and Attributive Words]. Moscow, YaSK Publ., 2019, 432 p. (in Russ.)
- Kolesnikova V. D.** Sintaksis evenkiiskogo yazyka [The Syntax of Evenki]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 247 p. (in Russ.)
- Konstantinova O. A.** Evenkiiskii yazyk. Fonetika. Morfologiya [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow, Nauka, 1964, 272 p. (in Russ.)
- Koptjevskaja-Tamm M.** Nominalizations. Theoretical linguistics series. London, New York, Routledge, 1993, 356 p.
- Kuzmina R. P.** Obrazovanie otglagol'nykh derivatov v evenskom yazyke (na primere nizhnekolym-skogo govora evenov) [Deverbal Word Formation in Even (Based on the Lower Kolyma Dialect of Even)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], 2015, no. 8(50), pt. 3, p. 111–114. (in Russ.)
- Lapointe S. G.** Dual lexical categories and the syntax of mixed category phrases. In: Proceedings of ESCOL '93. Eds. A. Kathol, M. Berstein. Ithaca, NY, Cornell University, 1993, p. 199–210.

- Myreeva A. N.** Evenkiisko-russkii slovar' [The Evenki-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 798 p. (in Russ.)
- Nedjalkov I.** Evenki. London, New York, Routledge, 1997, 366 p.
- Nikolaeva I.** Between nouns and adjectives: the constructional view. *Lingua*, 2008, vol. 118 (7), p. 969–996.
- Rathert M., Alexiadou A.** Introduction. In: Rathert M., Alexiadou A. (eds.). The semantics of nominalizations across languages and frameworks. Berlin, New-York, Walter de Gruyters, 2010, p. 1–8.
- Roy I., Soare E.** Event related nominalizations. In: Categorization and Category Change. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013, p. 123–152.
- Rudnitskaya E. L.** Frazovaya nominalizatsiya v koreiskom (i problema gruppovoi fleksii) [Phrasal Nominalization in Korean (and the Problem of Phrasal Affixation)]. In: Issledovaniya po glagol'noi derivatsii [Studies on Verb Derivation]. Eds. V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov. Moscow, YaSK Publ., p. 250–271. (in Russ.)
- Rudnitskaya E. L.** Osobennosti prichastii v sovremennom evenkiiskom ustnom yazyke (po korpusu rasskazov 2005–2011 gg.) [Special Features of Participles in Modern Oral Evenki (Based on the Corpus of Oral Stories from 2005–2011)]. *Rhema.Rema*, 2018, no. 3, p. 49–68. (in Russ.)
- Serdobolskaya N. V.** Sintaksicheskii status aktantov zavisimoi nefinitnoi predikatsii [Syntactic Status of Arguments in a Non-Finite Embedded Clause]. Cand. phil. sci. diss. Moscow, MSU Publ., 186 p. (in Russ.)
- Shagal K.** Towards a typology of participles. PhD diss. University of Helsinki, 2017, 264 p.
- Sidorova M. Yu.** Funktsional'no-semanticheskaya klassifikatsiya sushchestvitel'nykh, relevantnaya dlya zadach kommunikativnoi grammatiki [Functional and Semantic Classification of Nouns Relevant for the Problems of Communicative-Functional Grammar]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Speech]*, 2014, no. 3, p. 9–19. (in Russ.)
- Ubryatova E. I., Cheremisina M. I., Simonov M. D.** Morfologiya imeni v sibirskikh yazykakh [Morphology of Nouns in Languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 165 p. (in Russ.)
- Usacheva M. N., Serdobolskaya N. V.** Grammatikalizatsiya novykh deeprichastnykh form na -ONNIGA v besermyanskom udmurtskom [Grammaticalization of New Converbs with -onn'iga- in Beserman Udmurt]. In: Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov [Typology of Morphosyntactic Parameters]. Proceedings of the International Conference "Typology of Morphosyntactic Parameters 2015". Eds. E. A. Lyutikova, A. V. Tsimmerling, M. B. Kono-shenko. Moscow, MSPU Publ., 2015, iss. 2, p. 376–401. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Evenkiisko-russkii slovar' [The Evenki-Russian Dictionary]. Moscow, GIINS Publ., 1958, 802 p. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) Dialects]. Leningrad, Gosuchpedgiz Publ., 1948, 356 p. (in Russ.)
- Vasilevich G. M.** Ocherki grammatiki evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) Grammar]. Leningrad, Gosuchpedgiz Publ., 1940, 195 p. (in Russ.)

List of Sources

The Institute of Ethnography and Anthropology RAS Corpora. (in Russ.) URL: <http://corpora.ica.ras.ru/corpora/search.php>

Extinct languages of Siberia: our cultural heritage. (in Russ.) URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>

Материал поступил в редколлегию
Received
15.12.2019

Сведения об авторе

Рудницкая Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН (ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия)
erudnitskaya@gmail.com

Information about the Author

Elena L. Rudnitskaya, Doctor of Philology, Leading scientific researcher of the Division of languages of Asian and African languages of the Institute of Oriental Studies (12/1 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation)
erudnitskaya@gmail.com

УДК 81.112.2' 282 + 94(47) + 930.25
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39

Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского)

Л. Э. Найдич¹, Е. А. Либерт²

¹ Еврейский университет
Иерусалим, Израиль

² Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Немцы-меннониты были одним из многочисленных этносов, населявших Крымский полуостров в начале прошлого века. Особый жизненный уклад, вера и язык существенно отличали их от других немецких переселенцев. Значительная роль в изучении фольклора и языка немецких колоний Крыма в 1920–1930-е гг. принадлежит выдающемуся ученому-германисту В. М. Жирмунскому, который вместе со своими учениками собрал большой немецкоязычный фольклорный и диалектологический архив, где есть, помимо прочего, часть лингвистических анкет, заполненных на языке меннонитов *Plautdietsch* (плотдич). Работа над архивом, который представляет собой большую научную ценность, позволит сделать выводы о диахронических процессах, которые шли в языке того времени, а также дает основания для возможного сравнения с актуальным положением дел в следующем исследовании.

Ключевые слова

немецкие диалекты, нижненемецкий, меннониты, язык немцев-меннонитов, архив В. М. Жирмунского

Для цитирования

Найдич Л. Э., Либерт Е. А. Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 26–39. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39

Notes on the Dialects of the Crimean Mennonite Settlements (Based on the V. M. Zhirmunsky's Archives)

L. E. Naiditch¹, E. A. Liebert²

¹ Hebrew University of Jerusalem
Jerusalem, Israel

² Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Mennonite Germans were among the many ethnic groups that inhabited the Crimean peninsula since the end of the 18th century until the 1940s. A special way of life, faith and language significantly distinguished them from other German immigrants. The dialect spoken by the Mennonites and called *Plautdietsch* (Plotditch) is a type of Low German, close to Low Prussian. During this period, two dialects were formed, which are still preserved in Mennonite communities in Siberia, in the Altai region, etc. – the dialects of Khortitsa and of Molotchna. The dialect contamination took place in new, mixed settlements, in the so-called daughter colonies.

© Л. Э. Найдич, Е. А. Либерт, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 2: Philology

The major contribution towards studying the folklore and the language of the German colonies of the Southern regions of the USSR was made in 1920s by V. M. Zhirmunsky, a major Russian scholar, philologist, Germanist, folklorist, along with his students and assistants. The collection of the material and its linguistic description were stopped in the 1930s due to repressions against Russian Germans, as well as the researchers of their culture. The collected data were preserved in Zhirmunsky's archive in the Sciences Academy Archive in Saint-Petersburg. The linguistic processing of these data is today an important task of Germanistics. The aforementioned archive, which is of great academic value, offers rich data on dialectology, as well as language variation and change, and will allow scholars to understand synchronic and diachronic processes in the corresponding dialects.

Of particular interest are the dialectological questionnaires in Zhirmunsky's archive, some of which were completed in the Mennonite language (dialect) Plautdietsch.

Our study deals with linguistic analysis of such questionnaires. Special attention is paid by us to several phonological phenomena in Plautdietsch: palatal consonants, palatalization of long /u:/, the development of /a/ in closed syllable. The processing of the questionnaire data provides a basis for their possible comparison with the current state of affairs in the modern language, primarily in the Siberian Plautdietsch.

Keywords

German dialects, Low German, Mennonites, the language of German Mennonites, archive of V. M. Zhirmunsky

For citation

Naiditch L. E., Liebert E. A. Notes on the Dialects of the Crimean Mennonite Settlements (Based on the V. M. Zhirmunsky's Archives). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 26–39. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39

Введение Изучение немецких поселений Крыма Диалектологический архив В. М. Жирмунского

Среди народов, населявших Крым с конца XVIII в. и до Великой Отечественной войны, точнее до конца августа 1941 г., были немцы-колонисты. Хорошо сохранившиеся в условиях изолированности от метрополии, их диалекты, фольклор и обычаи стали предметом пристального внимания германистов во второй половине 1920-х гг. Выдающийся филолог В. М. Жирмунский и его ученики, в том числе ставшие впоследствии замечательными германистами, профессорами ЛГУ, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева (Сокольская), провели в период с 1926 по 1930 г. большую работу по сбору материала немецких диалектов на территории СССР. Два раза в год эта группа исследователей выезжала в экспедиции в немецкие колонии Ленинградской и Новгородской областей, на Украину, в Крым и на Кавказ, ср.: [Berend, Jedig, 1991. S. 113–150; Светозарова, 2006; 2013а; 2013б].

Активно изучая методы классической немецкой диалектографии и следуя методике Немецкого лингвистического атласа, В. М. Жирмунский подготовил анкету для немецких колоний России. При этом он использовал широко известный вопросник Венкера (Wenker-Sätze), который дополнил 11 блоками вопросов для выявления основных признаков в фонологии, грамматике и лексическом составе диалектов (всего 200 слов). Такие анкеты были направлены в многочисленные немецкие колонии юга СССР с просьбой заполнить (перевести) предложения и слова опросника с литературного немецкого на родной для информанта диалект. Анкеты обычно заполнялись школьными учителями, часто с помощью жителей села. В результате было собрано более тысячи анкет; они охватывали практически весь юг бывшего Советского Союза – Крым, Кавказ, Ставрополье, Мелитополь, Николаев, Одессу, Конотоп, Кривой Рог, Волынь, Коростель, Херсон, Мариуполь, Днепропетровск.

Работа над этим материалом, который В. М. Жирмунский считал чрезвычайно важным как с фактической, так и с методологической точки зрения, была прервана в 1930-х гг. в результате репрессий советских немцев и изучавших их исследователей. Лингвистический и фольклорный архив В. М. Жирмунского в Санкт-Петербурге проливает свет на материалы, которые ученый не успел опубликовать. Детальная обработка этих архивов была начата

в последнее десятилетие ¹ [Смирницкая, 2000; Найдич, Светозарова, 2013; Светозарова, 2013а; Пузейкина, Светозарова, 2011]. Эта работа постоянно продолжается.

Как диалектологические анкеты, так и фольклорные материалы ² из архива Жирмунского – бесценный в научном отношении источник, позволяющий не только уточнить состояние немецких колониальных островных говоров на территории СССР в 1920–1930-е гг., он дает лучшее понимание диахронических процессов в языке, в частности процессов диалектных взаимодействий (об этом см. также теорию первичных и вторичных признаков, выдвинутую В. М. Жирмунским (1929) [Жирмунский, 1976. С. 507–516]). Большинство материалов по крымским диалектам (папка 392 в архиве В. М. Жирмунского) относится к верхненемецким говорам (пфальцские, гессенские, северно-эльзасские и др.). Однако среди этих анкет найдены и относящиеся к особому нижненемецкому диалекту – к диалекту меннонитов *Plautdietsch* ³.

Если лингвистическая структура верхненемецких островных диалектов Крыма и их возможные языковые трансформации в большей или меньшей степени известны из публикаций В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1976], то меннонитские диалекты в Крыму не были им подробно изучены. Сегодня лингвистические исследования расшифрованных анкет могут быть проведены на фоне имеющихся описаний языка меннонитов в СССР, созданных во второй половине XX в. [Jedig, 1966; Авдеев, 1967; Валл, 1974; Гринева, 1979; Kanakin, Wall, 1994; Klassen, 1993; Nieuweboer, 1998]. Кроме того, возможно сравнение архивных лингвистических данных с диалектами, сохранившимися сегодня на территории Сибири и Казахстана, а также в Канаде и странах Южной Америки (Парагвай, Белиз и др.).

Крымские меннонитские колонии. Краткий исторический обзор

Первые немецкие переселенцы на территории Крыма появились в конце XVIII – начале XIX в. в ходе освоения южных земель Российской империи. К 1805 г. было зарегистрировано семь немецких колоний, три из которых были в Симферопольском уезде и четыре – в Феодосийском. На протяжении XIX в. наблюдался рост численности переселенцев и улучшение их благосостояния; в результате возникали многочисленные дочерние колонии. В 1921 г. была создана Крымская Автономная Республика в составе РСФСР, существовавшая до 30 июня 1945 г. В результате объединения ряда сел по национальному признаку были образованы национальные сельсоветы. К концу 1925 г. из 345 сельсоветов Крымской АССР 29 были немецкими.

Что касается меннонитов ⁴, то их переселение на территорию Российской империи длилось начиная с 1789 г. и до 70-х гг. XIX в. Причиной их эмиграции из области в низовьях Вислы, где они жили около двух с половиной веков и где сформировался их диалект, было

¹ При поддержке РГНФ выполнено первичное описание и исследование диалектологических материалов архива В. М. Жирмунского: «Германистические архивы в Санкт-Петербурге. Научная обработка архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН», проект № 13-04-00369. В работе, проводившейся в 2013–2016 гг., участвовали Н. Д. Светозарова, Л. Э. Найдич, Л. Н. Пузейкина. В результате был подготовлен и опубликован ряд статей.

² Сделанные В. М. Жирмунским и его учениками записи колониальных песен, хранящиеся в архивах Института русской литературы (Пушкинский Дом) и в Академии наук в Санкт-Петербурге, были обработаны группой исследователей из Санкт-Петербурга и Фрейбурга под руководством Н. Д. Светозаровой (см.: [Bertleff et al., 2018]).

³ Среди хранящихся в архиве В. М. Жирмунского анкет меннонитские диалекты широко представлены в материалах Молочанского, Хортицкого и Мариупольского округов, в Луганской обл. и др.

⁴ Меннониты – представители одной из наиболее старых протестантских конфессий, основанной бывшим католическим священником Менно Симонсом (1496–1561). Первые меннонитские братства складывались из жителей Фландрии и Фрисландии [Penner et al., 1984. S. 46; Siemens, 2012. S. 13]. См. также: Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online (GAMEO). URL: https://gameo.org/index.php?title=Welcome_to_GAMEO; <https://gameo.org/index.php?title=Russia/>. Идеи братства, взаимопомощи, совместного, общинного поддержания хозяйства, характерные для первых меннонитов, получили в России в новых условиях особое развитие.

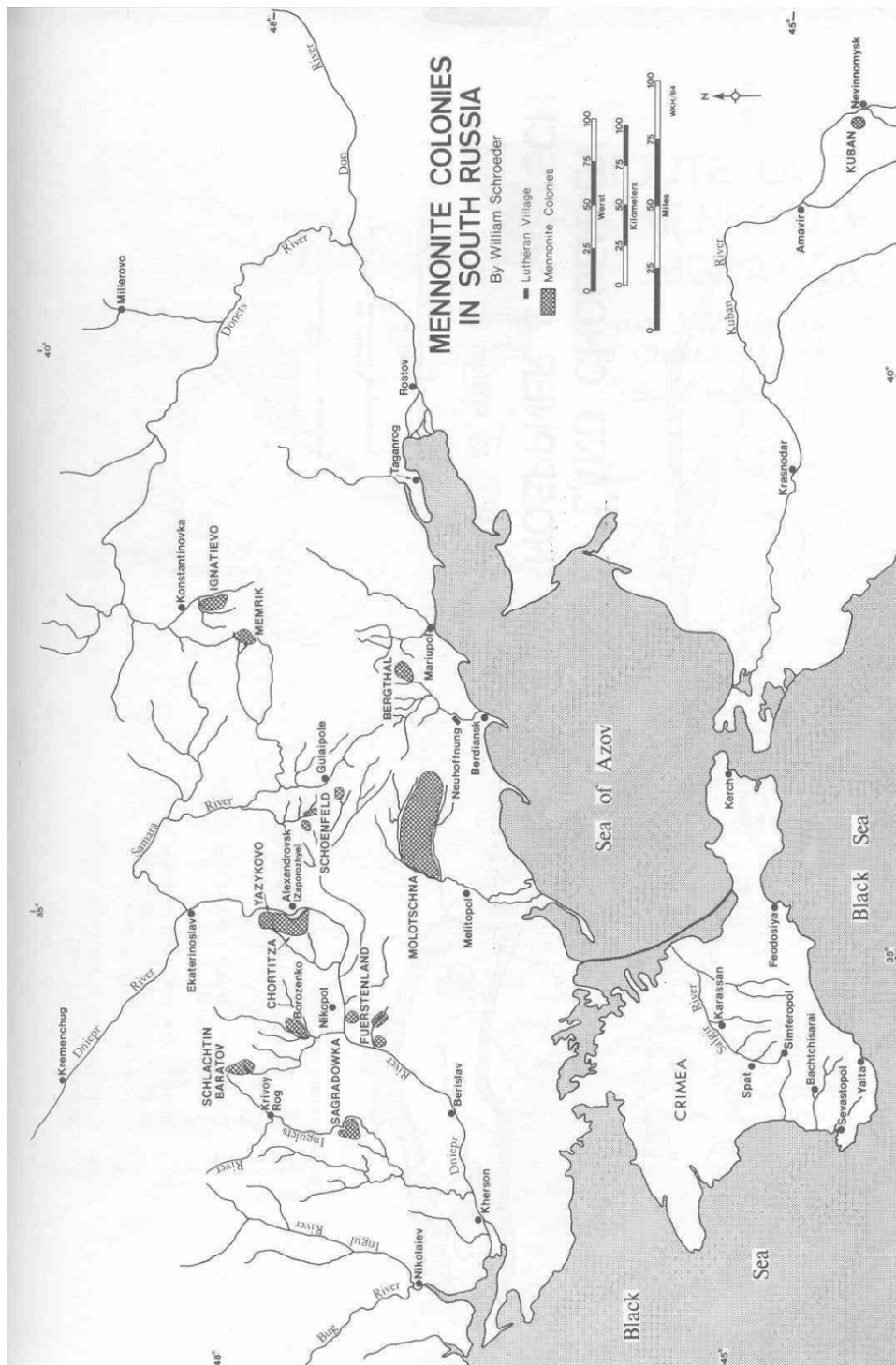
преследование со стороны прусского правительства, начавшееся после раздела Польши, когда область их проживания отошла к Прусскому королевству. Первые меннонитские колонии на территории Российской империи появились на острове Хортица на Днестре (*Altkolonie*), а затем, несколько позже, на реке Молочная (*Neukolonie*). В результате роста населения из этих первичных (материнских) колоний формировались новые (дочерние). Меннонитские дочерние поселения возникли вблизи Мариуполя, на Дону, в Крыму, на Волге, на Северном Кавказе, в Оренбургской области. Важный меннонитский центр возник в Александровском (Мариупольском) уезде Екатеринославской губернии, куда переселились меннонитские семьи из Хортицы (см. рисунок).

В истории меннонитов, переселившихся из молочанских колоний в Крым, большую роль сыграл известный ученый-биолог Х. Х. Стевен, купивший имение Карасан в 50 км от Симферополя, и его сын. В 1862 г. здесь появились первые арендаторы-меннониты. С 1874 г. земли имения Карасан официально перешли в собственность 28 поселенцев меннонитов. Здесь были открыты меннонитское училище, женская школа, издавался «Меннонитский листок» (*Mennonitenblatt*). Другим центром меннонитской культуры в Крыму было село Спат. Обе эти колонии стали образцами ведения сельского хозяйства и центрами духовной культуры братских меннонитов [Черказянова, 2007].

Меннониты занимались в основном земледелием. По сравнению с другими группами немцев они достигли более высокого экономического и культурного уровня. Приведем лишь один пример из истории. Члены государственной комиссии, проехавшие по Кулундинской степи с целью ревизии после Столыпинской реформы, отмечали: «Наиболее культурную и зажиточную часть Кулундинской степи представляют немцы, особенно немцы-меннониты». Меннониты имели право получения ссуд, что гарантировало их хорошее материальное положение. «Но материальный фактор не был единственной и решающей причиной их благополучия, – отмечали члены комиссии. – Немцы постоянно изучали окружающую их природу, климат. Они проводили опыты, эксперименты с растениями и находили наиболее эффективные способы ведения хозяйства» [Матис, 2003. С. 56]. Наряду с земледелием у меннонитов было развито скотоводство, преимущественно овцеводство; они разводили также рогатый скот и лошадей. Историк С. Д. Бондарь писал в 1916 г.: «Хозяйство у меннонитов поставлено образцово. Значительное количество лошадей и крупного рогатого скота, применение в хозяйствах различных земледельческих машин и орудий, составляющих нередко последнее слово сельскохозяйственной техники, свидетельствует об экономическом довольстве и благосостоянии, господствующих в меннонитских поселениях» [Бондарь, 1916. С. 66]. Меннониты основывали заводы (винокуренные, суконные, кирпичные, черепичные и др.), фабрики и мельницы [Венгер, 2009. С. 123–145, 267–348]. Несмотря на жесткую, а иногда и откровенно запретительную политику административных органов по отношению к меннонитам, сформировалась и система школьного обучения. По итогам переписи 1897 г., среди меннонитов в Европейской России было 65,9 % грамотных, в Средней Азии – 69,1 % (72,9 % мужчин и 65,25 % женщин) [Черказянова, 1999].

При Советской власти меннониты подвергались репрессиям как в ходе раскулачивания, так и в ходе борьбы с религией⁵. Типичной представляется история уже упоминавшегося выше села Карасан в Крыму, в котором, даже по официальному отчету 1925 г., царили благосостояние и взаимопомощь. Как указывает И. В. Черказянова, «сначала зажиточные семьи были раскулачены и сосланы на Урал, а с началом войны все были депортированы в Казахстан» [2007. С. 111]. Широко развернувшиеся репрессии и выселение в конце 1920-х и в 1930-х гг., которые позже стали сопровождаться расстрелами, продолжались на протяжении всего предвоенного десятилетия (см. также: [Реабилитированные историей..., 2004]).

⁵ <https://gameo.org/index.php?title=Russia>

Колонии меннонитов на юге России [Schroeder, Huebert, 1990. S. 21]
 Mennonite colonies in southern Russia [Schroeder, Huebert, 1990. S. 21]

Эмиграция меннонитов за океан началась уже в 70-е гг. XIX в. Многим из них удалось уехать в 1920-е гг. С началом войны, в августе 1941 г., немецкое, в том числе меннонитское, население Крыма было депортировано в отделенные области СССР. В сентябре 1943 г. 30 000 меннонитов навсегда покинули Россию, буквально спасаясь бегством на Запад [Penner et al., 1984. С. 120]⁶. Это знаменовало собой закат меннонитской культуры на юге России, в частности в Крыму.

Сегодня «российских меннонитов» можно найти в Канаде, в США, в Уругвае, в Парагвае, в Мексике, Белизе и в ряде других стран. В последние десятилетия шла их эмиграция из России и Средней Азии в Германию. Меннониты проживают в селах Сибири, Алтайского края, а также в среднеазиатских республиках бывшего СССР.

Язык (диалект) меннонитов *Plautdietsch*

Общий обзор

Одной из ярких черт меннонитской идентичности является их язык, который они сами называют *Plautdietsch* (произносится в зависимости от говора *пло(у)тдич* или *плаутдич*). Время его основного формирования, очевидно, приходится на период проживания меннонитов в низовьях Вислы. Но окончательное оформление этого идиома произошло на юге России (Украина, Хортица), где складываются два основных диалекта плотдич – хортицкий и молочанский, которые имеют незначительные фонетические различия, существующие по сей день. Так, в хортицком диалекте сохранялось *n* в конце слова после редуцированного гласного, в молочанских диалектах этот сонант отпадал (*räden / rāde* – нем. *reden* ‘говорить’); в молочанском отсутствовала палатализация *i*, характерная для хортицкого (*Hus / Hüis* – нем. *Haus* ‘дом’).

Плотдич относится к прусскому типу нижненемецких диалектов и имеет сходство с немецкими говорами, существовавшими до Второй мировой войны в области около Данцига – Гданьска (*die Danziger Nehrung*), в настоящее время Польша [Moelleken, 1987]. Однако некоторые фонологические особенности, в первую очередь в сфере консонантизма (особый ряд палатальных согласных), являются, по всей вероятности, специфическими для этого идиома, и их сочетание глубоко оригинально [Quiring, 1985. S. 42; Tolsdorf, 1985. S. 327–328; Kanakin, Wall, 1994. S. 21]. Вокализм имеет сложный характер, в его составе преобладают долгие гласные и дифтонги разных типов [Kanakin, Wall, 1994. S. 4]. В своей именной и глагольной морфологии этот язык близок к немецкому и его диалектам.

Язык меннонитов стал символом религиозной, а отчасти и социально-культурной общности его носителей; для него характерна гомогенность – сохранение свойственных ему признаков в условиях разных контактов, в разных странах и даже на разных континентах. Обычно меннониты разных стран понимают друг друга. Контактные с ним языки (польский и кашубский, затем русский, украинский, а также для диалектов отдельных общин английский, испанский и др.) оказали влияние на плотдич в основном лишь в области лексики [Thiessen, 1963. S. 162–199]. Так, встречаются отдельные заимствования из прусского (балтийского) языка: *Kujjel* (нем. *Eber*) ‘боров’, *Kunta* (нем. *Wallach*) ‘жеребец’ [Siemens, 2012]. Плотдич сохраняет большой пласт лексики фризско-нидерландского происхождения, например: *Meiw* (нем. *Ärmel*) ‘рукав’, *Varjoa* (нем. *Frühling*) ‘весна’ и др. В целом западно-прусское ядро плотдич сохраняется, и идиом продолжает развиваться на разных континентах как нижненемецкий этого типа.

Рассматриваемые анкеты из архива В. М. Жирмунского отражают интересный период в развитии этого языка (конец XIX – начало XX в.), когда усилилось смешение диалектов разных колоний – в первую очередь, в дочерних селах. Однако языковые изменения были вызваны не только языковой интерференцией, но и закономерными автохтонными процесса-

⁶ См. также: Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online.

ми. Так, учитель Франц Ханцен из колонии Милорадовка (Кривой Рог), образовавшейся как выселок из Хортицы, указывал в примечании к анкете В. М. Жирмунского, что *n* в конце глагола постепенно исчезает в речи всех информантов и, возможно, вскоре исчезнет совсем. Многие колонии в Крыму были смешанными – лютеранско-меннонитскими, например: Сабанчи, Сарыбаш-Майнфельд, Филиппсталь и др. В таких случаях о языковой интерференции между плотдич и соответствующим верхненемецким диалектом говорить не приходится и по лингвистическим причинам, и в результате изолированности религиозных общин. В качестве общего языка (койне) служил литературный немецкий, которому обучали в школе. Тем не менее и в этих случаях нельзя предполагать полного отсутствия языковых контактов, хотя бы на уровне лексики. Пока что мы можем привести только один пример: слово *Feld* в 38-й фразе Венкера почти во всех анкетах – как верхне-, так и нижненемецких – переводится заимствованием из русско-украинского *стень*: *Stepp, Stap*.

Данные меннонитских анкет из Крыма в целом не отличаются от тех, которые были получены в результате расшифровки материала колоний из Кривого Рога и Херсона [Naiditsch, 2015. S. 331]; в настоящее время расшифровано 54 анкеты на плотдич, в числе которых есть анкеты из двух крупных крымских колоний меннонитов – Карасан (Симферопольский район) и Спат (Евпаторийский район), а также из других, меньших по размеру – Блюменхоф, Николайталь, Сарона и др.

Мы не ставим далее своей целью подробно представить весь материал анкет, но хотели бы осветить некоторые языковые факты (прежде всего, фонологического характера), а именно: палатальные согласные и их отображение в анкетах; процесс дифтонгизации краткого /a/ и появление новой фонемы /ɔ:/; спонтанная палатализация долгого /u:/ с дальнейшим закреплением новой фонемы /y:/.

Палатальный ряд согласных и его отражение в анкетах

Яркой чертой языка меннонитов является ряд палатальных согласных, что, как нам представляется, исторически связано с его ингвеонскими, прежде всего англо-фризскими чертами. Хотя диахроническое объяснение этого явления расходится у разных исследователей (см., например: [Siemens, 2012. S. 96]), нам кажется наиболее убедительной точка зрения, представленная в [Kanakin, Wall, 1994. S. 16; Nieuweboer, 1998. S. 20–21], согласно которой речь идет о самостоятельном развитии в рамках фризско-английского языкового типа. Ср. хотя бы плот. *brid* и англ. *bridge* ‘мост’, плот. *t'oat* и англ. *church* ‘церковь’, в противоположность нем. *Brücke, Kirche*. В языке меннонитов палатальный ряд представлен пятью фонемами: /t'/, /d'/, /n'/, /j/, /ç/, причем последние две функционально отличаются от ряда /t'/, /d'/, /n'/; эти согласные имеют следующие исторические источники.

Фонема /t'/ восходит к /k/ и была первоначально его аллофоном в позициях в соседстве гласных переднего ряда – либо непосредственно, либо перед и после сонанта. Фонологизация аллофона произошла под влиянием нескольких фонологических, а отчасти и морфологических факторов [Kanakin, Wall, 1994. S. 16–17]. Ср. примеры: /za:t'/ (нем. *Säcke*) ‘мешки’, /t'oet'/ (нем. *Kirche*) ‘церковь’. Фонема /d'/ восходит к геминате *gg* после /i/ (включая /i/ < [y]): /lid'ə/ (нем. *liegen*) ‘лежать’, /brid'/ (нем. *Brücke*) ‘мост’. Историческим источником фонемы /n'/ являются сочетания фонем *nd, ng* после гласных переднего ряда в конце слова или в интервокальной позиции: /vɛn'/ (нем. *Wände*) ‘стены’, /ɛn'/ (нем. *Ende*) ‘конец’.

В анкетах для обозначения мягкости на письме информантам требовалось использовать комбинацию согласного с *j*: *tj, dj, nj*: *Tjarw* (нем. *Körbe*), *wii brinje* (нем. *wir bringen*) ‘мы принесем’, *Briidj* (нем. *Brücke*) ‘мост’. Таким образом, *j* считался информантами показателем «мягкости», а симультанный признак как бы выделялся в отдельную букву. Другой вопрос, связывалась ли палатальная фонема в сознании информантов с «к» или с «т». Анкеты дают примеры обоих типов написаний: *ekj / etj* ‘я’, *Kinja / Tinja* ‘дети’, *Kjoak / Tjoatj* ‘церковь’, *Malkj / Maltj* ‘молоко’, *Kjapja / Tjapja* ‘головы’. Существует мнение, что здесь сказывается

различие говоров Хортицы (там согласный якобы ближе к [k']) и молочанского диалекта (там скорее [t']). Эта точка зрения нуждается в проверке; материалы анкет едва ли ее подтверждают. Так, в некоторых анкетах Херсонской и Луганской областей информанты непосредственно указывают на сходство *kj* с русским *ть*.

Что касается фонемы /d'/, то ее отражение как *dj* иногда чередуется с написанием *gg*, ср. *Brigg* 'мост', в анкете из колонии Спат в Крыму. Аналогично указанным выше написаниям фонема /n'/ чаще всего отражается как *nj*: *binji* (нем. *binden*) 'связывать'. При этом, очевидно, часто происходила гуттурализация *nd* > *ng* > /ŋ/: *jibungi* 'gebunden' (Part. Perf. от *binji* 'связывать').

Дифтонгизация краткого [a] с дальнейшей монофтонгизацией и переходом в новую фонему [ɔ:]

В области вокализма одним из ярких примеров исторических изменений может служить развитие краткого [a] в закрытом слоге. В анкетах В. М. Жирмунского это слова, соответствующие немецким *das* 'это', *Mann* 'мужчина', *alle* 'все', *anders* 'по-другому', *fasten* 'поститься', *Kasten* 'ящик', *Haspel* 'катушка', *Hand* 'рука', *Wand* 'стена' и некоторые другие. Краткий *a* здесь дифтонгизовался (за исключением позиции перед заднеязычным и перед *r*). В анкетах Крыма этот звук записан преимущественно как *au*.

Карасан: *daut, Maun, aundri, Haund, Waund, Kaum*.

Александровка: *daut, Maun, Haunt, Waunt, Kausti, fausti*.

Спат (Евпаторийская обл.): *daut, Maun, Haunt, Kraump*.

Инновация, которая прослеживается в анкетах в форме колебаний в написаниях, отражает новое звучание этого дифтонга, который начинает произноситься сначала как [ou]. Так, в одной из анкет (Луганск, Украина) встречаются написания *Maun, Haund* и *wout, Wound*. Дальнейшая инновация в судьбе этого дифтонга – появление на его месте долгого /ɔ:/. Например, в анкете колонии Тиге (Высокополье, Херсонская обл.) рядом с записями *daut, Maun, aundri, aula* встречаются и *Hond, Wond*, что вряд ли можно считать ошибками или неточностью записи. На мысль о том, что здесь перед нами действительно инновация и что в диалектах плотнич произойшла лабиализация дифтонга [au] с последующей монофтонгизацией, наводит материал современного языка [Kanakin, Wall, 1994. S. 5; Nieuweboer, 1998, S. 29]. В языке современных носителей, проживающих в Сибири (деревни Неудачино (Новосибирская обл.), Миролубовка, Солнцевка (Омская обл.), Протасово (Алтайский край) и др.), этот гласный звучит как [ɔ:]: [dɔ:t] (нем. *das*) 'это', [mɔ:n] (нем. *Mann*) 'мужчина', однако порой непоследовательно, например, для нем. *was* 'что' – как [wɔ:t] и [wɔut]. К. Брандт, изучавший язык меннонитов в Мексике, отмечает открытый долгий [ɔ:] в таких случаях как основной вариант [Brandt, 1992. S. 43–56]. Можно предположить, что в примерах анкет мы наблюдаем отражение монофтонгизации [au] – [ɔu] – [ɔ:] с дальнейшим закреплением статуса [ɔ:] как отдельной фонемы – процесса, который присутствовал в языке того периода sporadically, не регулярно.

Факты спонтанной палатализации долгого [u:] с дальнейшим закреплением новой фонемы /y:/

Характерная для говора Хортицы так называемая спонтанная, т. е. не зависящая от позиции в слове, палатализация долгого /u:/, кроме как перед *k* и *x*, хорошо представлена в анкетах меннонитов юга Украины. Ср. примеры из колонии Орлов Херсонской обл.: *Hūs* (нем. *Haus*) 'дом', *lūd* (нем. *laut*) 'громко', *büi* (нем. *bauen*) 'строить', *Mür* (нем. *Mauer*) 'стена', *Frü* (нем. *Frau*) 'женщина'. В результате в вокалической системе появляется фонема /y:/, представленная и во многих дочерних колониях. Согласно материалам архива В. М. Жирмунского, географическое распределение этого явления неоднозначно: наблюдается своего рода чересполосица. Так, в анкетах крымских меннонитов встречается и *Frü*, и *Hus* (коллония

Сарона, Феодосийский район). В современных диалектах меннонитов Сибири наблюдается устойчивая палатализация: /dy:/ (нем. *du*) ‘ты’, /hy:s/ (нем. *Haus*) ‘дом’, /ly:t/ (нем. *laut*) ‘громко’.

Заключение

Изучение диалектологического архива В. М. Жирмунского представляет собой важную задачу для германистов. Среди материалов архива, собранных в конце 1920-х гг., важнейшее значение имеют заполненные носителями диалектов анкеты. Работа В. М. Жирмунского и его учеников над этими материалами была прервана из-за репрессий, которым подверглись и российские немцы, и изучавшие их исследователи. Большинство анкет остались необработанными, но были сохранены благодаря вдове ученого Нине Александровне Жирмунской. В. М. Жирмунский успел изучить многие верхненемецкие диалекты колоний Крыма, в которых сам исследователь и его ученики вели непосредственные записи и общались с информантами в ходе диалектологических экспедиций [Светозарова, 2013а; 2013б]. Но нижненемецкие диалекты меннонитов, представленные во многих южных регионах – Херсон, Кривой Рог, Луганская область, а также Крым, – остались неизученными. В центре нашего внимания в данной статье анкеты из крымских менонитских колоний – их меньше, чем менонитских анкет в некоторых других регионах, но при этом они представляют большую научную ценность.

В. М. Жирмунский писал: «Изучение говоров поселенцев представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны – как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также и с точки зрения принципиальной, методологической» [Жирмунский, 1976. С. 402]. Изучение диалектных смещений как в материнских колониях, так и в выселках из них, показывает общие закономерности взаимодействия языков, что изучалось Жирмунским на материале пфальцских, гессенских и швабских островных диалектов. Среди менонитских говоров, которые исследователи не успели изучить с точки зрения проблематики, поднятой В. М. Жирмунским, судя по материалам архива, также наблюдались взаимодействия разных диалектов, прежде всего хортицких и молочанских в дочерних колониях. Однако представляется, что менонитские диалектологические анкеты демонстрируют и следы автохтонного развития диалектов.

Подробнее мы рассмотрели несколько фонологических явлений в диалектах меннонитов: систему палатальных согласных, монофтонгизацию дифтонга /au/ с дальнейшим закреплением новой фонемы /ɔ:/, переход /u:/ в /y:/ – так называемая спонтанная палатализация.

Дальнейшая перспектива исследований – не только обработка менонитских анкет из других регионов юга СССР в архиве В. М. Жирмунского, но и сравнение полученных данных с современным состоянием дел в языке меннонитов Сибири.

Список литературы

- Авдеев И. Е.** Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // Авдеев И. Е. Германские языки / Отв. ред. В. Я. Плоткин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 84–118.
- Бондарь С. Д.** Секта менонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Очерк. Петроград: Тип. В. Д. Смирнова, Екатерининский кан., № 45, 1916. URL: <http://family.rempel.pro/bibl/bondar.pdf>
- Валл Г. И.** Словообразовательные модели нижненемецкого говора Омской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1974. 24 с.
- Венгер Н. В.** Менонитское предпринимательство в условиях модернизации юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920). Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. нац. ун-та, 2009.

- Гринева Н. М.** Морфология имени существительного и глагола в нижненемецком говоре села Кусак Алтайского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
- Жирмунский В. М.** Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 491–516.
- Матис К. В.** Российские немцы Алтайского края в период с 1918 по 1922 г. // Немцы Сибири: история и культура. Новосибирск, 2003. С. 53–57.
- Найдич Л. Э., Светозарова Н. Д.** Диалектологический архив В. М. Жирмунского в Санкт-Петербурге. Научное значение и перспективы обработки // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2013. С. 37–41. (на русс. яз.)
- Пузейкина Л. Н., Светозарова Н. Д.** Наследие В. М. Жирмунского – краткий обзор диалектологических материалов из личного архива ученого (Архив РАН, С.-Петербург) // Немецкие диалекты в России: прошлое, настоящее и будущее отечественной островной диалектологии: Материалы науч.-практ. конф. Красноярск, 2011. С. 150–167.
- Реабилитированные историей, республика Крым. *Mennonitische Geschichte und Ahnenforschung. Verbannte Mennoniten*. Киев; Симферополь: Магистр, 2004. Книга первая: А, Б, В.
- Светозарова Н. Д.** Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М., 2006. Т. 2. С. 137–147.
- Светозарова Н. Д.** Отчеты об экспедициях как уникальный источник информации (на материале фольклорно-диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского) // *Magister Dixit*. Науч.-пед. журн. Восточной Сибири. 2013а. № 3. URL: <http://md.islu.ru/ru/journal/2013-3/>.
- Светозарова Н. Д.** Творческое наследие В. М. Жирмунского и его учеников в архивах Петербурга (фольклорно-диалектологические материалы) // Миллеровские чтения. К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор-История, 2013б. С. 401–415.
- Смирницкая С. В.** Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 61–70.
- Черказьянова И. В.** Меннонитская дореволюционная школа Сибири // Филологический ежегодник Омского гос. ун-та. Омск, 1999. Вып. 2.
- Черказьянова И. В.** Карасан – духовный и культурный центр меннонитов Крыма // История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX – XX веке: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию переселения немцев в Крым. Симферополь: Антикава, 2007. С. 101–113.
- Berend N., Jedig H.** Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, N. G. Elwert Verlag, 1991. (Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V. Bd. 53).
- Bertleff I., John E., Svetozarova N.** Russlanddeutsche Lieder. Geschichte – Sammlung – Lebenswelten. Institut für Russische Literatur (Puškinskij Dom) der Russischen Akademie der Wissenschaften (St. Petersburg). Albert-Ludwigs-Universität Freiburg. Essen, Verlag Klartext, 2018, Bd. 1: Liedgeschichten und Editionen, 533 S.; Bd. 2: Analysen und Quellen. Mit Beiträgen von Konstantin Azadovski und Dietmar Neutatz sowie einem Repertorium zur Sammlung Viktor Žirmunskij (Deutsches Volksliedarchiv Leningrad), 431 S.
- Brandt C.** Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Marburg, N. G. Elwert Verlag, 1992, 436 S.
- Jedig H.** Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademieverlag Berlin, 1966, 106 S.

- Klassen H.** Mundart und plautdietsche Geschichte. Marburg, N. G. Elwert Verlag, 1993. (Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde (e.V. Bd. 65).
- Kanakin I., Wall M.** Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994, 58 S.
- Moelleken W.** Die linguistische Heimat der rußlanddeutschen Mennoniten in Kanada und Mexiko // Niederdeutsches Jahrbuch, Jahrbuch des Veriens für niederdeutsche Sprachforschung, 110. 1987. S. 89–123.
- Naiditsch L.** Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 2015. Bd. LXXXII, Ht. 3, S. 331–349.
- Nieuweboer R.** The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijks Universiteit Groningen, 1998, 380 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H.** Weltweite Bruderschaft. Mennonitischer Geschichtsverein, 1984. 332 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H.** Weltweite Bruderschaft. Verlag mennonitischer Geschichtsverein. 6719 Weierhof, 1984.
- Quiring J.** Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Diss. (München, 1928). Münster, 1985. 128 S.
- Schroeder W., Huebert H. T.** Mennonite Historical Atlas. Winnipeg, Canada, 1990.
- Siemens H.** Plautdietsch. Tweeverlag. Bonn, 2012. 268 S.
- Thiessen J.** Studien zum Wortschatz der kanadischen Mennoniten. Inauguraldissertation. Marburg, 1963. (DDg, 64).
- Tolkendorf U.** Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes. In: Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes. Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 1985. S. 313–336.

References

- Avdeev I. E.** Foneticheskaya sistema nizhnenemetskogo govora Altaiskogo kraya v ee istoricheskom razviti [Phonetic System of the Lower German Dialect of the Altai Territory in Its Historical Development]. In: Avdeev I. E. *Germanskije yazyki* [Germanic Languages]. Ed. by V. Ya. Plotkin. Novosibirsk, West Siberia Book Publ., 1967, p. 84–118. (in Russ.)
- Berend N., Jedig H.** Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, N. G. Elwert Verlag, 1991. (Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.V. Bd. 53).
- Bertleff I., John E., Svetozarova N.** Russlanddeutsche Lieder. Geschichte – Sammlung – Lebenswelten. Institut für Russische Literatur (Puškinskij Dom) der Russischen Akademie der Wissenschaften (St. Petersburg). Albert-Ludwigs-Universität Freiburg. Essen, Verlag Klartext, 2018, Bd. 1: Liedgeschichten und Editionen, 533 S.; Bd. 2: Analysen und Quellen. Mit Beiträgen von Konstantin Azadovski und Dietmar Neutatz sowie einem Repertorium zur Sammlung Viktor Žirmunskij (Deutsches Volksliedarchiv Leningrad), 431 S.
- Bondar C. D.** Sekta mennonitov v Rossii (v svyazi s istoriei nemetskoi kolonizatsii na yuge Rossii) [Mennonite Sect in Russia (in Connection with the History of German Colonization in Southern Russia)]. Feature article. Petrograd, Printing house of V. D. Smirnov, Catherine Canal, № 45, 1916. URL: <http://family.rempel.pro/bibl/bondar.pdf> (in Russ.)
- Brandt C.** Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Marburg, N. G. Elwert Verlag, 1992, 436 S.
- Cherkaziyanova I. V.** Karasan – duhovnyi i kul'turnyi tsentr mennonitov Kryma [Karasan – the spiritual and cultural center of the Mennonites of Crimea]. In: *Istoriya nemetskoi kolonizatsii v Krymu i na yuge Ukrainy v XIX–XX veke* [The History of German Colonization in the Crimea and in the South of Ukraine in the 19th – 20th Century]. Proc. of the International Scientific

- Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Resettlement of Germans in Crimea on. Simferopol, Antikva Publ., 2007, p. 101–113. (in Russ.)
- Cherkaziyanova I. V.** Mennonitskaya dorevolutsionnaya shkola Sibiri [Mennonite Pre-Revolutionary School of Siberia]. In: Filologicheskii ezhegodnik Omskogo gos. un-ta [Philological Yearbook of the Omsk State University]. Omsk, 1999, iss. 2. (in Russ.)
- Grineva N. M.** Morfologiya imeni sushchestvitel'nogo i glagola v nizhnemetskom govore sela Kusak Altaiskogo kraia [Morphology of the Noun and Verb in the Low German Dialect of the Village of Kusak, Altai Territory]. Cand. phil. sci. syn. diss. Leningrad, 1979. (in Russ.)
- Jedig H.** Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Akademieverlag Berlin, 1966, 106 S.
- Klassen H.** Mundart und plautdietsche Geschichte. Marburg, N. G. Elwert Verlag, 1993. (Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde (e.V. Bd. 65).
- Kanakin I., Wall M.** Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994, 58 S.
- Matis K. V.** Rossiiskie nemtsy Altaiskogo kraia v period s 1918 po 1922 g. [Russian Germans of the Altai Territory from 1918 to 1922] In: Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura [Germans of Siberia: History and Culture]. Novosibirsk, 2003, p. 53–57. (in Russ.)
- Moelleken W.** Die linguistische Heimat der rußlanddeutschen Mennoniten in Kanada und Mexiko // Niederdeutsches Jahrbuch, Jahrbuch des Veriens für niederdeutsche Sprachforschung, 110. 1987. S. 89–123.
- Naiditsch L.** Das Mennonitenplatt (Plautdietsch) nach den Fragebögen aus dem Archiv Schirmunski. Teil I. Probleme des Konsonantismus. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 2015. Bd. LXXXII, Ht. 3, S. 331–349.
- Najdich L. E., Svetozarova N. D.** Dialektologicheskii arkhiv V. M. Zhirmunskogo v Sankt-Peterburge. Nauchnoe znachenie i perspektivy obrabotki [Dialectological Archive V.M. Zhirmunsky in St. Petersburg. Scientific Value and Processing prospects]. In: Teoriya i istoriya german-skikh i romanskikh yazykov v sovremennoi vysshei shkole Rossii [Theory and History of Germanic and Romance Languages in the Modern Higher School of Russia]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Kaluga, KSU Publ., 2013, p. 37–41. (in Russ.)
- Nieuweboer R.** The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Rijks Universiteit Groningen, 1998, 380 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H.** Weltweite Bruderschaft. Mennonitischer Geschichtsverein, 1984. 332 S.
- Penner H., Gerlach H., Quiring H.** Weltweite Bruderschaft. Verlag mennonitischer Geschichtsverein. 6719 Weierhof, 1984.
- Puzeikina L. N., Svetozarova N. D.** Nasledie V. M. Zhirmunskogo – kratkii obzor dialektologicheskikh materialov iz lichnogo arkhiva uchenogo (Arkhiv RAN, S.-Peterburg) [The Legacy of V. M. Zhirmunsky – A Brief Review of Dialectological Materials from the Scientist's Personal Archive (Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg)]. In: Nemetskie dialekty v Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee otechestvennoi ostrovnoi dialektologii [German Dialects in Russia: Past, Present and Future of Domestic Insular Dialectology]. Proc. of Academic and Practical conf. Krasnoyarsk, 2011, p. 150–167. (in Russ.)
- Quiring J.** Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland. Diss. (München, 1928). Münster, 1985. 128 S.
- Reabilitirovannye istoriei, respublika Krym. Mennonitische Geschichte und Ahnenforschung. [Rehabilitated by history, Republic of Crimea]. Kiev, Simferopol, Magistr Publ., 2004. Book One: A, B, V. URL: <https://chort.square7.ch/Pis/Krym.pdf> (in Russ.)
- Schroeder W., Huebert H. T.** Mennonite Historical Atlas. Winnipeg, Canada, 1990.
- Siemens H.** Plautdietsch. Tweeverlag. Bonn, 2012. 268 S.

- Smirnitckaya S. V.** Zhirmunskii i Leningradskii tsentr po izucheniyu nemetskikh poselenii v Rossii [Zhirmunsky and Leningrad Center for the Study of German Settlements in Russia]. In: Nemtsy v Rossii. Russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi [The Germans in Russia. Russian-German Scientific and Cultural Ties]. St. Petersburg, 2000, p. 61–70. (in Russ.)
- Svetozarova N. D.** Fol'klorno-dialektologicheskie ekspeditsii V. M. Zhirmunskogo i ego «Arkhiv nemetskoi narodnoi pesni» [Folklore and dialectological expeditions of V. M. Zhirmunsky and His “Archive of German Folk Song”]. In: Russkaya germanistika. Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov [German Studies. Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Moscow, 2006, vol. 2, p. 137–147. (in Russ.)
- Svetozarova N. D.** Otchety ob ekspeditsiyakh kak unikal'nyi istochnik informatsii (na materiale fol'klorno-dialektologicheskikh ekspeditsii V. M. Zhirmunskogo) [Expedition Reports as a Unique Source of Information (Based on the Material of the Folklore and Dialectological Expeditions of V. M. Zhirmunsky)]. *Magister Dixit. Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri* [Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia], 2013, no. 3, URL: <http://md.islu.ru/ru/journal/2013-3/>. (in Russ.)
- Svetozarova N. D.** Tvorcheskoe nasledie V. M. Zhirmunskogo i ego uchenikov v arhivakh Peterburga (fol'klorno-dialektologicheskie materialy) [The Creative Heritage of V. M. Zhirmunsky and His Students in the Archives of St. Petersburg (Folklore and Dialectological Materials)]. In: Millerovskie chteniya. K 285-letiyu Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk [Miller Readings. For the 285th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Academic Anthology of the International Conference (St. Petersburg, April 23–25). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, p. 401–415. (in Russ.)
- Thiessen J.** Studien zum Wortschatz der kanadischen Mennoniten. Inauguraldissertation. Marburg, 1963. (DDg, 64).
- Tolksdorf U.** Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes. In: Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes. Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 1985. S. 313–336.
- Vall G. I.** Slovoobrazovatel'nye modeli nizhnenemetskogo govora Omskoi oblasti [Word-Formation Models of the Low German Dialect of the Omsk Region]. Cand. phil. sci. syn. diss. Kalinin, 1974, 24 p. (in Russ.)
- Venger N. V.** Mennonitskoe predprinimatel'stvo v usloviyakh modernizatsii yuga Rossii: mezhdru kongregatsiei, klanom i rossiiskim obshchestvom (1789 – 1920) [Mennonite Entrepreneurship in the Modernization of Southern Russia: Between the Congregation, the Clan, and Russian Society (1789–1920)]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk National University Publ., 2009. (in Russ.)
- Zhirmunsky V. M.** Problemy pereselencheskoi dialektologii [Problems of Migration Dialectology]. In: Obshchee i germanskoe yazykoznanie [General and German Linguistics]. Leningrad, 1976, p. 491–516. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

15.12.2019

Сведения об авторах

Найдич Лариса Эриковна, профессор эмеритус кафедры общего языкознания Еврейского Университета в Иерусалиме (Иерусалим, Израиль)
larissa.naiditch@mail.huji.ac

Либерт Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИФЛ СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)
azzuro@rambler.ru

Information about the Authors

Larisa E. Naiditch, Professor Emeritus, Department of General Linguistics, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
larissa.naiditch@mail.huji.ac

Ekaterina A. Libert, PhD, Researcher, Department of the Siberian Peoples Languages, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
azzuro@rambler.ru

УДК 811.161.1
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56

Репрезентация индивидуально-авторской картины мира кинорежиссера Андрея Тарковского в рассказе «Белый день»

М. С. Берендеева, Н. А. Борзенкова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена описанию ключевых элементов концептуального пространства рассказа Андрея Тарковского «Белый день». На основе концептуального анализа текста с привлечением эксперимента выявлены ключевые концепты, репрезентированные в рассказе: *МАТЬ, ВОДА, ДЕТСТВО, ВОЙНА, БОГАТСТВО, ГОРЕ, СЧАСТЬЕ, ТИШИНА, ДОМ, ЦЕРКОВЬ, СТРАХ, ПАМЯТЬ*. Сопоставление рассказа с фильмом Андрея Тарковского «Зеркало», сценарий которого включает эпизод, описанный в рассказе, показало, что концептуальное пространство рассказа является основой для формирования концептосферы фильма.

Ключевые слова

индивидуально-авторская картина мира, концепт, лингвоконцептология, концептосфера, концептуальный анализ текста, кинотекст, Андрей Арсеньевич Тарковский, «Белый день»

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00052

Для цитирования

Берендеева М. С., Борзенкова Н. А. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира кинорежиссера Андрея Тарковского в рассказе «Белый день» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 40–56. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56

The Representation of the Film Director Andrei Tarkovsky's Individual Artistic Worldview in the Short Story *A White, White Day*

M. S. Berendeeva, N. A. Borzenkova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the description of the key elements of the conceptual space of the short story *A White, White Day* by Andrei Tarkovsky, which served as a basis in the key episode of the feature film *Mirror*. The aim of the research is to reveal and describe the main elements of the conceptual sphere of the short story. The object of research is the short story *A White, White Day* by Andrei Tarkovsky published in 1970 in the magazine *Film Art* in *Movie Makers' Stories* section.

The main method used in the framework of the research is conceptual analysis of texts. To reveal the readers' background notions about the short story and the author, to determine the semantics of the title and to reveal keywords on the basis of readers' reception, we also used the experimental data obtained in 2017 when 51 students of Novosibirsk State University were surveyed. The participants were asked to read the information about the text and to answer

© М. С. Берендеева, Н. А. Борзенкова, 2020

2 questions. The first one was asked before reading and was related to information known to the respondents – about the short story and its author and about their associations with the title. The second question (about the text keywords) was asked after reading. The results of the experiment were compared with the results of the analysis of the separate contexts of the short story and the possible intertextual connections, and the verbal representations of the revealed key concepts were compared with the intermedial representations of the key concepts of the feature film *Mirror*.

The following conclusions were made.

1. Even if readers do not know anything about the author of the text, its title and the epigraph create the particular semantic background on which the reception of the short story is superimposed: the notions about the loss of something good, about the mixture of positive and negative emotions, about the fact that the short story is based on the memories.
2. Through the title the individual concept of the white day is introduced into the conceptual space. This concept combines emotionally ambivalent notions about the supreme happiness lost forever, and it goes back to the poetry by Arseny Tarkovsky and Anna Akhmatova.
3. The frequently used lexemes and the short story keywords given to the respondents enable to reveal several key units of the conceptual space of the short story (the concepts of mother, water, childhood, war, wealth, grief, happiness, silence, home, church, fear, memory).
4. The key concepts of the short story are the conceptual basis of the subsequent film *Mirror* where the conceptual space gets more complicated and is supplemented by some new features.

Keywords

author's individual worldview, concept, linguoconceptology, conceptual sphere, conceptual text analysis, cinematic text, Andrei Arsenyevich Tarkovsky, *A White, White Day*

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-312-00052

For citation

Berendeeva M. S., Borzenkova N. A. The Representation of the Film Director Andrei Tarkovsky's Individual Artistic Worldview in the Short Story *A White, White Day*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 40–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56

Введение

Творчество великого русского кинорежиссера А. А. Тарковского неизменно привлекает внимание исследователей не только в контексте киноведения, но и с позиций философии, истории культуры, религиоведения. Несмотря на огромное количество междисциплинарных работ, посвященных анализу метафильма (термин Д. А. Салынского [2009]) А. А. Тарковского в контексте взаимосвязи кинематографических приемов с интертекстом различных видов искусства (см. [Савельева, 2017; Стогниенко, 2013] и др.) и литературы (см., например, [Перепелкин, 2010; Сальвестрони, 2012]), лингвистическая сторона творчества А. А. Тарковского (за исключением некоторых аспектов языковой личности режиссера (см. об этом [Лаппо, 2014])) и особенности его индивидуально-авторской концептосферы остаются практически не изученными. Цель настоящего исследования – выявить и описать основные элементы концептосферы рассказа Андрея Тарковского «Белый день» [1970].

Творческое наследие Андрея Тарковского очень обширно, оно включает в себя не только «канонические» художественные фильмы («Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия», «Жертвоприношение»), но и студенческие работы, короткометражные фильмы, радиопостановку, театральные постановки, а также нереализованные замыслы и различные тексты – интервью, дневники, теоретические работы по эстетике кинематографа и др. В качестве объекта нашего исследования выступает рассказ Андрея Тарковского «Белый день», опубликованный в 1970 г. в журнале «Искусство кино» в разделе «Рассказы кинематографистов». Рассказ «Белый день», оставшийся единственным полноценным опытом великого режиссера в художественной литературе, интересен тем, что в незначительно измененном виде лег в основу одного из ключевых эпизодов литературного сценария художественного фильма «Зеркало». Мы полагаем, что именно этот рассказ, автобиографический по своей сути, стал источником ключевых концептов будущего фильма, а анализ рассказа позволит получить индивидуально-авторскую концептуальную базу для дальнейшего сопоставления с концептосферой художественного фильма. Анализ рассказа «Белый день» особенно актуален в контексте концептуального анализа кинотекста (имеюще-

го не только вербальную, но и интермедиаальную природу), так как, во-первых, соотносимый с рассказом фильм «Зеркало» не является экранизацией, «Белый день» представляет собой своего рода первый и исключительно вербальный этап работы над будущим фильмом, а во-вторых, как рассказ, так и фильм репрезентируют индивидуальную картину мира одной языковой личности, но с помощью разных средств. Последнее обстоятельство является примечательным, так как режиссер авторского кино и автор литературного текста-источника совпадают в одном лице очень редко (ситуация с совпадением автора исходного текста и сценариста является более типичной, но не позволяет сопоставить в одной плоскости вербальные и сугубо кинематографические средства выражения авторской картины мира).

Как пишут Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин, «концепт художественного текста формируется на синтагматической основе, имеет внутритекстовую синтагматическую природу» [2005. С. 58], таким образом, анализ текста как целостного вербального произведения и выявление особых отношений между элементами внутри текста позволяют реконструировать концептуальное пространство художественного текста. Если концептуальный анализ отдельных единиц, т. е. реконструкцию структуры отдельных концептов на основе различного языкового материала, уже можно назвать апробированным в современной лингвистике методом, то целостная реконструкция концептуального пространства текста, т. е. концептуальный анализ текста, до сих пор находится на стадии разработки, так как все еще существуют только единичные труды, систематически описывающие методику концептуального анализа текста [Болотнова, 2009; Бабенко, Казарин, 2005]. В ходе анализа мы ориентируемся на схему концептуального анализа текста, предложенную Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным и предполагающую «во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, определение базового концепта (концептов) этого пространства; в-третьих, описание обозначаемого ими концептуального пространства» [2005. С. 59]. Концептуальный анализ текста направлен на выявление ключевых концептов, реализующихся в конкретном тексте (или совокупности текстов, например, в творчестве определенного автора, в цикле произведений и т. п.), поэтому позволяет получить представление о способах текстовой репрезентации индивидуальной картины мира автора анализируемого текста.

Рассказ «Белый день» чаще всего опускается исследователями при рассмотрении этапов подготовки фильма «Зеркало», в качестве приоритетного текстового источника фильма выбирается сценарий. Рассказ достаточно подробно рассмотрен в монографии М. А. Перепелкина [2010. С. 62–73] в контексте формирования творческого замысла режиссера, автором монографии также подробно рассмотрено влияние рассказа Ф. Горенштейна «Дом с башенкой» на эстетическую позицию А. Тарковского, но рассказ, сценарий и сюжет фильма практически не дифференцируются в ходе анализа. Мы полагаем, что рассказ представляет собой особый этап вербального выражения режиссерского замысла, предшествующий созданию литературного сценария фильма и способный повлиять как на сценарий (вербальное выражение авторской концептосферы), так и на фильм (интермедиаальное выражение той же концептосферы), поэтому обращаемся к концептуальному анализу рассказа.

В ходе исследования решался ряд конкретных задач, направленных на выявление ключевых концептов рассказа и описание индивидуально-авторской концептосферы:

- 1) выявить фоновые представления о рассказе и его авторе, способные повлиять на восприятие текста до его чтения;
- 2) проанализировать «семантический радиус заглавия» [Бабенко, Казарин, 2005. С. 60] в рассказе и возможные концептуальные признаки, реализующиеся через словосочетание *белый день*;
- 3) выявить ключевые слова текста;
- 4) определить ключевые концепты индивидуально-авторской картины мира, реализующиеся через ключевые слова рассказа;
- 5) выявить возможные пути переноса вербально выраженной в рассказе авторской концептосферы в художественный фильм «Зеркало».

Для решения первых трех задач к анализу привлекались данные эксперимента, проведенного в 2017 г. среди студентов Новосибирского государственного университета. Респондентами стали студенты Гуманитарного института и Факультета естественных наук НГУ (всего 51 человек). В рамках эксперимента участникам предлагалось ознакомиться с информацией о тексте, ответить на два вопроса (об известной респондентам информации о рассказе и его авторе, а также об ассоциациях с названием рассказа) до начала чтения и на один вопрос (о ключевых словах текста) – после чтения. Привлечение экспериментальных данных в качестве основы для концептуального анализа рассказа позволяет нам учесть особенности читательской рецепции произведения.

Предтекстовая пресуппозиция

Для обозначения фоновых представлений, имеющихся у читателя еще до начала восприятия текста, воспользуемся термином «предтекстовые пресуппозиции», используемым Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казариным в описании алгоритма концептуального анализа текста [Там же. С. 59]. Предтекстовые пресуппозиции связаны с той информацией, которую читатель получает о произведении сразу, до знакомства с предлагаемым для чтения текстом, и включают в себя представления об авторе произведения (знаком ли он вообще читателю, что читатель знает о нем), о жанре (стереотипные представления о жанровой системе, степень знакомства читателя с тем или иным жанром, имена авторов и т. п.), о времени написания (представления об определенном этапе историко-литературного процесса), а также информацию, получаемую из названия (индивидуальные и общеязыковые ассоциации на лексемы или словосочетания, вынесенные в заглавие; понятия, выражаемые прецедентными фразами или идиомами; заранее устанавливаемая связь между названием и автором, если имя автора знакомо читателю) или – при наличии – эпиграфа (представления об авторе эпиграфа, предположения о сюжете или образах произведения, сделанные на основе эпиграфа).

На первом этапе эксперимента, проведенного в ходе нашего исследования, респондентам, ранее не знакомым с рассказом «Белый день», до начала чтения была предоставлена следующая информация: название рассказа, имя автора (Андрей Тарковский), эпиграф (отрывок из стихотворения Арсения Тарковского), имя автора эпиграфа (Арсений Тарковский). Участникам эксперимента предлагалось указать, что они знают (и знают ли) об авторе текста и какие предположения о самом тексте они могут высказать, еще не прочитав его.

Респондентами были отмечены следующие пресуппозиции:

- 1) представления об авторе:
 - а) знакомое имя без конкретизации – 2;
 - б) известно, что Андрей Тарковский – кинорежиссер, – 10;
 - в) какой-то автор 50-х гг. XX в (представление, не соответствующее реальности) – 1;
 - г) любимый литератор зав. кафедрой (предположение, вероятно, основанное на подмене представлений о кинорежиссере и его отце, поэте);
 - д) в рассказе будут дождь, мокрые листья, вода, так как они есть во многих фильмах (представление о различных фильмах и кинопоэтике Андрея Тарковского), – 1;
 - е) автору рассказа много лет – 1;
- 2) предположительный положительный эмоциональный фон рассказа: положительные эмоции, радость, счастье – 9;
- 3) предположительный отрицательный эмоциональный фон рассказа:
 - а) негативные эмоции, грусть, тоска – 4;
 - б) трагичность – 1;
 - в) рассказ о неожиданной трагедии или начале войны – 1;
 - г) рассказ о чем-то печальном, старости или болезни – 2;
 - д) бессмысленность и скука описываемого дня – 1;
- 4) амбивалентность эмоционального фона, сочетание грусти и радости:
 - а) светлая печаль – 1;

- б) расставание с чем-то, завершение хорошего времени – 2;
- 5) предположения о хронотопе рассказа:
 - а) действие происходит на природе или в деревне – 4;
 - б) действие происходит летом – 4;
 - в) действие происходит в светлое время суток – 1;
 - г) действие охватывает один день – 6;
- 6) предположения о характере художественного мира в рассказе:
 - а) влияние экзистенциализма – 1;
 - б) влияние Пруста – 1;
- 7) представления о возможных ключевых темах рассказа:
 - а) тема Родины – 13;
 - б) тема детства или юности – 18;
 - в) тема дома – 2;
 - г) тема переезда, эмиграции – 3;
 - д) тема воспоминаний – 16;
- 8) предположительный автобиографический характер повествования – 5;
- 9) отдельные предположения, связанные с сюжетом:
 - а) описан последний день жизни героя – 1;
 - б) описан день из жизни крестьянской семьи – 1;
 - в) в центре сюжета события, повлиявшие на всю жизнь героев, – 1;
 - г) герои – дети, которые вынуждены куда-то идти, – 1.

Таким образом, рассказ уже до чтения воспринимается большинством читателей как связанный с темами времени (воспоминание, взросление, детство) или дома и Родины в различных вариациях, но только пятая часть респондентов имеет какое-то представление о том, что автор является кинорежиссером, т. е. основная форма его творческого самовыражения – не словесная, а кинематографическая.

Отдельно отметим, что 13 респондентов указали на эпиграф как на источник фоновой информации о тексте. Рассмотрим поэтический эпиграф как не только метатекстовый, но и интертекстуальный элемент самого рассказа и возможный источник его образов:

Давно мои ранние годы прошли
По самому краю,
По самому краю родимой земли,
По скошенной мяте, по синему раю,
И я этот рай навсегда потеряю
[Тарковский, 1991. С. 214].

Этот отрывок из стихотворения «Песня» Арсения Тарковского, написанного в 1960 г., обуславливает появление среди ответов респондентов именно этих предположений, связанных со временем и воспоминаниями (*давно, ранние годы*), Родиной (*родимой земли*), а также мотива утраты и негативных эмоций (*прошли, потеряю*).

Примечательна предполагаемая по итогам эксперимента амбивалентность рассказа: среди ответов есть указания как на радостные, так и на печальные события в рассказе, как на положительные, так и на отрицательные эмоции. Подобная двойственность (*светлая печаль*) может быть связана как с наличием лексем разного коннотативного фона в эпиграфе (с одной стороны, *рай*, с другой стороны, имплицитно негативное *потеряю*), так и с амбивалентностью заглавия, показанной вторым этапом эксперимента.

Заглавие «Белый день» как потенциальное имя концепта

На втором этапе эксперимента респондентам, также до начала чтения, предлагалось назвать ассоциации, вызываемые у них стимулом – словосочетанием *белый день*.

Полученные ассоциации можно разделить на следующие группы.

1. Атрибутивные реакции, отмеченные положительной эмоциональной окраской: *светлый* – 6, *теплый, радость, счастливое время, хорошее настроение, легкий, беззаботный, светлый в эмоциональном плане, светлое воспоминание, праздничный день, рай, день, который прошел или идет хорошо, день, когда все получилось* – 1.

2. Номинации времени (года или суток): *зима* – 6, *утро, лето* – 2, *полдень, летний день, день зимой* – 1.

3. Ассоциации, связанные с погодой:

а) окрашенные положительно номинации хорошей и ясной погоды: *солнце* – 3, *днем хорошая погода, безоблачный, ясный, светлое время дня, ясность* – 1;

б) нейтральные или окрашенные отрицательно номинации обратного состояния, плохой погоды: *черный день, ночь, облако, нет солнца* – 1;

в) обозначения холодной зимней погоды: *снег* – 3, *белый снег, холодный* – 2, *зимний пейзаж, мороз, холодный яркий день* – 1.

4. Реакции, репрезентирующие представления о времени, постулирующие разрыв между «сейчас» и «раньше»: *ностальгия, воспоминание, воспоминания и чувства, которые человек хранит о каком-либо дне из прошлого, возможно, лучшего периода жизни, детство и юношеские годы, время беззаботности* – 1.

5. Негативно окрашенные атрибутивные реакции: *печальный, печаль, бедный* – 1.

6. Реакции, репрезентирующие общеязыковые ассоциации на «белый»:

а) «белизна – чистота»: *уборка* – 1;

б) «белизна – невинность» (переносное значение лексемы «чистота»): *чистота, чистый* – 2, *невинный* – 1;

в) «белизна – новизна»: *новая жизнь, начало новой жизни* – 1.

7. Ассоциации, связанные с употреблением в речи идиомы *среди бела дня*: *среди бела дня* – 2, *устойчивое выражение, разбой, ограбление* – 1.

8. Ассоциации широкого культурного контекста: *Джек Лондон, «Песня без слов» группы «Кино» («Снова за окнами белый день, / День вызывает меня на бой»)* – 1.

9. Номинации трагических событий и критических состояний: *смерть, гражданская война* – 1.

10. Ассоциации, обусловленные синлексемой *белые ночи*: *Санкт-Петербург* – 2, *Петербург, как белая ночь, только день, белая ночь, белые ночи (Питер), Питер* – 1.

11. Реакции, подчеркивающие связь белизны с ярким светом: *жгучий, ослепляющий свет* – 1.

12. Ассоциации, репрезентирующие отрицательно окрашенные представления о незаполненности, пустоте: *пустой, бессмысленный, пустота, пустой день* – 1.

13. Номинации времени, свободного от работы: *выходной, отдых* – 2.

14. Ассоциации, связанные с представлениями о спокойствии: *тишина, спокойствие, день размышлений* – 1.

15. Реакции, называющие отдельные составляющие фрейма, стереотипной ситуации «белого дня»:

а) участники, действующие лица: *бабушка* – 1;

б) детали, предметы: *молоко, зелень* – 1.

Таким образом, приведенные ассоциации в целом, за исключением связанных с временем суток (реакции на компонент словосочетания *день*) или отсылающих к общеязыковым ассоциациям на стимул *белый*, а также формальных, отсылающих к связанным словосочетаниям *белые ночи* и *среди бела дня*, показывают амбивалентную картину концептуальных признаков, сочетающих как положительные, так и отрицательные эмоции. Подобная амбивалентность свойственна и широкому поэтическому контексту, повлиявшему на Тарковского, и, как показывает следующий этап эксперимента, рассказу с соответствующим названием.

Выбор в качестве стимула для опроса не отдельных слов (*белизна* или *день*), а словосочетания *белый день* обуславливается тем, что в творчестве Андрея Тарковского это словосо-

четание содержит явную отсылку к творчеству его отца и подключает таким образом поэтический интертекст Арсения Тарковского, у которого передает единое и неразложимое метафизическое состояние «утраченного рая» воспоминаний:

Камень лежит у жасмина.
Под этим камнем клад.
Отец стоит на дорожке.
Белый-белый день.
...
Вернуться туда невозможно
И рассказать нельзя,
Как был переполнен блаженством
Этот райский сад
[Тарковский, 1991. С. 302].

Стихотворение Арсения Тарковского «Белый день», написанное в 1942 г., было одним из любимых у Андрея Тарковского, и именно к нему восходит название и рассказа, и первоначального сценарного варианта будущего фильма «Зеркало».

Белый цвет, концепт *БЕЛИЗНА*, репрезентируется во многих произведениях Арсения Тарковского, чаще всего в контексте воспоминаний, как и в другом стихотворении, цитируемом сыном поэта в фильме «Ностальгия», «Я в детстве заболел...»:

И теперь мне снится
Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит. И остались.
А мать пришла, рукою поманила –
И улетела...
[Тарковский, 1991. С. 292–293].

Приведенный выше отрывок из стихотворения «Я в детстве заболел...» вырезан из текста, цитируемого в фильме «Ностальгия», цитата завершается после первых двух строф (о трансформациях стихотворения в фильме см. [Берендеева, 2018]), но концепт *БЕЛИЗНА* репрезентируется в фильме «Ностальгия» визуальными средствами: некогда белые, но покрытые грязью стены затопленного храма в сцене с чтением стихотворения передают утраченное состояние белизны, метафизической целостности и ясности мира.

В другом стихотворении Арсения Тарковского – «Вот и лето прошло...», цитируемом Андреем Тарковским в фильме «Сталкер», через лексему *день* вводится то же представление об утраченном или недостижимом светлом воспоминании-состоянии:

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло.
Только этого мало
[Тарковский, 1991. С. 303].

В этом поэтическом тексте нет полного словосочетания *белый день*, но метафора «день – стекло» указывает на яркость, блеск и прозрачность – свойства, близкие к белизне, но не достигающие ее в полной мере, т. е. единое состояние недостижимого и прекрасного белого дня присутствует и в этом контексте.

Номинация *белый день*, отсылающая к поэтике Арсения Тарковского и перешедшая в творчество Андрея Тарковского практически в качестве нерасчлененной синлексемы, и значимость как для поэта, так и для режиссера репрезентируемых ею представлений указывают на возможное существование в творчестве Тарковских концепта с именем *БЕЛЫЙ ДЕНЬ*.

В качестве возможного источника художественного концепта *БЕЛЫЙ ДЕНЬ* у Арсения Тарковского можно назвать «другой лирический контекст припоминания» [Киричук, 2014. С. 32] – стихотворение А. Ахматовой «Небо мелкий дождик сеет...» (1916):

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день
[Ахматова, 1977. С. 205].

Это стихотворение А. Ахматовой объединяет с процитированными текстами Арсения Тарковского ситуация разлуки, потери и кажущейся невозможности возврата утерянного. Примечательно, что ахматовский сюжет связан с ожиданием женщиной друга, которому «возвратиться из-за моря – крайний срок», т. е. практически полностью совпадает с содержанием первого сюжетного эпизода фильма «Зеркало»: мать, сидящая на заборе, смотрит вдаль в ожидании мужа, который, возможно, не вернется уже никогда. Можно предположить, что ахматовский текст повлиял на Андрея Тарковского непосредственно, а не только через стихи его отца, т. е. сочетание *белый день* как название рассказа и сценария имеет двойную обусловленность.

В целом в индивидуально-авторской картине мира Андрея Тарковского существует концепт, именем и ключевым вербальным репрезентантом которого является восходящее к творчеству Арс. Тарковского и А. Ахматовой словосочетание *белый день*. В качестве ключевых признаков концепта можно назвать следующие: 1) 'состояние предельного счастья, гармонии'; 2) 'утрата счастливого состояния'; 3) невозможность возврата; 4) ожидание утраченного и стремление к нему; 5) связь утраченного состояния с детством, прошлым, воспоминание (неслучайно в цитируемых выше стихах фигурируют мать или отец лирического героя); 6) эмоциональная амбивалентность (пронзительность и полнота счастья в сочетании с болью от его утраты).

«Песня» Арсения Тарковского, отрывок из которой вынесен Андреем Тарковским в позицию эпиграфа, репрезентирует тот же концепт, хотя и не содержит ключевого словосочетания: слово *рай* репрезентирует здесь то же утраченное давно состояние, а лексема *белый* отсылает к нераздельной гармоничности состояния и указывает на его источник – образ не называемой женщины, возможно матери, с «лучшим именем», которая «моет в воде свои белые руки». С художественным миром стихотворения перекликается сюжет рассказа Андрея Тарковского: рассказ построен на воспоминаниях, ключевым образом которых является Мать, в рассказе присутствует воспоминание об абсолютном счастье («Около зеркала, освещенная белым солнцем стояла моя мать» – состояние счастливой белизны, сияющей, отражающейся и преломляющейся многократно, и репрезентируется через лексемы «белый», «зеркало», «поблескивать», «сиять» и т. п.) и боль от его утраты.

Ключевые слова рассказа «Белый день»

На третьем этапе эксперимента респондентам предлагалось определить ключевые (наиболее важные) слова рассказа уже после его прочтения.

Все приведенные респондентами слова, словосочетания и фразы из текста (а в отдельных случаях – из эпиграфа или связанные с текстом только ассоциативно) можно разделить на следующие группы.

1. Номинации героев – по признакам родства или возраста: *мать* – 23, *бабушка* – 4, *МА-ма* – 3, *дочь*, *падчерица*, *старуха* – 1.

2. Разнородные номинации негативных эмоциональных состояний: *всхлипывание* – 6, *отчаяние* – 4, *тревога* – 4, *боль* – 3, *сердилась* – 2, *переживание*, *страх*, *возмущение*, *болезненно*, *испуг*, *казаться спокойной*, *стараясь казаться спокойной*, *волнение*, *страх матери*, *раздраженный*, *болезненная незащищенность*, *незащищенность*, *испугался*, *злость*, *чувство неясности*, *тяжесть*, *горе*, *слезы*, *пустота*, *грусть*, *глаза ее были полны такой боли и отчаяния*, *что я испугался*, *я понял это по раздраженному шепоту матери*, *все плохо*, *ненужность* – 1.

3. Слова и фразы, передающие положительные эмоциональные состояния: *смех* – 3, *счастье* – 2, *надежда, радость, хорошо, счастливый смех, я проснулся от счастья, счастливый смех Надежды Петровны* – 1.

4. Слова и словосочетания, объединенные семантическим компонентом ‘вода’: *дождь* – 5, *мокрый* – 5, *мокрая трава* – 2, *вода, грязный, мокрые сумерки, холодно, дождь – как метафора неизвестности, надвигающейся беды, возможно, смутного настроения, сырость, мокрое крыльцо, дождливый день, холодный туман* – 1.

5. Номинации других природных явлений: *природа* – 2, *солнце* – 2, *свет* – 2, *белое солнце, ветер, сирень, трава* – 1.

6. Номинации, реализующие пространственные элементы: *пятистенка* – 10, *дорога* – 7, *деревня* – 5, *изба* – 3, *тропинка* – 3, *дом* – 3, *огород* – 3, *меня успокаивал огород* – 2, *деревенская изба, по-над, заборы* – 1.

7. Лексемы, словосочетания и фразы из текста, репрезентирующие сценарий разрушения церкви: *церковь* – 3, *бабы мелко крестились и вытирали слезы* – 2, *церковь обрушилась* – 2, *купола лежали, Симоновская церковь, иконы, все сооружение обрушилось* – 1.

8. Номинации времени: *утро* – 5, *сумерки* – 4, *день* – 3, *довоенное утро* – 2, *день похож на сумерки* – 1.

9. Номинации отдельных предметов и деталей интерьера: *зеркало* – 6, *серьги* – 4, *туфли* – 3, *дверь* – 2, *крыльцо, прихожая, я просто отвык от зеркал, туфли с перепонками* – 1.

10. Имена собственные и другие номинации, конкретизирующие информацию о героях и месте действия: *врач* – 6, *Сергей* – 3, *Завражье* – 2, *поход в Завражье, дочь Алексея Матвееча, доктор, дом врача* – 1.

11. Номинации, содержащие явно или имплицитно семантические компоненты ‘дорого’ / ‘дешево’, ‘богатство’ / ‘бедность’: *не продешевить* – 3, *бедность* – 2, *дешево, продажа, драгоценности, продешевить, это слишком дешево, ценность, драгоценный, бирюза, отсутствие денег, бедность и богатство, у них денег куры не клюют* – 1.

12. Ключевые слова, репрезентирующие представления о войне: *война* – 5, *во время рассказа шла война, трудно сейчас с детьми, война как-никак* – 1.

13. Словосочетания и выражения, репрезентирующие представления рассказчика о «доме врача» и чужом быте: *спал розовый курчавый ребенок* – 2, *курчавый ребенок, розовый курчавый ребенок, весь в кружевах, белокурая женщина, шелковый халат* – 1.

14. Вербализация ситуации просьбы к жене доктора: *дамский секрет* – 2, *секрет, у меня к вам маленький дамский секрет, просьба* – 1.

15. Разнородные слова и выражения, связанные со звуковыми эффектами и передающие звуки или их отсутствие: *разговор* – 2, *шорох, тихий разговор, шепот, тишина, молчание, тихо, звон, давай лучше постучим погромче, стараясь не разбудить сестру* – 1.

16. Ключевые слова, выражающие двойственность положения и эмоционального состояния в непонятной ситуации: *нелепая надежда, недоуменно, недоверчивое, аккуратно, непонимание, неизвестность* – 1.

17. Выражения, отсылающие к спору матери и бабушки и показывающие конфликт в семье рассказчика: *семейный конфликт, семейные проблемы, какого дьявола я в Москву не поехала, замолчи!* – 1.

18. Ключевые слова, объединенные семантикой детства: *детство* – 3, *материнство, дети, ребенок, маленький ребенок, тяжелое детство* – 1.

19. Слова и выражения, явно или имплицитно содержащие компонент ‘босой’: *босиком* – 5, *босые ноги* – 3, *босые* – 2, *больше всего я боялся, что хозяйка оглянется и увидит, что мы босые, в цыпках* – 1.

20. Номинации внутренних качеств героя: *хитрый, наблюдательный, хитрость, любопытство мальчика* – 1.

21. Репрезентации метафоры «уход – побег»: *побег* – 7, *наш уход, словно побег* – 1.

22. Глагольные лексемы, выражающие фабульные элементы, основные предикаты повествования: *выходим, дошли, вернулись, объяснить, умирает, проснулся* – 1.

23. Отдельные номинации внутреннего состояния, не характеризующие определенно испытываемые эмоции: *суетливо, страсть* – 1.

24. Характеристики визуального ряда: *темнота, темно* – 1.

25. Указания на изменение состояния или перелом в ходе повествования: *иначе* – 2.

26. Лексема, указывающая на то, что события происходят в прошлом, вспоминаются героем: *воспоминания* – 3.

Таким образом, предложенные респондентами ключевые слова рассказа указывают на различные характеристики фабулы и хронотопа, а также сохраняют амбивалентность эмоционального фона рассказа, предполагаемую по названию и пресуппозиции, закрепляя два полюса за разными эпизодами и героями: негативные эмоции связаны с переживаниями матери, положительные – с описанием дома врача и с воспоминаниями о довоенном утре.

Рассмотрим далее ключевые концепты концептуального пространства произведения, выявляемые на основе ключевых слов в читательской рецепции.

Ключевые элементы концептуального пространства рассказа

На основе ключевых слов рассказа можно выявить ряд ключевых концептов его концептуального пространства и особенности реализации этих концептов в индивидуально-авторской картине мира автора-режиссера.

Наиболее частотная лексема во всем ряду названных респондентами ключевых слов – *мать* – не только указывает на главное действующее лицо рассказа, но и определяет статус концепта *МАТЬ* как ключевого в его концептуальном пространстве. Мать как значимый персонаж присутствует практически во всех кинотекстах Андрея Тарковского, что позволяет предположить особую значимость концепта *МАТЬ* в картине мира режиссера. Ключевой характер этого концепта в концептуальном пространстве рассказа подтверждается сюжетом стихотворения, вынесенного в эпиграф. В рассказе «Белый день» присутствует 29 вхождений лексемы *мать* и 4 вхождения лексемы *мама*. Слово *мама* использовано только в прямой речи Матери при ее обращении к бабушке, т. е. главная героиня рассказа, мать рассказчика, всегда названа только матерью, использован подчеркнуто строгий термин родства, способствующий в тексте созданию дистанции между уже взрослым «я» рассказчика и его воспоминаниями о детстве. Слово *мать* в большинстве контекстов сопряжено с глагольными предикатами (*мать отвечает, мать идет, мать стояла, мать объясняет* и т. п.), мать является действующим лицом, поведение которого вспоминает и с позиции взрослого «я» описывает рассказчик.

Огромное количество различных названных респондентами ключевых слов с семантическим компонентом ‘вода’ позволяет предположить, что одним из основных концептов концептуального пространства рассказа «Белый день», практически наравне с концептом *МАТЬ*, является концепт *ВОДА*. В самом рассказе соответствующая лексико-семантическая группа представлена множеством лексем (*мокрый, Унжа, ливень, река, умывальник, вытирать, слезы, ведро, плеснуть, колодезный, вода, туман, намочнуть, проглотить, слюна, вытирать, мыть, сырой, дождь, булькать, вытереть, всхлипывать*); в эпизодах, связанных с основным действием (поход в Завражье) и хронотопом дороги, вода сопровождает мать и сына везде – в виде реки, мокрой травы, дождя, тумана, слез. Вода как символ присутствует во всех художественных фильмах Андрея Тарковского, репрезентируя в них на визуальном и звуковом (плеск воды) уровнях сакральный хронотоп (термин Д. А. Салынского [2009]) – особый пространственно-временной уровень организации кинотекста, связанный с символами и с метафизической стороной сюжета («Сакральный хронотоп – мир, увиденный сакральным сознанием, убежденным в наличии священного начала во всех проявлениях бытия. <...> Активизированы символические предметные элементы: свет и тьма, огонь и вода, дерево – как мировая ось и т. д.» [Там же. С. 78]). Хотя вода в большинстве культур предстает как ам-

бивалентная стихия (так, Ю. С. Степанов, описывая концепты *ВОДА* и *ОГОНЬ*, говорит: «...нет одного огня и одной воды, а есть “два огня” – “живой” и “мертвый”, есть “две воды” – “живая” и “мертвая”» [Степанов, 1997. С. 189]), в кинотекстах Тарковского вода тяготеет только к одному полюсу – отрицательному, вода сопровождает сцены ужаса, разрушения, гниения (например, воспоминания об уходе отца из семьи в «Зеркале» сопровождаются потоками воды, льющейся с потолка и по стенам, натюрморт с гниющими яблоками под дождем в «Солярисе» и многочисленные затопленные предметы в «Сталкере» и «Ностальгии»), в сакральном хронотопе вода практически синонимична темной материи. Такая связь воды с хаосом и негативными переживаниями явственна и в рассказе «Белый день»: вода в ведре и умывальнике («запертая» в емкости) присутствует только в довоенном воспоминании, в остальных эпизодах вода растворена в окружающей природе и в слезах, сопровождая героев.

Лексемы, выражающие различные эмоциональные состояния и их проявления, частотны как в самом рассказе, так и среди выбранных респондентами ключевых слов рассказа, что указывает на значимость эмоциональной концептосферы в концептуальном пространстве рассказа «Белый день». Амбивалентность эмоциональной составляющей рассказа была отмечена еще в предположениях респондентов на основе предтекстовых пресуппозиций, в дальнейшем это предположение подтвердилось текстом. Можно говорить о том, что в пространстве рассказа формируются два полюса, образованные эмоциональными концептами с положительно и негативно оцениваемыми компонентами: с одной стороны, с настоящим временем (временем войны) основного действия (поход в Завражье) соотносятся тесно взаимосвязанные концепты *ГОРЕ* (репрезентанты в тексте: *грустные, безнадежные слезы, вытирали слезы, грустная тревога, всхлипывания* и т. п.) и *СТРАХ* (*я испугался, мой испуг*), с другой стороны, с эпизодом довоенных воспоминаний и с реальностью дома врача соотносится противоположный полюс – концепт *СЧАСТЬЕ* (*обалдев от радости, проснулся от счастья, счастливый смех*). Амбивалентность эмоционального фона сохраняет в себе другой значимый элемент концептуального пространства рассказа – *ДЕТСТВО*: данный концепт, структурированный в пространстве текста в соответствии с эпиграфом, сохраняет представления как о лучшем времени жизни, так и о его печальной утрате, пересекаясь с индивидуальным концептом *БЕЛЫЙ ДЕНЬ*.

Формулирование респондентами ключевых слов и выражений, связанных с воспоминанием о разрушенной Симоновской церкви, свидетельствует о формировании в концептуальном пространстве рассказа концепта *ЦЕРКОВЬ* (в качестве имени концепта используется *ЦЕРКОВЬ*, а не *ХРАМ*, так как именно эта лексема употребляется в рассказе), основные признаки которого структурированы в виде сценария «разрушение церкви» (снятие куполов, разрушение здания, плач женщин, стоящих рядом). Храм как символ, элемент сакрального хронотопа кинотекстов и разновидность общекультурного архетипа дома также встречается практически во всех фильмах Андрея Тарковского: разрушенный храм в «Ивановом детстве»; храм, разрушаемый набегом, в «Андрее Рублеве»; здание в центре Зоны в «Сталкере», поразительно напоминающее храм по своим архитектурным контурам; затопленная церковь в «Ностальгии»; закрытая церковь, за которой живет Мария, в «Жертвоприношении». Дом, ключевой образ большинства фильмов Андрея Тарковского, присутствует и в рассматриваемом тексте, именно дом и дорога задают пространственные координаты рассказа, но если представления о дороге не конкретизируются ни в читательской рецепции (на материале эксперимента), ни в самом рассказе, то представления о доме в достаточно разветвленном виде репрезентируются в тексте через номинации жилища (изба, пятистенки, дом), его элементов (дверь, крыльцо, комната, порог и т. п.) и элементов прилегающей территории (огород, забор).

Отдельно отметим один из элементов интерьера – зеркало. В данном рассказе лексема *зеркало* употребляется в 5 контекстах, т. е. достаточно часто для текста такого объема, и встречается как в довоенном эпизоде, так и в эпизоде, связанном с домом врача. Относительная частотность лексемы *зеркало* среди ответов респондентов, а также смена названия

будущего фильма со сценарного «Белый-белый день» на итоговое «Зеркало» указывает на то, что в индивидуальной картине мира Андрея Тарковского представления о зеркале могут эволюционировать в самостоятельный культурный концепт. М. А. Перепелкин, рассуждая о причинах появления названия «Зеркало», указывает на возможное влияние рассказа Ф. Горенштейна «Дом с башенкой»: «А. Тарковский меняет общее на частное, демонстративно-метафизическое на материальное и такое же “случайное”, как “башенка” в рассказе Ф. Горенштейна. <...> Предпочитая в названии простое и случайное сущностному, сразу открывающему всю метафизическую глубину образа, оба автора решают одну и ту же задачу – помочь читателю (и зрителю) совершить восхождение от созерцания простого и почти ничего не значащего к постижению всей глубины человеческого присутствия в мире» [Перепелкин, 2010. С. 73].

Отдельные ключевые слова, отсылающие к представлениям о войне (*война, довоенное утро*), репрезентируют общезыковой концепт особой культурной значимости – *ВОЙНА*. В тексте мало лексических репрезентантов концепта *ВОЙНА*, слова *война* и *довоенный* употребляются только в 3 контекстах: *В то далекое довоенное утро я проснулся от счастья; Симоновская церковь была окружена древними липами и березами. Я помню, как давно, еще до войны, ломали ее купола; Ой, господи, трудно сейчас с детьми, война как-никак*. Эти контексты раскрывают представление о войне как о трудном времени и о рубеже, разделяющем жизнь на две части, причем довоенная часть жизни предстает как очень далекая, практически забытая и мало связанная с современной реальностью.

Относительно большое количество ключевых слов, связанных со звуками и звуковым восприятием, но при этом содержащих семантический компонент ‘тихо’ (*тихий разговор, тишина, шепот, тихо, шорох, молчание*), указывает на репрезентацию в тексте Тарковского концепта *ТИШИНА*. Представление об отсутствии звуков пересекается с представлениями об эмоциях, особенно отрицательных, – о горе и страхе, которые проявляются тихо, а также связывает рассказ с представлениями о немоте и молчании, проявляющимися в фильме «Андрей Рублев» и в более позднем «Жертвоприношении».

Частотные в рассказе и среди названных респондентами ключевых слов лексемы и выражения с семантикой богатства / бедности и купли / продажи (*продешевить, богатство, денег куры не клюют* и др.) репрезентируют в рассказе концепт *ДЕНЬГИ* и параметрические концепты *БОГАТСТВО* и *БЕДНОСТЬ*. С ними же связаны представления о странном для военного времени быте зажиточной семьи, реализующиеся через описания одежды и внешности (*белокурая женщина, голубой шелковый халат, блестящие шкафы с медными ручками и замками, весь в кружевах*), противопоставленные описаниям бедственного положения героев (*складки вытертой ситцевой юбки, грязная тряпица, босые ноги*).

Сложная структура текста, включающего описание прошлых событий и предполагающего разницу между временем рассказчика и временем основного действия (похода в Завражье), а также огромное количество ответов, предлагающих слово *воспоминания* в качестве ключевого, позволяет считать одним из основных элементов концептуального пространства рассказа концепт *ПАМЯТЬ*. *ПАМЯТЬ* пересекается здесь с концептами *ВОЙНА*, *ДЕТСТВО* и *ГОРЕ*, так как весь рассказ построен как воспоминания о военном времени и его горестях, при этом концепт *ПАМЯТЬ* выступает и как своеобразная метакатегория, влияющая на структурирование разных элементов концептосферы рассказа, и как макроконцепт, вбирающий в себя представления о различных переживаемых эмоциях и их причинах. Если принять точку зрения М. А. Перепелкина о том, что в довоенном эпизоде герой вспоминает не конкретное утро, а «самое начало жизни как таковое, свое самое первое утро, то есть момент утраты родового единства с матерью и встречу с ней в том мире, в который он теперь родился и где будет существовать» [2010. С. 71–72], то *ПАМЯТЬ* приобретает статус особого структурообразующего концепта, так как весь рассказ представляет собой рефлексии над становлением восприятия жизни, ее хронологии и памяти вообще. С концептом *ПАМЯТЬ* связан напрямую и концепт *ВРЕМЯ*, репрезентирующийся через все номинации времени

в рассказе (*день, утро, сумерки*) и опосредованно вводимый также заглавным словосочетанием *белый день*.

Рассмотренные концепты являются ключевыми и наиболее значимыми в концептуальном пространстве текста, они представляют определенную культурную значимость для общезыковой картины мира, но в то же время имеют и некоторые индивидуально-авторские особенности (например, одностороннее отрицательное представление о воде). Ключевые концепты, представленные в рассказе, являясь принадлежностью индивидуально-авторской картины мира Андрея Тарковского, репрезентируются не только вербальными, но и художественными средствами – через режиссерские кинотексты.

Рассказ «Белый день» как источник концептосферы художественного фильма «Зеркало»

Поскольку формирование концептов происходит на доязыковом уровне, опосредованная реализация концептов может происходить не только в словах, но и художественными средствами различных видов искусства. Кинематограф как синтетическое по своей природе искусство предлагает наиболее широкий выбор интермедиальных средств репрезентации концептуальной картины мира, включающих визуальные и звуковые элементы, а также вербальный ряд. Художественные фильмы Андрея Тарковского представляют собой типичные примеры произведений так называемого авторского кинематографа, в котором режиссер является полноправным автором-творцом итогового кинотекста, контролируя все этапы его создания от замысла до монтажа. Таким образом, художественные фильмы Тарковского, наравне с его текстами, репрезентируют индивидуально-авторскую картину мира.

Рассказ «Белый день» является первым этапом репрезентации режиссерского замысла, который, пройдя этап литературного сценария, оформился затем в виде художественного фильма «Зеркало». Оба произведения – фильм и рассказ – репрезентируют разными средствами одну и ту же авторскую картину мира, при этом рассмотрение общего и различного в структуре представленной в них концептосферы позволит проследить механизм трансформации концептов при их перенесении с вербальной основы (рассказ-источник) в кинематографическую.

Концепты, выявленные на основе концептуального анализа рассказа «Белый день», являются особо значимыми в картине мира Андрея Тарковского и репрезентируются в различных сочетаниях во всех его кинотекстах. Обратим внимание на то, что концепты, имеющие лексемы-репрезентанты конкретной семантики (*ДОМ, ЦЕРКОВЬ, ВОДА*), имеют и вполне предметные визуальные репрезентанты – дом, храм или вода в какой-либо форме, появляющиеся в кадре. Эти визуальные образы присутствуют во всех фильмах Тарковского, маркируя переход от эмпирического хронотопа к сакральному, т. е. оперирующему символами и сюжетно связанному с представлениями религиозного характера. Д. А. Салынский, анализируя сакральный хронотоп у Тарковского, выделяет три группы символических объектов в его фильмах: архетипы космоса, жизни (биологической и человеческой) и культуры [Салынский, 2009. С. 353–355]. Опираясь на эту схему, отметим, что в рассказе «Белый день» репрезентированы на вербальном уровне все группы архетипов-символов: первая группа представлена репрезентантами концепта *ВОДА*, вторая – концептов *ДОМ* и *ЦЕРКОВЬ*, третья – концепта *ЗЕРКАЛО*. В некоторых контекстах встречаются предметные лексемы, отсылающие к другим символам второй и третьей групп, но не повторяющиеся и не отраженные респондентами в списке ключевых слов, т. е. не репрезентирующие ключевые концепты:

- собака: *Комната была наполнена солнечными отражениями, дрожащими на гладко выструганных медовых стенах полутенями кружевных занавесок, бродивших по полу и вызывающих привычное головокружение, от которого пол уходил из-под ног, скользкими по потолку серыми призраками, соответствующими людям, собакам и повозкам на улице, неразборчивыми голосами из коридора и кухни;*

- птица: *Купола лежали у подножий исковерканных берез, лопнувшие, раздавленные, с засиженными птицами погнутыми ажурными крестами и запутавшимися в них оборванными ветками с глянцевитыми листьями, дрожащими в ярком июльском зное;*

- икона: *Было почти темно, синели только окна, тихий свет лампадки освещал несколько красноватых икон и отражался в сияющем паркете.*

В последнем контексте лампада может рассматриваться также как вариант свечи, т. е. символ, связанный не только с концептом *ХРАМ*, но и с концептом «космической», стихийной, группы *ОГОНЬ*, который репрезентирован во всех фильмах Андрея Тарковского.

В фильме «Зеркало» присутствуют явные визуальные репрезентанты концептов *ДОМ* и *ВОДА*: дом – один из ключевых образов фильма, сюжет построен вокруг воспоминаний о доме, постоянно появляющемся в кадре; вода неоднократно фигурирует в кадре, хотя ее появление не мотивировано сюжетом (капли воды, разрушающие пространство дома, в воспоминаниях о времени после ухода отца; хроникальная вставка с переходом через Сиваш). Представления о воде, как и в рассказе, маркированы в фильме отрицательно: это стихия, разрушающая структуру бытия, синоним распада и хаоса, а также метафорическая Лета, отделяющая метафизический сакральный мир от реальности воспоминаний (в аналогичной функции вода предстанет позже в эпизоде с затопленной церковью в «Ностальгии»).

В отличие от рассказа «Белый день», в фильме репрезентирован смежный концепт *ОГОНЬ*, он представлен через появление на визуальном уровне свечи, костра и пожара, особенно яркими являются образы горящего куста (восходящего к библейской Купине Неопалимой) и горящего зеркала. Парадоксальность последнего образа связана с тем, что культурный архетип зеркала также связан с представлениями о воде: вода отражает, подобно зеркалу, т. е. зеркало отсылает к представлениям о воде, а горящее зеркало – это соединение воды и огня. Символические объекты, скудно вербализованные в рассказе, в фильме представлены более широко: в кадре перед зрителем появляются птицы, а также объекты, связанные с архетипами культуры: книга, картина, воздушный шар (стратостат). Эпизоды с убиваемым петухом и взлетающим (оживающим) воробьем являются одними из ключевых в фильме, что указывает на формирование в концептуальном пространстве фильма культурного концепта *ПТИЦА*, объединяющего в том числе архетипические представления о человеческой душе в образе птицы. Эпизод с убиваемым петухом является продолжением и сюжетным развитием рассказа «Белый день», доводящим до предельного сгущения эмоциональный фон рассказа (негативные эмоции, страх, боль и т. п.) и практически переводящим Мать из эмпирического хронотопа в сакральный через совершаемое ею действие.

Вынесение лексемы *зеркало* в заглавие, а также увеличение количества и смысловой нагрузки эпизодов с зеркалом (это не только зеркало, в которое смотрится Алексей, но и зеркало, в котором видит себя Мать, а также прием взаимного превращения и «отражения» Матери и Жены) свидетельствует не только о формировании в концептуальном пространстве фильма концепта *ЗЕРКАЛО*, но и о ключевой роли этого концепта в индивидуально-авторской картине мира Тарковского. Этот тезис подкрепляет появление зеркала во всех фильмах Тарковского: от множественности зеркальных отражений в дипломной работе режиссера «Каток и скрипка» до отражения лица Александра в стекле, за которым находится картина Леонардо, в «Жертвоприношении».

Другие ключевые элементы рассказа, связанные с представлениями более абстрактного характера и не визуализируемые столь явно, отражены в фильме. Так, через структуру сюжета ключевыми концептами остаются *ПАМЯТЬ* и *ВРЕМЯ* (репрезентацией концепта *ПАМЯТЬ* становится весь имажинативный хронотоп – переплетение снов и воспоминаний главного героя), а воспоминания о войне и фрагменты хроники вводят концепт *ВОЙНА* как более сложный и структурированный, чем в концептуальном пространстве рассказа: в рассказе упоминается только признак 'во время войны тяжело', в фильме же вводятся представления о разных войнах, о связи между войной и детством, о героизме (эпизод в тире) и др. Концепт *МАТЬ* в фильме остается ключевым, но дополняется концептом *ОТЕЦ*: в фильме появляется

отец героя как действующее лицо (в рассказе есть только намеки на возможное присутствие отца в прошлом – «все твоего Осика апельсинами кормила»), а также реальный биографический отец прототипа героя, т. е. самого режиссера, – поэт Арсений Тарковский, который, хотя его имя и не называется в самом фильме, озвучивает собственные стихи и роль отца, исполняемую Олегом Янковским. Отметим, что в фильме, в сравнении с рассказом, в большей мере акцентируется жертвенный мотив поведения Матери, ее самоотречения, отказа от потенциальной собственной личной жизни (уже с начального эпизода ее встречи с незнакомым врачом) ради детей, что показывает связь концепта *МАТЬ* с одним из ключевых концептов духовной сферы в концептосфере Андрея Тарковского – *ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ* (об этом см. [Берендеева, 2018]).

Эмоциональный фон фильма «Зеркало» совпадает с амбивалентным эмоциональным фоном рассказа, что на фоне сюжета, связанного с воспоминаниями, детством и матерью и отцом, может свидетельствовать об отражении и в концептуальном пространстве фильма индивидуального концепта *БЕЛЫЙ ДЕНЬ*.

Интересно, что из ключевых концептов рассказа один – концепт *ТИШИНА* – в отличие от других концептов, в фильме представлен не визуальными, а аудиальными средствами: фильм «Зеркало», как и другие фильмы Тарковского, содержит много полностью или практически беззвучных эпизодов.

Таким образом, в целом художественный фильм Андрея Тарковского «Зеркало» репрезентирует кинематографическими средствами те же концепты, что и рассказ «Белый день», – вербальными средствами, но в фильме многие концепты предстают как более сложные, более структурированные, а некоторые лексемы, в рассказе не опознанные большинством респондентов как ключевые слова, в фильме соответствуют культурно значимым концептам (*ПТИЦА*, *ЗЕРКАЛО*), т. е. рассказ представляет концептуальную основу, развиваемую, дополняемую и усложняемую в фильме.

Выводы

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) название рассказа и эпиграф даже при отсутствии у читателя знаний об авторе текста создают определенный смысловой фон, на который накладывается восприятие самого рассказа: представления об утрате чего-то хорошего, о сочетании положительных и негативных эмоций, о построении рассказа на основе воспоминаний;

2) через заглавное словосочетание в концептуальное пространство рассказа вводится индивидуальный концепт *БЕЛЫЙ ДЕНЬ*, объединяющий эмоционально амбивалентные представления о предельном счастье, утраченном безвозвратно, и генетически восходящий к поэтическим текстам Арсения Тарковского и Анны Ахматовой;

3) частотные лексемы и предложенные респондентами ключевые слова рассказа позволяют выделить несколько ключевых единиц концептуального пространства рассказа (концепты *МАТЬ*, *ВОДА*, *ДЕТСТВО*, *ВОЙНА*, *БОГАТСТВО*, *ГОРЕ*, *СЧАСТЬЕ*, *ТИШИНА*, *ДОМ*, *ЦЕРКОВЬ*, *СТРАХ*, *ПАМЯТЬ*);

4) ключевые концепты рассказа представляют собой концептуальную основу будущего художественного фильма «Зеркало», в котором концептуальное пространство усложняется и дополняется новыми признаками.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны со следующими направлениями: 1) разработка и апробация методики анализа художественных концептов, реализованных невербальными средствами (на основе фильмов и картин, прежде всего экранизаций и иллюстраций как произведений, непосредственно связанных с языковой картиной мира и текстами-источниками), а также применение метода целостного концептуального анализа текста к невербальным (например, кинематографическим) текстам; 2) детальный анализ художественного фильма «Зеркало» и его литературного сценария «Белый-белый день» для выявления последовательных трансформаций концептов на разных этапах работы над проек-

том; 3) дальнейшее изучение индивидуальной картины мира Андрея Тарковского на основе его фильмов и текстов (интервью, теоретические работы, «Маттиролог»).

Список литературы

- Ахматова А. А. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1977. 528 с.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
- Берендеева М. С. «Жертвоприношение» как один из ключевых концептов индивидуальной картины мира А. А. Тарковского // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 157–169.
- Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
- Киричук Е. В. Образ Матери в фильме А. Тарковского «Зеркало» // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (18). С. 30–39.
- Лаппо М. А. Дискурс идентичности и национальное самосознание («русский европеец» Андрей Тарковский) // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 121–125.
- Перепелкин М. А. Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания: Моногр. Самара: Самар. гос. ун-т, 2010. 480 с.
- Савельева Е. А. Живопись в кинотворчестве Андрея Тарковского: образно-художественный анализ: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2017. 22 с.
- Сальвестрони С. Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура / Пер. с итал. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2012. 237 с.
- Салынский Д. А. Киногерменевтика Андрея Тарковского. М.: Квадрига, 2009. 576 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Стогниенко А. Ю. Художественное пространство в рецепции Андрея Тарковского: теория и практика: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Иваново, 2013. 23 с.
- Тарковский А. А. Белый день // Искусство кино. 1970. № 6. С. 109–114.
- Тарковский А. А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1: Стихотворения. 462 с.

References

- Akhmatova A. A. Stikhotvoreniya [Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977, 528 p. (in Russ.)
- Babenko L. G., Kazarin Yu. V. Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika [Linguistic Analysis of Literary Text. Theory and Practice]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2005, 496 p. (in Russ.)
- Berendeeva M. S. “Zhertvoprinoshenie” kak odin iz klyuchevykh kontseptov individual'noi kartiny mira A. A. Tarkovskogo [“Sacrifice” as One of the Key Concepts of Tarkovsky's Worldview]. *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 2, p. 157–169. (in Russ.)
- Bolotnova N. S. Filologicheskii analiz teksta [Philological Anaysis of Text]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 520 p. (in Russ.)
- Kirichuk E. V. Obraz Materi v fil'me A. Tarkovskogo «Zerkalo» [The Image of Mother in A. Tarkovsky's Film “The Mirror”]. *Nauka o cheloveke: Gumanitarnye issledovaniya* [Human Sciences: Humanities Studies], 2014, no. 4 (18), p. 30–39. (in Russ.)
- Lappo M. A. Diskurs identichnosti i natsional'noe samosoznanie («russkii evropeets» Andrei Tarkovskii) [Discourse of Identity and National Awareness (“Russian European” Andrei Tarkovsky)]. *Lingvokul'turologiya* [Cultural Linguistics], 2014, no. 8, p. 121–125. (in Russ.)
- Perpelkin M. A. Slovo v mire Andrey A. Tarkovskogo. Poetika inoskazaniya [The word in the world of Andrei Tarkovsky. Poetics of allegory]. Samara, Samara Uni. Press, 2010, 480 p. (in Russ.)

- Savelieva E. A.** Zhivopis' v kinotvorchestve Andrey Tarkovskogo: obrazno-khudozhestvennyi analiz [Painting in the Filmmaking of Andrei Tarkovsky: Figurative and Artistic Analysis]. Cand. art crit. syn. diss. St. Petersburg, 2017, 22 p. (in Russ.)
- Salvestroni S.** Fil'my Andrey Tarkovskogo i russkaya dukhovnaya kul'tura [Andrey Tarkovsky's Films and Russian Spiritual Culture]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey Publ., 2012, 237 p. (in Russ.)
- Salynskii D. A.** Kinogermenevtika Andrey Tarkovskogo [Film Hermeneutics by Andrei Tarkovsky]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009, 576 p. (in Russ.)
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian Culture: An Experiment in Research]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, 824 p. (in Russ.)
- Stognienko A. Yu.** Khudozhestvennoe prostranstvo v retseptsii Andrey Tarkovskogo: teoriya i praktika [Artistic Field in the Reception by Andrei Tarkovsky: Theory and Practice]. Cand. cult. syn. diss. Ivanovo, 2013, 23 p. (in Russ.)
- Tarkovsky A. A.** Belyi den' [White Day]. *Iskusstvo kino* [The Art of Cinema], 1970, no. 6, p. 109–114. (in Russ.)
- Tarkovsky A. A.** Collected Works. In 3 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991, vol. 1: Stikhotvoreniya [Poems], 462 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
18.12.2019*

Сведения об авторах

Берендеева Мария Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
maria.berendeeva@gmail.com

Борзенкова Наталья Алексеевна, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
natalia.borzenkova@yandex.ru

Information about the Authors

Maria S. Berendeeva, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russian Linguistics and the Department of History, Culture and Arts of the Institute for the Humanities at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
maria.berendeeva@gmail.com

Natalia A. Borzenkova, Lecturer of the Department of History, Culture and Arts of the Institute for the Humanities at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
natalia.borzenkova@yandex.ru

УДК 81'23 + 81'42 + 81-13
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-57-70

***Homo peregrinator*: образ автора и образ России в «Русском дневнике» Льюиса Кэрролла (1867)**

М. А. Кузьмина

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Данная статья посвящена психолингвистическому исследованию доминант и их «следов» в сознании путешествующей языковой личности, *Homo peregrinator*, – Льюиса Кэрролла как автора «Русского дневника» (1867), который он вел во время его первого и единственного путешествия в Россию. Доминанты, являющиеся ценностными установками мотивационного уровня языковой личности, оставляют «следы» в тезаурусе, которые исследуются путем выделения трех аспектов тезаурусного уровня: расподобление, анизотропность и эмоция как выражение чувствования языковой личности на лингвокогнитивном уровне. Миссия, с которой Л. Кэрролл посетил Россию, определила доброжелательность к окружающей его незнакомой действительности. Эта ценностная установка автора, соотносимая с мотивационным уровнем языковой личности, контрастирует с установками дневниковых записей других европейских и английских авторов.

Ключевые слова

доминанта, Льюис Кэрролл, психолингвистика, Русский дневник, ценности, языковая личность, *Homo peregrinator*

Для цитирования

Кузьмина М. А. *Homo peregrinator*: образ автора и образ России в «Русском дневнике» Льюиса Кэрролла (1867) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 57–70. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-57-70

***Homo Peregrinator*: The Author's Image and the Image of Russia in "The Russian Journal" by Lewis Carroll (1867)**

M. A. Kuzmina

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This article is devoted to the psycholinguistic study of the dominants and their "traces" in the consciousness of *Homo peregrinator*, a travelling person, – Lewis Carroll, the author of "The Russian Journal" (1867), which he kept during his trip to Russia. The dominants (A. A. Ukhtomsky), which are values of the motivational level of linguistic personality (Yu. N. Karaulov), leave "traces" in the thesaurus. The "traces" are investigated through three aspects of the thesaurus level: dissimilation, anisotropy (Yu. N. Karaulov) and emotion as an expression of the sensation of linguistic personality at the linguistic-cognitive, or thesaurus, level. The Lewis Carroll's mission in Russia, his goodwill and respect were a determining factor in dealing with a surrounding unfamiliar reality. The author's value dominant, correlated with the motivational level of the linguistic personality, contrasts with one of the other European and English authors' travel notes.

Keywords

dominant, *Homo peregrinator*, Karaulov, Lewis Carroll, linguistic personality, psycholinguistics, Russian Journal, Ukhtomsky, values

© М. А. Кузьмина, 2020

For citation

Kuzmina M. A. *Homo Peregrinator*: The Author's Image and the Image of Russia in "The Russian Journal" by Lewis Carroll (1867). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 57–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-57-70

Введение

Никогда раньше у человека не было столько возможностей путешествовать, сколько позволяют современные глобализационные сдвиги. С одной стороны, и об этом много говорят как о негативном факторе, процессы глобализации приводят к стиранию культурных различий, к угасанию этнического разнообразия. С другой стороны, возможность путешествовать не только открывает человеку новый, свежий взгляд на окружающую действительность, но и дарит ему шанс поразмышлять о своем месте в этом мире. Когда путешествующий человек сталкивается со стереотипами, как со своими, так и с чужими, он получает возможность преодолеть собственное предубеждение против иных культур, а также послужить источником разрушения предвзятых мнений о том обществе, которое он сам представляет.

Таким образом, сознание путешествующего человека – это совершенно особый феномен: оно подвергается сильным, активно «расподобляющим» воздействиям извне, образующим новые «наслоения» смыслов. Ускорение и интенсивность изменения сознания приводят к тому, что мы можем выделить отдельный объект описания – сознание Человека путешествующего, или *Homo peregrinator*¹.

Homo peregrinator является одним из образов *Homo loquens*, традиционного объекта психолингвистического исследования, но основным мотивом его вербального самовыражения является путешествие, иными словами, *локуция* связана со сменой *локации*. В данной статье рассматривается тот аспект языковой личности английского писателя Льюиса Кэрролла, который связан с его первой и единственной поездкой за границу.

В 1867 г. Л. Кэрролл отправился в путешествие по России со своим другом, католическим священником Генри Парри Лиддоном, который и был инициатором поездки. Л. Кэрролл известен миру как автор необычных сказок и творец нонсенов. На момент посещения России первая книга, «Алиса в Стране Чудес» (1865), уже увидела свет, так что в 1867 г. Л. Кэрролл стоял на пороге славы. Поездка в Россию выступила катализатором зарождения следующей, новой книги. «Согласно свидетельству Стюарта Доджсона Коллингвуда, племянника Ч. Л. Доджсона (настоящее имя Льюиса Кэрролла) и его первого биографа, “Лиддон был тем, кто предложил название, которое в конце и было принято”, т. е. “Алиса в Зазеркалье, или Сквозь зеркало и что там увидела Алиса» [Davies, 2018]. М. Дэвис отмечает, что мысль о новой книге могла прийти во время долгих часов путешествия, которые друзья провели в поездках, коротая время за игрой в шахматы (Зазеркальный мир в сказке – это шахматная доска). Кроме того, многие исследователи утверждают, что впечатление от Москвы как от «города золоченых куполов, где, словно в кривом зеркале, отражаются картины городской жизни» [РД². С. 44], легло в основу образа будущей сказочной страны (см., например, [Davies, 2018; Grey, 2017]).

Путешествие в Россию, таким образом, придало творческий импульс дальнейшей работе Л. Кэрролла. Для того чтобы «перелить» в форму сказки то невиданное до сих пор «содержание», которое встретилось ему в России, автору «Русского дневника» потребовалось пройти «сквозь» новую реальность, минуя собственные стереотипы, уподобившись Алисе, чьё от-

¹ Данный термин впервые предложен нами в [Кузьмина, 2019. С. 122].

² РД – здесь и далее «Русский дневник»: [Кэрролл, 2013]. В статье отрывки текста «Русского дневника» для удобства восприятия приведены в переводе Н. М. Демуровой, автора канонических переводов сказок об Алисе и почетного члена Общества Льюиса Кэрролла в Англии и США. С текстом оригинала автор сверялся по изданию [Carroll, 1999. P. 256–369].

крытое детское восприятие сказочной страны может служить отправной точкой для исследования *Homo peregrinator* – Кэрролла-путешественника.

Методика исследования

Методика анализа «Русского дневника» Льюиса Кэрролла основывается на идеях двух известных представителей российской (советской) науки: Ю. Н. Караулова с его представлением об уровневой организации языковой личности и А. А. Ухтомского с его учением о доминанте.

Согласно взглядам Ю. Н. Караулова [1987], языковую личность формируют два уровня: тезаурусный, или лингвокогнитивный, и мотивационный, или прагматический. Тезаурус содержит наши знания о мире; в отличие от сетевой организации семантического уровня (лексикона), знания о мире организованы иерархически, к ним относятся образы, символы, слова, схемы-фреймы, стереотипы и т. д. Сложность изучения языкового сознания, как отмечает Ю. Н. Караулов, состоит в том, что, признавая тезаурус реальностью, мы испытываем трудности с его объективированием в силу индивидуализации способа образования связей между единицами у каждой языковой личности [Там же. С. 172].

Действующей моделью работы языкового сознания является ассоциативно-вербальная сеть, при этом сетевой принцип организации сознания не случаен, так как оно имеет «пластичный нейрофизиологический субстрат, который также описывается на основе метафоры сети как гиперсеть нейронных связей» [Шапошникова, 2019]. Таким образом, основа психолингвистического метода задается организационными (сетевыми) особенностями объекта – языкового сознания. Однако идею о сетевой организации языкового сознания нельзя уподобить представлениям о мире как о «сети» (М. Фуко) или «ризоме» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Работа сознания подчинена внутренней иерархии, задаваемой доминантами, принцип действия которых описан в работах А. А. Ухтомского.

Индивидуальное человеческое сознание «всегда находило и находит глубокое успокоение в том убеждении, что истина существует и что если оно, индивидуальное сознание, еще не достигло своего идеала – познания истины, то это лишь следствие случайных, чисто субъективных ее причин, реальная же истина не теряет от этого своей действительности» [Ухтомский, 2019. С. 18]. Открытие Ухтомского, опиравшегося в своей работе на достижения российской физиологии (И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский и др.), касается работы мозга как аппарата, в котором постоянно происходит «калейдоскопическая» смена «органов восприятия» в результате принципиального нарушения равновесия между центрами. То, что «всплывает» на поверхность сознания, всякий «интегральный образ», является «продуктом пережитой нами доминанты» [Там же. С. 61], которая «создается односторонним накапливанием возбуждения в определенной группе центров, как бы за счет других центров» [Там же. С. 52]. Открытый в физиологии принцип доминанты стал общенаучным методологическим достоянием в силу заложенной в нем объяснительной способности. Обнаружение доминанты продемонстрировало, что даже такая сеть, как работающие нервные центры, в какой-то момент начинает все поступающие импульсы передавать одному доминирующему центру. Таким образом, работа сознания – это иерархически построенная сеть, в которой центры – вершины иерархии – постоянно меняются, так как «в душе могут жить одновременно множество потенциальных доминант – следов от прежней жизнедеятельности» [Там же. С. 43].

Ухтомский отмечал, что, с одной стороны, доминанта как «инертность господствующего возбуждения» может служить источником предубеждений и навязчивых образов [Там же]. Мы сталкиваемся с этим, когда видим, как стереотипы ограничивают кругозор личности и мешают ей иметь непредвзятые суждения о мире. Далее мы увидим, как ложные установки мешали посетившим Россию иностранцам оценить красоту нашей страны, увидеть ее богатую культуру и получить непредубежденное впечатление о ее народе.

С другой стороны, следование доминанте «избавляет мысль от толчков и пестроты и содействует сцеплению фактов в единый опыт» [Ухтомский, 2019. С. 43], и в этом, несомненно, прогрессивная роль доминанты. Такой мы сможем увидеть работу сознания – объекта нашего исследования – в той мере, в какой она отразилась на страницах «Русского дневника»: внутренняя культура и высокий интеллектуальный уровень, а главное – открытость взгляда на окружающий мир, свойственные Л. Кэрроллу, позволили ему в большей мере насладиться пребыванием в России, чем это получилось у его предшественников.

Каков фактор, влияющий на то, превратится ли доминанта в образ, имеющий обсессивный характер, или она станет «маховым колесом» мысли? Ответ лежит в области целеполагания.

Ю. Н. Караулов выделяет высший уровень языковой личности – мотивационный; это уровень, на котором реализуются мотивы, установки и ценности субъекта. В различных ситуациях жизни некоторые из них играют доминирующую роль. Под влиянием доминирующей ценности человек «вылавливает из окружающего мира по преимуществу только то, что ее подтверждает», что уже «само по себе переделка действительности» [1987. С. 216]. Именно способность к «переделке действительности» и есть фактор высшего, мотивационного, уровня языковой личности. Чтобы овладеть знаниями о мире, «человеческим опытом и самим собой, нужно овладеть своими доминантами» [Там же. С. 63]. Ценностные доминанты связаны с понятием «духовность». Ю. Н. Караулов предложил такое «рабочее определение» духовности: она предполагает включение «мыслей о фактах» в контекст «мыслей о мыслях» [Там же. С. 220], т. е. относит нас к предыдущему опыту личности. Доминанты высшего уровня как области целеполагания оставляют «следы» на уровне тезауруса.

Нас интересует *Homo peregrinator* – тот аспект языковой личности, доминанты уровней которой задаются именно статусом путешествующего субъекта и актуализируются при смене локаций. Методика исследования включает следующие этапы.

Во-первых, мы обратимся к заметкам о России, сделанным путешественниками XVII в., и увидим, что ложная доминанта мотивационного уровня не оставляет им шанса узнать истинное положение вещей в стране их посещения. Поэтому их знания о мире – тезаурусный уровень – нельзя назвать в полной мере соответствующими реальности.

Во-вторых, предметом нашего рассмотрения станет мотивационный уровень *Homo peregrinator*. Дружелюбность как установка, поиск диалога как мотив и открытость ума как ценность составляют те актуализировавшиеся в путешествии доминанты, которые оставили след в тезаурусе автора «Русского дневника».

В-третьих, мы проанализируем тезаурусный уровень *Homo peregrinator*. Анализ затрагивает три аспекта.

1. В фокусе внимания будут единицы уровня, свидетельствующие о таком свойстве тезауруса, как расподобление (термин Ю. Н. Караулова), т. е. несоответствие существующих знаний внешнему миру. Здесь окажутся в основном те «следы» доминанты, которые связаны со статусом путешествующей личности (например, *извозчики, гостиницы, дороги* и т. п.).

2. Кроме того, тезаурусный уровень представлен такими «следами», которые свидетельствуют о пережитой Л. Кэрроллом доминанте, – особенности его личности до предпринятого путешествия; здесь проявится такое свойство тезауруса, как анизотропность (термин Ю. Н. Караулова), т. е. иерархичность (например, для Л. Кэрролла как представителя англиканской церкви важным было упоминание о *православных богослужениях* и т. д.).

3. Эмоция автора, как выражение чувствования³ на лингвокогнитивном уровне, вызванная каким-либо явлением или событием, также может свидетельствовать о пережитой доминанте (например, Л. Кэрролл тепло отзывался о *русских людях*, проявивших к нему участие, и т. д.).

³ А. А. Ухтомский отмечал, что чувствование, воля и познание – это первичные, основные элементы душевной жизни. Именно чувствование способно проводить различение субъекта от объекта, «меня» от «другого» [2019. С. 18–25].

Сквозь стереотипы, или что англичане видели в России

В спокойном и безоблачном течении жизни Л. Кэрролла настоящей вехой стало путешествие в Россию, которая для многих британцев в то время была диковинной и непонятной страной, а благодаря заметкам путешественников предыдущих веков представлялась еще и враждебной, варварской. Чтобы оценить благожелательность впечатлений Л. Кэрролла о России, следует обратиться к наблюдениям более ранних путешественников, оставивших потомкам негативный образ нашей страны.

Как отмечает Т. В. Лабутина, «впервые образ “русского варварства” сформировался в Западной Европе в XVI–XVII вв.» на основе сочинений немецких писателей [2009. С. 23]. Главными составляющими этого образа были следующие черты: 1) «русская деспотия», т. е. централизованный характер государственного правления; 2) православная религия, заметно отличавшаяся от европейских христианских конфессий; 3) непонятные обычаи русского народа, необразованность и, как неоднократно и особо подчеркивалось, склонность к пьянству [Там же].

Англичане в поддержке данного стереотипа следовали примеру немцев. Так, британский дипломат Джильс Флетчер, проживший несколько лет в России (при царе Алексее Михайловиче), писал о русских: «Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное» [Там же. С. 17], ему вторит побывавший в допетровской России Ченслер, который высказался, наблюдая обряд масленицы: «Думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства» [Там же]. Придворный врач царя Алексея Михайловича, Коллинс, писал: «Пьют так много, как будто им суждено пить в последний раз на веку своем» [Там же. С. 18].

Справедливости ради отметим, что путешествовавшим по тогдашней Европе «москвитам» тоже было чем поделиться: «...например, немцы “народ дохтуроватый, а пьют вельми зело”. “Вельми зело” указывает на некоторую степень изумления: вероятно, в Москве пили или только “вельми”, или только “зело” – в Германии “и вельми” и “зело”, а в Англии напились так, что их с трудом выносили из-за стола» [Колесов, 2014. С. 461]. И действительно, приписываемое нашему народу пьянство почему-то никак не отражено в русском языковом сознании. Сопоставление данных Русского ассоциативного словаря [РАС, 1994–1998] и Associative Thesaurus of English (1972, цит. по: [Уфимцева, 1998]) «открывает перед нами возможность выявить специфику системности образов сознания русских и англичан, т. е. в определенном смысле систему их ценностей и специфику самих образов сознания» [Там же]. Согласно данным этих словарей, типичными действиями русских являются *жить, думать, говорить*; у англичан главные действия – *work, help, drink* [Там же] (выделено нами. – М. К.).

Отдельной «статьей» в свидетельствах о «русском варварстве» шли наблюдения за религиозными обрядами. Так, Флетчера «удивляла привычка русских людей осенять себя крестным знаменем по разным поводам: во время молитвы перед иконой, предвзяв трапезу, входя в чей-нибудь дом или приступая к какому-либо делу»; он называл это «невежественным и пустым обычаем» и считал «внешними и смешными обрядами без всякого уважения к духу и истине, которых требует Бог от настоящего ему поклонения» [Лабутина, 2009. С. 19].

С уверенностью можно сказать, что нигде у Л. Кэрролла мы не найдем таких слов о русских людях, которыми Коллинс выплескивает свое возмущение: «В целом мире нет таких негодяев!» Коллинс, однако, «признавал, что и “между ними много добрых людей”, к которым он причислял тех, кто “расширил понятия свои разговором с иностранцами”» [Там же. С. 20].

Таким образом, русский народ описывался англичанами, побывавшими в России в XVII в., как варварский, достойный жить в рабстве, и этот стереотип оказался чрезвычайно живучим в европейском сознании и в последующие столетия. В. В. Колесов обращает исследовательское внимание в глубину веков и прослеживает причину такого укоренившегося стереотипа: славяне «доверялись соседям с таким добродушием, какого, обладая им сами, ожидали и от

других, не понимая еще, что люди могут быть такими же хищниками, как звери» [Колесов, 2014. С. 364]. Часто славяне попадали на невольничьи рынки, поэтому, по мнению ученого, в европейских языках слово, обозначающее славянина, сохраняет значение ‘раб’ (ср. *англ.* slave, *нем.* Sklave, *фр.* esclave, *итал.* schiavo); «и это одна из причин, почему на Западе легко убедить обывателя в мысли о “рабской душе” славян» [Там же]. Источник усиления геополитического влияния славян В. В. Колесов видит в соединении разнородных сил: «расхождение в этносе и сгущение в государственности» [Там же], поэтому недаром именно это «сгущение», усиление централизованной власти (необходимой, чтобы противостоять общим врагам) так же составляет одну из отмеченных выше «страшилок» стереотипа о русских.

Дипломат Флетчер писал: «Безнадежное состояние вещей внутри государства (России) заставляет народ большею частью желать вторжения какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления» (цит. по: [Лабутина, 2009. С. 24]). Т. В. Лабутина отмечает, что «аналогичные “пожелания” оккупации своей страны будто бы высказывал русский народ в период Смуты, когда в Англии в 1612 г. уже полным ходом шла подготовка к вторжению и колонизации Русского Севера» [Там же]. Таким образом, очевидно, что «англичанам, в ту пору активно занимавшимся колониальными завоеваниями, было выгодно представить народ России “варварами”, а ее правителей “азиатскими деспотами” для того, чтобы противопоставить их “цивилизованным” европейцам. Богатая природными ресурсами Россия с “варварским народом” вполне подходила на роль нуждающейся в руководстве и опеке, читай – колонизации, со стороны “цивилизаторов”» [Там же].

Подобный взгляд частично оказал влияние и на сознание Л. Кэрролла. Описывая внешность русского крестьянина, автор «Русского дневника» делал выводы, близкие к описанным выше стереотипам; возвращаясь из России и проезжая Пруссию, он испытывает облегчение: «Приятно было наблюдать, как по мере приближения к Пруссии земли становились всё более обитаемыми и возделанными... даже крестьяне, казалось, менялись к лучшему, в них чувствовалось больше индивидуальности и независимости; русский крестьянин с его мягким, тонким, часто благородным лицом всегда, как мне кажется, более походит на покорное животное, привыкшее молча сносить жестокость и несправедливость, чем на человека, способного и готового себя защищать» [РД. С. 71].

Если сравнить путешествие Л. Кэрролла с современными посещениями британцами России, то нельзя пройти мимо массового «спортивного паломничества» туристов-болельщиков со всего мира в русские города, связанное с Чемпионатом мира по футболу в 2018 г. В этом случае впечатления современных англичан будут ближе к кэрролловским, нежели к отзывам «цивилизаторов» XVII в. М. Дэвис, оксфордский историк, писал, что слова из «Русского дневника» о путешествии на ярмарку в Нижний Новгород («это путешествие стоило всех тех неудобств, которые нам пришлось претерпеть с самого его начала до конца» [РД. С. 47]) можно в точности повторить и тем англичанам, которые добирались до Нижнего, чтобы посетить матч английской команды с командой Панамы [Davies, 2018].

Нижний Новгород был самой дальней и «экзотической» точкой маршрута, при этом условиями путешествия Л. Кэрролл был определенно шокирован: «Такая роскошь, как спальные вагоны, на этой дороге неизвестны... По пути туда и обратно я спал на полу». До пункта назначения поезд не доехал: пассажирам пришлось под проливным дождем «выйти и переправляться через реку по временному пешеходному мосту, ибо железнодорожный мост здесь смыло наводнением» [РД. С. 47]. Но Л. Кэрролл мужественно претерпел невзгоды, чтобы радостно воскликнуть: «Ярмарка – чудесное место», – и отвести несколько страниц описанию необыкновенной нижегородской ярмарки, куда стекались посетители со всего мира (примерно как на прошедший в России Мундиаль).

Доминанты русской миссии Л. Кэрролла

Как утверждал А. А. Ухтомский, «каждому отдельному человеку приходится завоевывать свои доминанты, они не даются ему даром, и оттого они тем дороже для него» [2019. С. 169]. Это и есть та работа, результатом которой становятся ценности и мотивы как единицы высшего уровня языковой личности. Выше мы отметили актуальные для путешествия доминанты: как *открытость* души Л. Кэрролла как ценность, его установку на *дружеское общение* и поиск *диалога* как мотивацию.

Что касается личностных качеств Л. Кэрролла, который был одним из одиннадцати детей в семье, то по этому вопросу можно привести множество хвалебных цитат, но здесь достаточно будет высказать одно из мнений: «Он отличался такой добротой, что сестры его боготворили; такой чистотой и безупречностью, что его племяннику решительно нечего о нем сказать», и еще одна важная деталь: «в нем было скрыто детство» [Вулф, 2013. С. 108]; возможно, последняя черта и может служить объяснением такого открытого и непредвзятого взгляда на окружающий мир, какой демонстрировал Л. Кэрролл.

А. А. Ухтомский отмечает социальную обусловленность опыта, который человек получает в жизни: «Чтобы работать над собой... бесценен и незаменим добрый попутчик и друг» [2019. С. 183]. Именно таким «попутчиком» был в путешествии в Россию для Л. Кэрролла его друг Г. П. Лиддон.

У преподобного Лиддона была в России особая миссия, о которой, конечно, знал и Л. Кэрролл: у священника было письмо от епископа Оксфордского митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) в честь 50-летия епископатства последнего. «Филарет известен как автор текста манифеста об освобождении крестьян от крепостного права. Он служил в церкви при трех императорах и пользовался глубоким уважением как паствы и простого люда, так и людей власти» [Рушайло, 2013. С. 265]. Именно митрополит Филарет был главным вдохновителем и действующей силой в переводе Библии на русский язык⁴. Значение Филарета было настолько велико, что «на московского митрополита смотрели как на фактического патриарха» [Яковлев, 2010. С. 658], а XIX столетие называли «веком Филарета». Неудивительно поэтому, что власти отметили его юбилей с широким размахом, сообщив о нем в том числе и представителям различных христианских конфессий.

Лиддон так пишет о митрополите в письме к преподобному В. Брайту: «Филарет имеет около 7000 футов в год, из которых он раздает всё, оставляя себе лишь 200. Его жизнь явно следует незнакомому нам строгому и величественному образцу – вероятно, в Англии он был бы невозможен, но здесь оказывает безграничное влияние на людей» [Демурова, 2013. С. 371].

«Поздравительная» миссия была предпринята Лиддоном и Кэрроллом в свете разговоров, распространенных в 60-е гг. XIX в., о возможностях объединения Англиканской Церкви с Русской Православной Церковью. По этому поводу в Англии проводились собрания, печатались материалы в периодических изданиях, устраивались марши [Рушайло, 2013. С. 266]. Богословский аспект проблемы не является предметом анализа в настоящей статье, но важно отметить, что митрополит Филарет был далек от идеализации положения; в письме князю С. М. Голицыну он писал: «Иностранцы недоброжелателями России уже приучены думать о ней худо, поверять; и худое о нас мнение будет усиливаться. Конечно, не мнением иностранцев мы спасаемся: однако доброе мнение беречь должно для добрых целей» [Святитель Филарет..., 2008. С. 87]. Именно это «доброе мнение» (как условие дружеского общения и вообще диалога) было одной из доминант общения путешествующих англичан и русских церковных иерархов. Так, Лиддон в своем дневнике отмечает глубокое впечатление, произ-

⁴ В 1812 г. в России было основано «Библейское общество», целью которого был перевод библейских книг на иностранные (!) языки. Лишь спустя несколько лет, в 1816 г. император дал высочайшее разрешение на перевод Библии на русский язык.

веденное на него епископом: «Епископ Леонид относится к Англиканской Церкви весьма сердечно» [Демурова, 2013. С. 370].

Действительно, удивительны взаимное уважение и уровень внутренней культуры, которые демонстрируют стороны по отношению друг к другу и которые делают возможным дружеский диалог. С английской стороны – преподобный Г. П. Лиддон и Л. Кэрролл, с русской стороны – свт. Филарет Московский и епископ Леонид (Краснопевков), викарий Московской митрополии и главный помощник Филарета, с которыми встречаются путешественники по случаю празднеств в честь Московского митрополита.

Про день, проведенный с митрополитом Филаретом и епископом Леонидом, Л. Кэрролл говорит: «...один из самых памятных дней нашего путешествия» [РД. С. 54]. Далее мы рассмотрим, что еще особенно запомнилось и было замечено Л. Кэрроллом в России.

По следам доминант *Homo peregrinator*

1. Расподобление как свойство тезауруса.

Каждый путешествующий субъект, интерпретируя новые «входящие данные», наблюдает столкновение собственных стереотипных представлений об окружающем мире с реальностью, которая перед ним разворачивается. Несходство существующей картины мира с действительностью, т. е. расподобление, запускает механизм акта познания. У Ю. Н. Караулова есть образное объяснение данного явления: «Сумма знаний – это заснувшее вместе с принцессой царство из сказки Ш. Перро, разбудить которое может лишь поцелуй принца, т. е. обнаружившееся расподобление между актуальным отражением реальности и отсроченным ее отражением в тезаурусе» [1987. С. 175]. Ниже представлены «следы» доминант, «всплывающие» на страницах «Русского дневника» в результате этого «сопоставления отражений» в сознании Кэрролла-путешественника.

Извозчики. Как справедливо замечено еще мистером Пиквиком, эсквайром, «путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны» [Диккенс, 2010. С. 15]. «Умы кучеров», или извозчиков, или же, как выражались путешествующие англичане, *droshky men*⁵, доставили немало хлопот путешествующему Л. Кэрроллу. Оказавшись в Петербурге, «городе великанов», в котором невероятно широкие улицы, «даже второстепенные шире любой в Лондоне» [РД. С. 36], Л. Кэрролл пришел в изумление и от вида «крошечных дрожек (*the little droshkies*), шмыгающих вокруг, явно не заботясь о безопасности прохожих» [РД. С. 36]. Позже Л. Кэрролл научился торговаться с извозчиками, и примеры удачных «переговоров» триумфально и подробно описаны им в «Дневнике» в виде страстно переданных диалогов. Правда, подобные словесные баталии утомляли писателя: «Когда такая сцена разыгрывается один раз, это забавно, но если бы то же повторялось в Лондоне каждый раз, когда нужно взять кэб, это со временем немного бы приелось» [РД. С. 39].

Дороги. С остроумными описаниями хитростей извозчиков могут соперничать яркие характеристики другой «русской беды» – дорог. Так, чтобы добраться до Нового Иерусалима, «наняли “тарантас”... и тряслись в нем миль 14 по чудовищной дороге, хуже которой я в жизни не видывал. Она была вся в рытвинах, непролазной грязи и ухабах; мостами служили неотесанные бревна, кое-как скрепленные между собой» [РД. С. 57].

Гостиницы. Если вообразить, что Л. Кэрролл мог бы оставить отзыв на сайте какого-нибудь гостиничного оператора, то он был бы, вероятно, таким же шутивным, какими мы читаем «отзывы о гостиницах» в его «Русском дневнике». Со свойственным ему юмором Л. Кэрролл так комментирует пребывание в гостинице в Кёнигсберге: «Поселившись в “*Deutsches Haus*”, мы наслаждаемся одной необычайной привилегией: нам разрешается звонить в колокольчик так часто и так долго, как нам заблагорассудится, – никто не принимает никаких мер к тому, чтобы прекратить этот шум» [РД. С. 34]. Но если в европейской

⁵ *Dylan W. M.* Trains to Moscow: A Comparison of Lewis Carroll's Russian Journal and E. E. Cummings' Eimi. URL: <http://www.graceguts.com/essays/trains-to-moscow-cummings-carroll> (дата обращения 28.07.2019).

гостинице ждать нужно полчаса, то в Петербурге ситуация является серьезным испытанием для его чувства юмора: «Сегодня вечером, поднявшись в свой номер, я обнаружил, что там нет ни полотенца, ни воды на утро, – в довершение к этой приятной неожиданности, колокольчик (на который откликнулся бы немецкий слуга) вовсе не звонил. Эта милая неожиданность заставила меня спуститься в коридор, где я нашел слугу, к счастью, из своего коридора. Я с надеждой заговорил с ним по-немецки, но это оказалось бесполезно – он только растерянно тряс головой...» [РД. С. 40].

Архитектура. Новую реальность Л. Кэрролл заселяет своими интерпретациями, как бы наводя свой порядок среди обилия новых объектов, так что даже архитектура начинает «жить по его правилам». «Вообще говоря, берлинская архитектура, на мой взгляд, руководствуется двумя основными принципами: если на крыше есть хоть сколько-нибудь подходящее местечко, ставьте туда мужскую статую; лучше, если она будет стоять на одной ноге. Если же местечко найдется на земле, разместите там кружком группу бюстов на постаментах, и пусть они держат совет, повернув головы друг к другу; неплохо и гигантскую статую мужа, убивающего, намеревающегося убить или только что убившего... какого-нибудь зверя... Принцип звероубийства выдержан повсеместно с неуклонной монотонностью, что превращает некоторые кварталы Берлина в подобие окаменевших боен» [РД. С. 28]. Следуя своей архитектурной «теории», Л. Кэрролл так описывает Медного всадника в Петербурге: «Пьедесталом ей служит необработанная гранитная глыба, подобная настоящей скале. Конь взвился на дыбы, а вокруг его задних ног обвилась змея, которую, насколько я мог рассмотреть, он попирает. Если бы этот памятник стоял в Берлине, Пётр, несомненно, был бы занят непосредственным убийством сего монстра, но тут он на него даже не глядит: очевидно, “убийственный” принцип здесь не признаётся» [РД. С. 38]. Не станет ли подмеченная Л. Кэрроллом «убийственность» берлинской скульптуры тем «поцелуем принца», который запустит расподобление в нашей картине мира, так что мы, оказавшись на берлинских улицах, начнем смотреть на архитектуру «глазами Кэрролла»?

2. Анизотропность как свойство тезауруса.

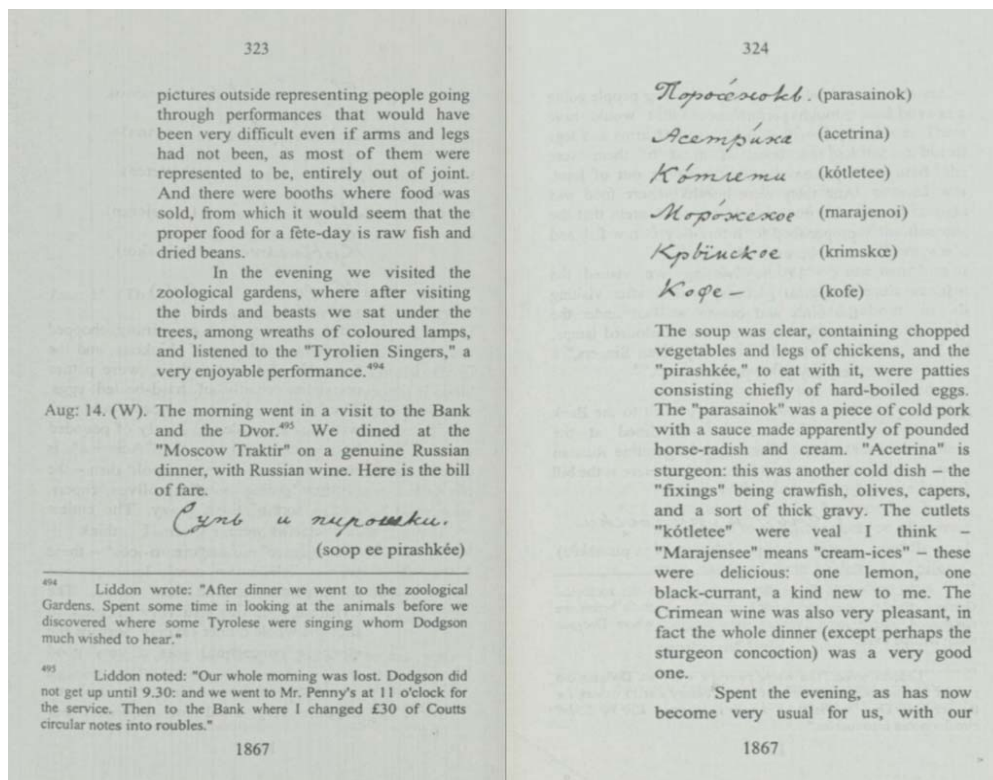
Выше мы отметили, что тезаурусный уровень характеризуется также таким свойством, как *анизотропность*, т. е. он иерархически организован. Для того, кто путешествует по миру, это вдвойне закономерно: «путешественник, по определению, – продукт иерархического мышления» [Бродский, 2017. С. 49].

Русский язык. В иерархии интересов Л. Кэрролла, несомненно, высокую степень занимают наблюдения над незнакомым языком. В «Дневник» переносятся списки блюд из ресторанных меню (см. рисунок), надписи на скульптурах, даже отдельные слова, чем-то поразившие автора. Так, англичанин-попутчик, уже довольно долго проживший в Петербурге, «подарил» ему одно слово в качестве примера «необычайно длинных слов, которыми отличается русский язык»: «*защищающихся*, которое, если записать его английскими буквами, будет выглядеть так: *Zashtsheeshtshayoushtsheekhshya*» [РД. С. 35]. Это слово Л. Кэрролл называл «устрашающим». Но если он и испытывал неприятные чувства по поводу русского языка, то они были связаны прежде всего с его незнанием. Оказавшись со своим другом вдвоем в нижегородской деревне без переводчика, Л. Кэрролл пишет: «Мы поняли, что впервые за всё путешествие остались совсем одни – так, верно, чувствовал себя Робинзон Крузо на своем острове» [РД. С. 58].

Любопытство по отношению к языку выражается во внимании, которое Л. Кэрролл уделяет названиям блюд: они чаще, чем другие русские слова, «представляют» русский язык на страницах «Дневника». Как правило, русская еда приводила его в восторг. Недаром слово *food* входит в первую десятку ядра языкового сознания англичан [Уфимцева, 1998].

Много раз упоминаются в «Дневнике» русские щи. Сначала путешественник был несколько разочарован их вкусом: на одной станции по дороге к Петербургу друзья впервые попробовали «местный суп под названием Щи (произносится *shtshee*), очень недурной, хотя в нём чувствовалась какая-то кислота, возможно, необходимая для русского вкуса...» [РД. С. 35]. Попробо-

вавши снова, уже в Петербурге, Л. Кэрролл отметил: «Я с облегчением обнаружил, что они вовсе не обязательно должны быть кислыми, как я опасался» [РД. С. 38]. Наконец, со временем он стал уже практически специалистом по русской кухне и с легкостью знатока писал: «За обедом в Троицкой гостинице нам удалось отведать два истинно русских угощения: горькую настойку из рябины, которую пьют по стакану перед обедом для аппетита (она называется “рябиновка”) и “щи” – к ним обычно подают в кувшинчике сметану, которую размешивают в тарелках» [РД. С. 54].

Страницы из «Русского дневника» Л. Кэрролла (по: [Carroll, 1999])
Pages from L. Carroll's *The Russian Journal* (from: [Carroll, 1999])

Православное богослужение. Внимание к церковным службам и посещение многочисленных монастырей, церквей и т. п. было выражением личных пристрастий Л. Кэрролла: как служитель Англиканской Церкви (в сане диакона), он глубоко интересовался церковной культурой. Записанные Л. Кэрроллом многочисленные наблюдения над церковным богослужением, великолепием русских храмов позволяют сделать вывод о том, что их автор, хотя и был поражен внешней составляющей религиозной жизни в России, всё же в целом относился к ней как к чему-то «фантастическому», гротескному, нарочитому – на его сдержанный вкус. «Мы начали с храма Василия Блаженного, который внутри так же причудлив (почти фантастичен), как снаружи» [РД. С. 45]. В другой день Л. Кэрролл пишет: «...мы отстояли вечерню в Александро-Невской лавре – это было одно из самых прекрасных православных богослужений, которое мне довелось услышать. Пели чудесно и не так однообразно, как обычно. Один распев, в особенности многократно повторяемый во время службы... был так прекрасен, что я охотно слушал бы его еще и еще» [РД. С. 69]. При этом Л. Кэрролл верен сдержанности обрядов привычной ему Англиканской Церкви: «Облачения священнослужителей во время литургии совершенно великолепны...; однако чем более видишь эти велико-

лепные службы, столь много говорящие органам чувств, тем более начинаешь, по-моему, ценить простую и строгую (однако, на мой взгляд, гораздо более проникновенную) литургию Англиканской Церкви» [РД. С. 37].

3. Эмоция как «след» пережитой доминанты.

Познание объективного мира, отраженное в тезаурусе, дополняется субъективным отношением к событиям и явлениям. Поэтому наряду с указанными выше свойствами тезауруса, расподоблением и анизотропностью, мы выделили те доминанты, которые связаны с выражением чувств автора «Русского дневника».

Русские люди. Л. Кэрролл неоднократно писал в «Дневнике» об одной особенности русских людей – часто креститься: «Бедняки, проходящие по улице, почти все снимали шапки, кланялись и часто крестились – непривычное зрелище среди уличной толпы» [РД. С. 36]; «Люди кланялись и крестились перед иконами... я заметил, что многие делали то же, проходя мимо церковных дверей, даже если они шли по другой стороне невероятно широкой улицы» [РД. С. 37]. Если англичане, побывавшие в России в XVII в., возмущались внешними проявлениями религиозности русских, то для Л. Кэрролла эта особенность была удивительна и являлась скорее свидетельством благоговения: именно это чувство выражают люди, когда осеняют себя крестным знаменем. Биограф приводит такие слова Л. Кэрролла: «Благоговение подразумевает веру в благое и невидимое глазу существо... перед которым мы чувствуем себя ответственными» (цит. по: [Имхольц Младший, 2013. С. 235]).

Теплые чувства вызывает у Л. Кэрролла искреннее доброе расположение русских, которое – не маска вежливости, принятая в Европе, а от души выраженное участие: «Лишь после того как он распрощался с нами и удалился, мы узнали имя этого человека, который оказал нам столько внимания (боюсь, мало кто из англичан мог бы сравниться с ним в подобном внимании к чужестранцам): это был князь Чирков⁶» [РД. С. 53].

Дети. Г. К. Честертон писал о Л. Кэрролле, что «самым приятным в нём была его искренняя любовь к детям» [Честертон, 2013. С. 87]. Во время путешествия в Россию он сделал немало заметок о детях, об их играх, внешности и поведении. Где бы он ни был: в поезде, на ярмарке, в церкви, на прогулке и т. д., – всюду он обращал внимание на детей, и это отражено в «Дневнике». Проезжая Францию, в поезде он набросал портрет малышки, который был одобрен семейством и «оригиналом»; в Петербурге он захотел купить фотографию понравившейся ему девочки и, получив разрешение князя Голицына (отца девочки), осуществил задуманное; в церкви его удивляло, как мать заставила встать на колени ребенка, которому «было никак не больше 3-х лет» [РД. С. 37]: очевидно, Л. Кэрролл сомневался, что от маленького ребенка можно ждать какого-то осознанного выражения религиозного чувства.

Заключение

Языковую личность, все уровни которой подвергаются активно «расподобляющим» воздействиям меняющейся во время путешествия и незнакомой окружающей среды, иными словами, личность, локуция которой связана со сменой локаций, мы назвали Человеком путешествующим, или *Homo peregrinator*. Своеобразным «фильтром» анализа языковой личности писателя Льюиса Кэрролла стал именно его статус иностранца-интеллектуала, путешествующего по России. В образе автора «Русского дневника» можно выделить следующие доминанты и их «следы»: на мотивационном уровне мы отметили открытость Л. Кэрролла как ценность его сознания, установку на дружеское общение и поиск диалога как мотивацию; тезаурусный уровень представлен упоминанием реалий русской жизни, которые были вызваны такими свойствами тезауруса, как расподобление и анизотропность. Объективность познаваемых и отраженных в тезаурусе реалий, находящихся в фокусе внимания *Homo peregrinator*, дополняется субъективным отношением Человека путешествующего к окру-

⁶ «Имя в оригинале дневника Кэрролла написано неясно... Издатель кэрролловских дневников Э. Вейклинг полагает, что это князь Григорий Хилков, церемониймейстер при императорском дворе» [Демурова, 2013. С. 371].

жающему миру, и эта субъективность находит выражение в эмоционально окрашенных доминантах путешественника.

Образ России предстает перед нами на страницах «Русского дневника» как бы «сквозь зеркало» – в преломлении авторского мировоззрения, а «мировоззрение, как известно, всегда стоит своего носителя, точно так же, как картина запечатлевает лишь то, что и как умел видеть художник» [Ухтомский, 2019. С. 63]. Поэтому картина России, представленная в «Русском дневнике», конечно, является картиной, которую «рисует» нам сознание ее автора. Неожиданно для нас, уже знакомых с резко негативными, отталкивающими отзывами английских путешественников XVII в., образ России в «Дневнике» писателя-сказочника предстает необыкновенно положительным, ярким; даже неустроенность русского быта преподносится с тонким юмором, и во всех описаниях сквозит восхищение неведомой ранее страной. За внешней сдержанностью повествования чувствуется душевное расположение и любопытство, которые Л. Кэрролл демонстрировал в своих заметках.

Он прибыл в «Зазеркалье» как друг и был способен увидеть многое из того, что не удалось увидеть тем, кто смотрел на неизведанную страну только лишь «сквозь стереотипы».

Список литературы

- Бродский И.** Место не хуже любого // Бродский И. О скорби и разуме: Эссе. СПб.: Изд. группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2017. С. 44–53.
- Вулф В.** Льюис Кэрролл // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 108–109.
- Демурова Н. М.** Комментарии // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 360–375.
- Диккенс Ч.** Посмертные записки Пиквикского клуба. М.: АСТ: Астрель, 2011. 736 с.
- Имхольц Младший А.** Льюис Кэрролл и политическая корректность: Заметки коллекционера // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 225–240.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Колесов В. В.** Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
- Кузьмина М. А.** К вопросу об аксиологическом аспекте психолингвистического метода // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3. С. 122–138.
- Кэрролл Л.** Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник / Пер. с англ. и предисл. Н. Демуровой; статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. 416 с.
- Лабутина Т. В.** Представления британцев о русском народе в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 13–25.
- РАС – Русский ассоциативный словарь** / Ю. Н. Караулов, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998. Т. 1–6.
- Рушайло А. М.** По следам Льюиса Кэрролла в России: Заметки библиофила // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига, 2013. С. 262–274.
- Святитель Филарет Московский.** Призовите Бога в помощь: Сб. писем. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2008. 800 с.
- Уфимцева Н. В.** Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (дата обращения 29.07.2019).
- Ухтомский А. А.** Доминанта. СПб.: Питер, 2019. 512 с.

- Честертон Г. К.** Льюис Кэрролл // Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник. Статьи и эссе о Льюисе Кэрролле. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крива, 2013. С. 83–87.
- Шапошникова И. В.** Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянской культуры, 2019. 262 с.
- Яковлев А. И.** Век Филарета: Роман-хроника: Жизнеописание святителя Филарета Московского. М.: МРО «Православное благотворительное Братство во Имя Всемилоостивого Спаса» Московской епархии РПЦ, 2010. 672 с.
- Davies M.** Lewis Carroll's Adventures In Russia. 2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/lewis-carrolls-adventures-russia/> (accessed: 28.07.2019).
- Drey V.** Lewis Carroll In Wonderland: the Writer's Adventures In Russia. 2017. URL: https://www.rbth.com/arts/literature/2017/01/27/lewis-carroll-in-russia_690043 (accessed: 28.07.2019).
- Carroll L.** Lewis Carroll's Diaries. The private journals of Charles Lutwidge Dodgson (Lewis Carroll). With notes and annotations by Edward Wakening. The Lewis Carroll Society, L. & T. Press, Luton, 1999, vol. 5.

References

- Brodsky J.** Mesto ne khuzhe lyubogo [A Place as Good as Any]. In: Brodsky J. O skorbi i razume [On Grief and Reason]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2017, p. 44–53. (in Russ.)
- Carroll L.** Lewis Carroll's Diaries. The private journals of Charles Lutwidge Dodgson (Lewis Carroll). With notes and annotations by Edward Wakening. The Lewis Carroll Society, L. & T. Press, Luton, 1999, vol. 5.
- Carroll L.** Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o Lyuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 165–174. (in Russ.)
- Chesterton G. K.** Lewis Carroll. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 83–87. (in Russ.)
- Davies M.** Lewis Carroll's Adventures In Russia. 2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/lewis-carrolls-adventures-russia/> (accessed: 28.07.2019).
- Demurova N.** Kommentarii. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 360–375. (in Russ.)
- Dickens Ch.** Posmertnye zapiski Pikvikskogo kluba [The Posthumous Papers of the Pickwick Club]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2011, 736 p. (in Russ.)
- Drey V.** Lewis Carroll In Wonderland: the Writer's Adventures In Russia. 2017. URL: https://www.rbth.com/arts/literature/2017/01/27/lewis-carroll-in-russia_690043 (accessed: 28.07.2019).
- Imholtz A. A., Jr.** L'yuis Kerroll i politicheskaya korrektnost': Zametki kollektsionera [Lewis Carroll and Political Correctness: Collector's Notes]. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuise Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kriga Publ., 2013, p. 225–240. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N.** Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 263 p. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. S., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A.** Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian Associative Dictionary]. Moscow, 1994–1998, vol. 1–6. (in Russ.)
- Kolesov V. V.** Drevnerusskaya tsivilizatsiya: Nasledie v slove [Ancient Civilization: the Legacy of the Word]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2014, 1120 p. (in Russ.)

- Kuzmina M. A.** K voprosu ob aksiologicheskom aspekte psikholingvisticheskogo metoda [Revisiting Axiological Aspect of Psycholinguistic Methodology]. *Voprosy psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]*, 2019, no. 3, p. 122–138.
- Labutina T. V.** Predstavleniya britantsev o russkom narode v XVI-XVII vv. [British Views of the Russian People in the XVI-XVII Centuries]. *Voprosy istorii [Issues of History]*, 2009, no. 8, p. 13–25. (in Russ.)
- Rushailo A. M.** Po sledam L'yuisa Kerrolla v Rossii: Zametki bibliofila [In the Footsteps of Lewis Carroll in Russia: Bibliophile Notes]. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuisse Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kruga Publ., 2013, p. 262–274. (in Russ.)
- Shaposhnikova I. V.** Modusy identifikatsii russkoi yazykovoi lichnosti v epokhu peremen [Modes of Identification of the Russian Language Personality in the Era of Changes]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2019, 262 p. (in Russ.)
- Svyatitel' Filaret Moskovskii. Prizovite Boga v pomoshch': Sb. Pisem [Call on God for Help: a Collection of Letters]. Moscow, Izd. Sretenskogo monastyrya Publ., 2008, 800 p. (in Russ.)
- Ufimtseva N. V.** Etnicheskii kharakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh [Ethnic Character, and Image of Self, and Linguistic Consciousness of the Russian]. In: Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie [Language Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow, 1998. URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/3_1.htm (accessed: 29.07.2019).
- Ukhtomskii A. A.** Dominanta [The dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019, 512 p. (in Russ.)
- Woolf V.** Lewis Carroll. In: Carroll L. Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkii dnevnik. Stat'i i esse o L'yuisse Kerrolle [The Journal of a Tour in Russia in 1867, or Russian Journal. Articles and Essays about Lewis Carroll]. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ.; St. Petersburg, Kruga Publ., 2013, p. 108–109. (in Russ.)
- Yakovlev A. I.** Vek Filareta: Roman-khronika: Zhizneopisanie svyatitelya Filareta Moskovskogo [Age of Philaret: A Novel-Chronicle: Biography of St. Philaret of Moscow]. Moscow, MRO «Pravoslavnoe blagotvoritel'noe Bratstvo vo Imya Vsemilostivogo Spasa» Moskovskoi eparkhii RPTs Publ., 2010. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
14.08.2019

Сведения об авторе

Кузьмина Мария Александровна, кандидат филологических наук, сектор русского языка в Сибири, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)
mash_room@mail.ru

Information about the Author

Mariya A. Kuzmina, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
mash_room@mail.ru

УДК 81'367
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-71-78

Варьирование актуального членения предложения (на примере аудиозаписей рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник»)

И. М. Плотников, Е. С. Кузнецова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается вариативность актуального членения русского языка в зависимости от намерений говорящего. Описан метод, позволяющий сопоставить актуальное членение текста и его аудиозаписи и выявить варианты, которые могут соответствовать одному высказыванию текста. Полученные таким образом варианты отражают коммуникативные намерения говорящего, которые могут не совпадать с намерениями автора текста. Приведенные в статье примеры демонстрируют, что такие варианты могут различаться не только актуализацией отдельных частей, но и смыслом, характером взаимодействия с контекстом, а в некоторых случаях и синтаксической структурой. Таким образом, актуальное членение является ключевым понятием при описании того, каким образом предложение реализуется в речи.

Ключевые слова

актуальное членение, коммуникативный синтаксис, высказывание, коммуникативное намерение, актуализация, интонация

Для цитирования

Плотников И. М., Кузнецова Е. С. Варьирование актуального членения предложения (на примере аудиозаписей рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 71–78. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-71-78

Variation in Thematic-Rhematic Articulation of a Sentence (On the Example of Recordings of the Short Story *A Malefactor* by Anton Chekhov)

I. M. Plotnikov, E. S. Kuznetsova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The aim of this article is to study the variation of topical structure depending on the intentions of the speaker. The article proposes a method of comparative study of voiced texts via their topical structure, which allows observing paradigmatic potential of a sentence within a preset context. In order to do so, the thematic-rhematic articulation of the text is compared to the articulations of its audio recordings. The deviations observed serve as a representation of the communicative intentions of the speaker.

In the short story under consideration, more than a half of the utterances exhibit at least some degree of variation. The examples show that the thematic-rhematic articulation of an utterance influences its meaning, the way it interacts with the context and in some cases even its syntactic structure. Thus, thematic-rhematic articulation is a key concept for describing realization of a sentence in speech.

© И. М. Плотников, Е. С. Кузнецова, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 2: Philology

Keywords

thematic-rhematic articulation, communicative syntax, utterance, communicative intention, actualization, intonation

For citation

Plotnikov I. M., Kuznetsova E. S. Variation in Thematic-Rhematic Articulation of a Sentence (On the Example of Recordings of the Short Story *A Malefactor* by Anton Chekhov). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 71–78. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-71-78

Введение

Расчленение высказывания в соответствии с тем, какую функцию выполняют его части, было предметом изучения лингвистики начиная с XIX в. [Адамец, 1966. С. 18–19]. Этот подход нашел свое воплощение в предложенной В. Матезиусом концепции актуального членения [1967. С. 239–245]. Актуальное членение (далее – АЧ) заключается в возможности выделения в высказывании двух частей – темы (ядро, данное, *theme, topic*) и ремы (основа, новое, *focus, comment*), которые определяются через ряд противопоставлений:

- исходный пункт высказывания – то, что о нем сообщается;
- минимальная актуальная значимость – большая актуальная значимость;
- данность, предопределенность контекстом – новизна [Белошапкина и др., 1989. С. 706–707].

При этом рема является элементом, конституирующим речевой акт сообщения, а тема служит для связи предложений между собой и с экстралингвистической реальностью [Янко, 1999. С. 30].

Актуальное устройство высказывания определяется двумя основными факторами: (1) коммуникативные намерения говорящего, которые приводят к выбору говорящим определенных коммуникативных стратегий и (2) воздействие контекста, который навязывает говорящему этот выбор, ограничивая набор возможных стратегий. Таким образом, АЧ становится воплощением коммуникативной стратегии говорящего во взаимодействии с контекстом [Там же. С. 28].

Целью данной статьи является исследование вариативности АЧ русского языка в зависимости от намерений говорящего. Материалом для этого послужил рассказ А. П. Чехова «Злоумышленник» и шесть его аудиозаписей (см. таблицу).

Аудиозаписи, использованные в работе Audio recordings used in the work

№	Чтец	Год	Источник
1	И. Ильинский, В. Попов	1949	http://www.staroeradio.ru/audio/18535
2	И. Москвин	1949	http://www.staroeradio.ru/audio/18302
3	Б. Чирков	1982	http://www.staroeradio.ru/audio/34481
4	Д. Некрасов	2007	https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=8nTfKHWSegY
5	Д. Семёнов	2009	http://tmdt.ru/catalog/item90.html
6	Е. Краснобаева	2013	https://audioknigi.club/chekhov-anton-rasskazy

Большая часть существующих исследований в области АЧ русского языка посвящена описанию коммуникативной парадигмы предложения [Всеволодова, Дементьева, 1997] или порядка слов как средства выражения АЧ [Адамец, 1966; Ковтунова, 2002]. В нашей работе предпринята попытка комплексного анализа АЧ текста, что позволяет изучить синтаксические и текстовые явления, которые не могли бы быть учтены при изолированном рассмотрении предложений. При этом особое значение имеет подобранный материал, который содер-

жит элементы бытовой диалогической речи, что позволяет получить представление о том, как АЧ реализуется в устной речи.

Другой особенностью проделанной работы является использование сопоставительного подхода и изучение варьирования АЧ в уже заданном тексте. В связи с этим нашей задачей стало не описание полной коммуникативной парадигмы предложения, а рассмотрение парадигматического потенциала предложения в заранее определенном контексте, что выводит на первый план, во-первых, интонационные средства выражения АЧ, а во-вторых, коммуникативные намерения или индивидуальные особенности речи говорящего.

Описание метода

На основе отобранных материалов были составлены два вида разметки АЧ: базовая разметка, основанная на тексте рассказа, и шесть разметок его аудиозаписей.

При проведении базового АЧ нами восстанавливалась наиболее общая картина АЧ, представленная в письменном тексте. В этом случае, с одной стороны, проведение АЧ основывалось на анализе синтаксической структуры высказываний и порядка их слов, которые являются основными способами выражения АЧ в письменном тексте [Крушельницкая, 1956. С. 61], а с другой – учитывалась организация текста, включающая разные типы взаимодействия высказывания с контекстом его употребления.

При проведении АЧ устного текста дополнительно анализировалась интонационная структура высказывания, в первую очередь включающая движение тона и синтагматическое членение, которые являются наиболее важными интонационными средствами выражения АЧ [Брызгунова, 1971. С. 47; Белошапкова и др., 1989. С. 787; Ковтунова, 2002. С. 95–97], а также дополнительные средства, такие как постановка пауз, темп и интенсивность.

В связи с тем, что при разметке текста было необходимо отмечать синтагматическое членение и иерархическое АЧ, общепринятое обозначение разделения предложения на тему и рему – маркирование знаком «косая черта» (/) – представляется неудобным, поэтому тема и рема заключались в фигурные скобки {} с верхним индексом Т или R соответственно, а иерархические отношения для наглядности обозначались изменением размера скобок. Например:

$$\{ \{ \text{Отродясь не врал} \}^T / [\text{пауза}] \{ \text{а тут вру} \}^R \}^R / \{ \text{бормочет Денис/ мигая глазами} \}^T // (5)$$

Проведенная описанным образом базовая разметка и разметка устных текстов позволяет провести границу между АЧ, заложенным в письменный текст автором (А. П. Чеховым), и АЧ, которое возникло как интерпретация рассказа чтецом. При этом их можно рассматривать как репрезентацию коммуникативного намерения автора и чтецов соответственно.

Говоря о коммуникативном намерении, следует иметь в виду, что в нашем случае можно было бы рассматривать, кроме вышеназванных, намерение персонажей рассказа. В данной статье рассматривается в первую очередь намерение чтеца, так как, во-первых, в конкретном прочтении намерение персонажа не может существовать вне общего намерения чтеца, его изображающего, а во-вторых, интерпретация АЧ рассказа А. П. Чеховым не может быть полноценно реконструирована исключительно на основе письменного текста. По той же причине неверно было бы говорить о правильном и неправильном АЧ высказывания не только потому, что нам неизвестно, что именно в каждом случае имел в виду А. П. Чехов, но и потому, что способы выражения АЧ не сводятся к набору формальных признаков высказываний, а значит, АЧ в полной мере можно считать принадлежностью только устной речи. Каждая коммуникативная организация высказывания, которую мы наблюдаем в одном из прочтений, входит в парадигму потенциальных его интерпретаций, некоторые из них могут быть более вероятными и в большей степени соответствовать контексту, что, однако, не делает их менее обоснованными.

Результаты исследований и обсуждение

Сопоставив полученные разметки прочтений с базовой, мы увидели ряд отклонений. С формальной точки зрения их можно разделить на следующие типы:

- 1) несовпадение фразового членения («Мы – народ, климовские мужики, то есть» – «Мы, народ. Климовские мужики, то есть»);
- 2) передвижение границ темы и ремы («Когда || ты её отвинтил?» – «Когда ты || её отвинтил?»);
- 3) расчленение нерасчлененного высказывания («Знамо было» – «Знамо || было»);
- 4) углубление актуального членения ($\{ \text{Когда у тебя делали обыск} \}^T \{ \text{то нашли ещё одну гайку} \}^R$ – $\{ \text{Когда у тебя делали обыск} \}^T \{ \{ \text{то нашли} \}^T \{ \text{ещё одну гайку} \}^R \}^R$);
- 5) изменение порядка следования темы и ремы («гайками прикрепляется || рельса к шпалам»).

Из 142 высказываний, выделенных на стадии базовой разметки, 79 (т. е. более половины) проявляют некоторую степень вариативности. Рассмотрим некоторые примеры варьирования с точки зрения того, каким образом они изменяют интерпретацию текста.

1. В **высказывании 7** изменение границ темы и ремы оказывается связанным с разной трактовкой синтаксического устройства предложения (приводится только интересующий нас фрагмент внутреннего членения):

{железнодорожный сторож/ [пауза] Иван Семенов Акинфов/ [пауза] проходя утром по линии/ **на 141-й версте**}^T/ [пауза] {застал тебя за отвинчиванием гайки/ [пауза] коей рельсы прикрепляются к шпалам}^R// (5)

{железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов/ [пауза] проходя утром по линии}^T/ [пауза] {**на 141-й версте**/ застал тебя за отвинчиванием гайки/ [пауза] коей рельсы прикрепляются к шпалам}^R// (3)

В первом случае выделенное обстоятельство на *141-й версте* входит в состав деепричастного оборота «*проходя утром по линии, 141-й версте*», во втором – относится к глаголу «застал». При этом пунктуация исходного текста не предполагает второго варианта («...железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки»). Таким образом, в этом случае чтец отклоняется от выраженного знаками пунктуации членения.

2. **Высказывание 12** также имеет два варианта синтаксической структуры:

{ {Так ли}^R/ {всё это было}^T }^R/ {как объясняет Акинфов}^T?// (1)

{ {Так ли}^R/ {всё это было}^T }^T/ {как объясняет Акинфов}^R?// (3)

В первом случае часть *так ли всё это было* выступает в роли главной части местоименно-соотносительного сложноподчиненного предложения [Белошапкова и др., 1989. С. 758–763]. Во втором – относительно-распространительного, таким образом не отличаясь от высказываний вроде *Это было седьмого числа сего июля, как объясняет Акинфов* [Там же. С. 755].

При этом *так* выступает в этих высказываниях в двух разных функциях: в первом случае в качестве показателя связи, а во втором – обстоятельства, замещающего собой данное выше полное описание ситуации: *Седьмого числа сего июля железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов, проходя утром по линии, на 141-й версте, застал тебя за отвинчиванием гайки, коей рельсы прикрепляются к шпалам*.

3. **Высказывание 36** является примером интонационного выделения отдельного слова:

{Эта рыба}^T/ {простор любит}^R// (5)

{Эта [пауза] рыба}^T/ { {простор}^R/ {любит}^T }^R (1)

В контексте высказывание поясняет фразу *В нашей реке не живет шилишпер* и отвечает на подразумеваемый вопрос *Почему в нашей реке не живет шилишпер?* Первый вариант совпадает с базовым и обладает стандартной структурой ответа на такой вопрос: тему образует та часть, которая есть в вопросе, т. е. *шилишпер*, а ремю – та часть, которая содержит ответ на вопрос.

Во втором варианте эта структура сохраняется, но добавляется дополнительное членение, связанное с тем, что эта фраза является сжатым выражением нескольких шагов: *шилишпер любит простор, в нашей реке нет простора, потому у нас и не живет шилишпер*. Выделение в отдельную ремю слова «простор» актуализирует эту часть информации, показывая, что именно отсутствие простора является решающим фактором, и тем самым упрощает понимание фразы слушателем.

4. **Высказывание 41** содержит введение контрастной темы, связанной с сопоставлением объекта с группой других однородных ему объектов [Янко, 1999. С. 35–38]:

$$\begin{aligned} & \{ \{ \text{Самый последний мальчишка} \}^T / \{ \text{не станет тебе} \}^R \}^R / \{ \text{без грузила ловить} \}^T // (1) \\ & \{ \text{Самый последний мальчишка} \}^T / [\text{пауза}] \{ \{ \text{не станет тебе} \}^R / \{ \text{без грузила ловить} \}^T \}^R // (5) \end{aligned}$$

Первая интерпретация совпадает с базовой. В ней характеризуется предмет *ловля без грузила*, до этого заданный контекстом (*Да нешто, ваше благородие, можно без грузила?*). Таким образом, это высказывание аналогично высказыванию *ловить без грузила глупо*, имеет оценочный характер и сближается с общеинформативными высказываниями по классификации П. Адамца [1966. С. 26–28].

Вторая интерпретация выводит на первый план контрастную тему. Если первый вариант отвечает на условный вопрос *Каково без грузила ловить?*, то второй – на вопрос *Станет ли самый последний мальчишка без грузила ловить?* В этом смысле высказывание является общевеерификативным.

5. Еще один пример контрастной темы – **высказывание 3**.

$$\begin{aligned} & \{ \{ \text{На голове} \}^T / \{ \text{целая шапка давно уже нечесанных/ путаных волос} \}^R \}^T / [\text{пауза}] \{ \text{что придает ему еще большую/ паучью суровость} \}^R // (1) \\ & \{ \text{На голове} \}^T / \{ \{ \text{целая шапка давно уже нечесанных/ путаных волос} \}^T / [\text{пауза}] \{ \text{что придает ему еще большую/ паучью суровость} \}^R \}^R // (5) \end{aligned}$$

Первый вариант, совпадающий с базовой разметкой, следует за синтаксической структурой предложения: при первом разделении на тема-рематические сегменты граница между ними совпадает с границей между частями сложноподчиненного предложения. Во втором варианте эта структура нарушается, для того чтобы подчеркнуть контрастную тему. При этом создается более явный, чем в первом случае, эффект перехода с одной точки зрения на другую, который соответствует контексту, так как до этого момента в рассказе описывались последовательно одежда и лицо.

6. **Высказывание 56** содержит редкий пример изменения порядка следования темы и ремы:

$$\begin{aligned} & \{ \text{Ты} \}^R \{ \text{людей убил бы} \}^T (5) \\ & \{ \text{Ты} \}^T \{ \text{людей убил бы} \}^R (2) \end{aligned}$$

Первая интерпретация совпадает с базовой и опирается на контекст, используется разновидность языковой игры, основанная на контрасте появления подлежащего и предыдущего безличного предложения с тем же глаголом: *Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило!*

Во втором варианте акцент смещается на само действие и в большей степени на его объект – *людей*. Можно заметить, что это пример двух разных стратегий убеждения: первая ос-

нована на создании контраста между личностью собеседника и действием, тогда как вторая подчеркивает именно негативность последствий его поступка.

7. Еще один пример изменения порядка следования темы и ремы – **высказывание 69**:

$$\{\text{Да пойми же}\}^T \{\{\text{гайками}\}^T \{\text{прикрепляется рельса к шпалам}\}^R\}^R!// (1)$$

$$\{\text{Да пойми же}\}^T \{\{\text{гайками}\}^R \{\text{прикрепляется рельса к шпалам}\}^T\}^R!// (6)$$

Первое высказывание соответствует базовой разметке и основывается на контексте, в котором собеседник сомневается, что гайки важны для передвижения поезда: *Ежели б я рельсу унес или, положим, бревно поперек ейного пути положил, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поезд, а то... тьфу! гайка!* Оно отвечает на вопрос *Зачем нужны гайки?* или *Какое отношение имеют гайки к поездам?*

Второе отвечает на вопрос *Чем прикрепляется рельса к шпалам?* Оно также связано с контекстом: отсылает к утверждению собеседника, что если бы он унес рельсу, то тогда могло бы произойти крушение. Хотя *гайка* уже дана в контексте, в этом высказывании она актуализируется как то, что удерживает рельсы.

8. Еще один подобный пример – **высказывание 74**:

$$\{\text{Теперь понятно}\}^R \{\text{почему}\}^T!// (1)$$

$$\{\text{Теперь понятно}\}^T \{\text{почему}\}^R!// (2)$$

Так же, как в примере 3 (высказывание 36), в этом случае различаются два типа высказываний. В первом случае это частноверификативное высказывание, отвечающее на вопрос *Понятно ли, почему [в прошлом году сошел поезд с рельсов]?* Актуализованной частью информации является тот факт, что говорящим достигнуто понимание того, что он раньше не понимал.

Во второй версии подчеркивается не сам мыслительный процесс, а то, какого именно рода названная причина. Это высказывание частноинформативное, отвечающее на вопрос *Что теперь стало понятно?*

Кроме этого, в обоих случаях за одним и тем же *почему* стоит разный смысл: в первом это общее значение причины, а во втором – вся описанная в тексте ситуация. Первое высказывание можно перефразировать как *Теперь понятна причина катастрофы*, а второе – *Теперь понятно, что причина катастрофы в том, что местные жители откручивают гайки для того, чтобы использовать их как грузило*.

9. **Высказывание 68** является одним из большой группы примеров перемещения границы темы и ремы:

$$\{\text{А отчего}\}^R \{\text{по-твоему происходят крушения поездов}\}^T? (1)$$

$$\{\text{А отчего по-твоему}\}^R \{\text{происходят крушения поездов}\}^T? (2)$$

Первое высказывание представляет собой типичную коммуникативную структуру диктального вопроса по классификации Ш. Балли [Адамец, 1966. С. 29] с вопросительным словом, составляющим рему, так как в таких вопросах именно вопросительное слово является конституирующим элементом.

Во втором высказывании граница между темой и ремой смещена так, что в рему входит и вводное слово *по-твоему*. Благодаря его актуализации формируется контраст между двумя мнениями: некоторым предполагаемым ответом собеседника и ответом самого автора: *Отвинти две-три гайки, вот тебе и крушение!*

Такое варьирование связано с тем, что в многих случаях в высказывании (в первую очередь в письменном тексте) явно выделяются центры темы и ремы, но отсутствует явная граница между их составами [Крушельницкая, 1956. С. 59–60].

Таким образом, проведенный анализ показал широкие возможности варьирования АЧ при интерпретации текста в русском языке.

Заключение

Интерпретации, возникающие при прочтении текста, выражаются при помощи средств интонации и неразрывно связаны с его коммуникативным устройством.

Описанная здесь методика позволяет показать, каким образом актуальное членение высказываний с фиксированным порядком слов в заданном контексте может варьироваться при помощи средств интонации. Полученные таким образом варианты актуального членения отражают коммуникативные намерения говорящего, которые могут не совпадать с намерениями автора текста. Приведенные примеры демонстрируют, что такие варианты могут различаться не только актуализацией отдельных частей, но и смыслом, характером взаимодействия с контекстом, а в некоторых случаях и синтаксической структурой.

Таким образом, актуальное членение является ключевым понятием при описании того, каким образом предложение реализуется в речи.

Список литературы

- Адамец П. Порядок слов в современном русском языке: Моногр. Прага: Academia, 1966. 101 с.
- Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Новиков Л. А., Панов М. В. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
- Брызгунова Е. А. О смысловых различительных возможностях русской интонации // Вопр. языкознания. 1971. № 4. С. 42–52.
- Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума): Моногр. М.: Крон-Пресс, 1997. 176 с.
- Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение: Учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
- Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопр. языкознания. 1956. № 5. С. 55–67.
- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
- Янко Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии // Вопр. языкознания. 1999. № 4. С. 28–55.

References

- Adamec P. Poryadok slov v sovremennom russkom yazyke [Word Order in Modern Russian]: Monogr. Praga, Academia, 1966, 101 p. (in Russ.)
- Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A., Miloslavskii I. G., Novikov L. A., Panov M. V. Sovremennyyi russkii yazyk [Modern Russian Language]. A Textbook for Philological Departments; ed. by. V. A. Beloshapkova. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 800 p. (in Russ.)
- Bryzgunova E. A. O smyslorazlichitel'nykh vozmozhnost'ah russkoi intonatsii [On the Sense-Defining Properties of Russian Intonation]. *Vopr. yazykoznavaniya* [Issues of Linguistics], 1971, no. 4, p. 42–52. (in Russ.)
- Vsevolodova M. V., Dementieva O. Yu. Problemy sintaksicheskoi paradiigmatiki: kommunikativnaya paradigma predlozhenii (na materiale dvusostavnykh glagol'nykh predlozhenii, vkluyachayushchikh imya lokuma) [Issues of Syntactic Paradigmatics: The Communicative Paradigm of Sentences (On the Material of Two-Member Sentences Including Locum Names)]. Monograph. Moscow, Kron-Press Publ., 1997, 176 p. (in Russ.)

- Kovtunova I. I.** Sovremennyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie [The Modern Russian Language. Word Order and Thematic-Rhematic Articulation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 240 p. (in Russ.)
- Krushelnitskaya K. G.** K voprosu o smyslovom chlenenii predlozheniya [On the Issue of Thematic Sentence Articulation]. *Vopr. yazykoznavaniya* [Issues of Linguistics], 1956, no. 5, p. 55–67. (in Russ.)
- Mathesius V.** O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On the So-Called Thematic-Rhematic Articulation of Sentences]. In: Prazhskii lingvisticheskii krug [Prague Linguistic Circle]. An Anthology. Moscow, Progress Publ., 1967, p. 239–245. (in Russ.)
- Yanko T. E.** O ponyatiyakh kommunikativnoi struktury i kommunikativnoi strategii [On the Concepts of Communicative Structure and Communicative Strategy]. *Vopr. yazykoznavaniya* [Issues of Linguistics], 1999, no. 4, p. 28–55. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
12.12.2019

Сведения об авторах

Плотников Илья Михайлович, магистрант Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
iliaplotnikov@gmail.com

Кузнецова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
kouznetsova.elena.s@gmail.com

Information about the Authors

Ilya M. Plotnikov, Undergraduate at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
iliaplotnikov@gmail.com

Elena S. Kuznetsova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
kouznetsova.elena.s@gmail.com

Языковые особенности клиентоориентированного поведения (на примере корпоративных текстов современных инженерно-строительных организаций)

В. М. Андреев¹, Л. В. Купфер²

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
Магнитогорск, Россия*

² *Средняя общеобразовательная школа № 51 им. Ф. Д. Воронова
Магнитогорск, Россия*

Аннотация

Представленная статья относится к новому актуальному направлению языкознания – организационной лингвистике, которая занимается лингвистическим описанием деловой сферы общества. На материале письменных корпоративных текстов рассматривается специфика клиентоориентированного поведения руководства и сотрудников российских инженерно-строительных компаний. Выявляется, что клиентоориентированный подход полностью реализуется в корпоративных текстах различных типов (официально-деловых документах, экспертных отчетах и заключениях, рекламных текстах), в совокупности представляющих организационный дискурс фирм инженерно-строительной области деятельности. Полное и всестороннее удовлетворение потребностей и желаний заказчика, являющееся главной целью клиентоориентированных компаний, предполагает выбор определенных речевых конструкций, употребление которых в рамках письменной деловой коммуникации оказывается достаточно эффективным, поскольку способствует привлечению новых клиентов, установлению с ними доверительных отношений и обеспечению взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова

организационная лингвистика, клиентоориентированность, клиентоориентированное поведение, организационный дискурс, корпоративный текст, инженерно-строительная организация, заказчик

Для цитирования

Андреев В. М., Купфер Л. В. Языковые особенности клиентоориентированного поведения (на примере корпоративных текстов современных инженерно-строительных организаций) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 79–89. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-79-89

Language Features of Client-Oriented Behavior (On the Example of Corporate Texts of Modern Engineering and Construction Organizations)

V. M. Andreev¹, L. V. Kupfer²

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russian Federation*

² *Voronov Magnitogorsk Secondary School № 51
Magnitogorsk, Russian Federation*

Abstract

This article is written in line with the new direction of linguistics – organizational linguistics, which focuses on the features of the functioning of the language in the organization. The research material was written corporate texts

of modern engineering and construction companies: official business documents; expert reports and conclusions; information leaflets, promotional materials, texts for the corporate website and periodicals. Corporate texts are studied from the position of their client-orientation. The client-orientation policy of the company involves the identification and satisfaction of customer needs, which is considered one of the priority tasks of the client-orientation organization. This approach in the company's activities allows you to acquire significant advantages compared with other companies in this industry, in particular, to gain the trust of potential customers, establish, and then maintain and develop relationships with them, which helps to increase the efficiency of the organization. An analysis of written corporate texts shows that the client-orientation behavior of employees and company management involves a conscious choice of speech structures. So, official business documents are characterized by stereotypical composition and traditional language expression, manifested in the abundance of ready-made speech formulas. Technical reports and conclusions written by experts based on the results of the work performed are characterized by a clearly regulated structure, the use of terminated vocabulary and abbreviations, tokens with the meaning of obligation. In advertising texts, methods of intimidation, identification, animation, verbalization of concepts important to the client are used. In general, all the studied written corporate texts can be considered customer-oriented, because they meet the main principle of customer focus – the formation of mutually beneficial relations between the client and the organization.

Keywords

organizational linguistics, client-orientation, client-orientation behavior, organizational discourse, corporate text, engineering and construction organization, customer

For citation

Andreev V. M., Kupfer L. V. Language Features of Client-Oriented Behavior (On the Example of Corporate Texts of Modern Engineering and Construction Organizations). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 79–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-79-89

Стремление современных организаций сформировать положительный имидж, повысить свою конкурентоспособность, привлечь новых клиентов и выстроить с ними долгосрочные взаимоотношения в полной мере отражает понятие клиентоориентированности фирмы [Шавровская, 2011]. Определений клиентоориентированного подхода в деятельности компаний достаточно много, но все они сходятся в одном: корпоративная политика организации основывается на идее выявления, а затем и удовлетворения потребностей клиентов [Апенько, Шавровская, 2010]. Это становится одной из приоритетных задач фирмы, поскольку осознание значимости требований и желаний клиента, а также их исполнение способствуют увеличению клиентской базы, повышению лояльности заказчиков и, соответственно, получению экономической выгоды.

Клиентоориентированный подход в компании реализуют прежде всего ее руководство и сотрудники. Клиентоориентированное поведение работников фирмы предполагает выстраивание оптимальной двусторонней коммуникации с клиентами, которая позволила бы обеспечить взаимовыгодное сотрудничество. При этом представитель организации должен обладать не только профессиональными знаниями о специфике оказываемой услуги, ее качестве, сроках и условиях выполнения работы, но и, безусловно, знаниями о психологии заказчика и его потребностях [Апенько, 2010]. Клиентоориентированное поведение сотрудника характеризуется в первую очередь стремлением определить общие интересы, умением убедить потенциального клиента в уникальности предоставляемой услуги и грамотно провести переговоры, способностью предупредить возникновение конфликта или устранить уже существующий, улучшить качество коммуникативных связей, а в итоге оптимизировать деловое общение. Несомненно, эти знания и умения требуют от работника организации высокой концентрации внимания, дисциплинированности, терпения, стрессоустойчивости, честности, инициативности и, что немаловажно, хорошей речевой подготовки [Коновалова, 2015].

Сегодня многие руководители компаний, в том числе инженерно-строительного профиля, озабочены изучением языковой составляющей клиентоориентированного поведения, потому что понимают важность и необходимость эффективного речевого взаимодействия с заказчиками, а также рассматривают возможность расширения клиентской базы и улучшения качества оказываемых услуг благодаря созданию и использованию определенных речевых формул. Об этом свидетельствуют проведенные нами интервью и опросы, где сотрудники описывают как удачные сценарии своего общения с клиентами, так и неудачно выбранные

речевые стратегии, которые препятствуют эффективной коммуникации. А многочисленные вебинары, семинары, мастер-классы и тренинги, объединенные тематикой «Русский язык для руководителей и сотрудников», только подтверждают то, что современное деловое общение понимается как процесс, контролируемый и управляемый представителем организации с целью успешного осуществления ее деятельности.

Одним из главных направлений клиентоориентированного поведения как необходимого условия для эффективного позиционирования фирмы на рынке услуг нами рассматривается разработка вербальных компонентов корпоративного имиджа (таких как философия компании, ее миссия и видение, корпоративные ценности), а также само название организации. В статьях «Речевые формулы философии российской организации» [Купфер, 2012] и «Особенности языкового выражения философии организации» [Купфер, 2013], опубликованных нами ранее, утверждается, что удачно сформулированная философия способна не только стать вдохновляющим девизом для руководства и сотрудников, но и сформировать положительный образ компании, тем самым в некоторой мере обеспечить ее конкурентное преимущество среди других фирм этой отрасли. Подробные результаты изучения наиболее распространенных способов наименования компаний изложены в статьях «Название современной инженерно-строительной организации как способ привлечения заказчиков» [Андреев, Купфер, 2016], «Особенности нейминга российских инженерно-строительных организаций» [Андреев, Купфер, 2014] и «Мифологические образы в названиях российских инженерно-строительных организаций» [Купфер, 2014].

В настоящей статье исследуется организационный дискурс компаний инженерно-строительной области с точки зрения реализации в нем клиентоориентированного подхода. Под организационным дискурсом нами понимается «совокупность текстов, созданных в данной лингвокультурной общности с целью формирования условий для речевого взаимодействия, а также поведенческих сценариев, отражающих организационную культуру фирмы» [Березовская, 2011. С. 8]. Таким образом, организационный дискурс, по нашему мнению, включает «профессиональную речь, переговорный диалог, корпоративный текст» [Там же].

Корпоративный текст во многом представляет собой инструмент влияния, который обладает «определенной интенцией, то есть общей установкой, направленностью на реализацию определенного результата, например, убеждение членов группы в правильности нарисованной картины мира и мобилизацию их для поддержки изложенной точки зрения» [Харченко, Шкатова, 2009. С. 341].

Все письменные корпоративные тексты, изученные нами в рамках организационного дискурса инженерно-строительных фирм, можно разделить на несколько групп, различающихся по целям, смысловому наполнению и языковому выражению: официальные документы; технические заключения и отчеты; информационные листовки, рекламные материалы и др. Анализ был проведен на материале текстов компаний ООО «М-СтройЭксперт», ООО «НПО “Надежность”», ООО «НПО “Проект Инновация”», ООО «Эксперт-Надежность», ООО «СК-Прогресс», ООО «Техногарант», ООО «Град» и некоторых других организаций, оказывающих строительные и инжиниринговые услуги. В итоге было исследовано 103 текста общим объемом 398 страниц.

К первой группе относятся официально-деловые документы компании, такие как договоры, положения, инструкции, доверенности, приказы, распоряжения, акты, справки, заявления, служебные записки, объяснительные записки, различные виды деловых писем (приглашения; запросы; извещения; подтверждения; просьбы; письма-напоминания; письма-ответы; гарантийные, сопроводительные, информационные письма и др.). Некоторые из этих документов (доверенности, приказы и т. д.) предназначены для внутренней коммуникации фирмы, поэтому для нашего исследования не представляют особого интереса.

Изучение клиентоориентированных корпоративных текстов данной группы позволило выявить их общие черты:

- функциональность документа, реализующаяся в жанрах договора (функция регулирования правовых отношений), справки, письма-ответа, информационного письма (функция передачи информации), предложения, письма-запроса, просьбы (функции волеизъявления и долженствования);

- стереотипность и клишированность композиции. В первую очередь это проявляется при составлении договора об оказании услуг, акта сдачи-приемки выполненных работ, накладной на передаваемую документацию. К примеру, основные разделы договора имеют такую упорядоченную структуру: *Представление Сторон; Предмет договора; Права и обязанности Сторон по договору; Порядок и условия проведения экспертизы; Порядок расчетов и сдачи-приемки услуг; Ответственность Сторон; Действие договора; Прочие условия; Особые условия; Заключительные положения; Адреса, банковские реквизиты, подписи Сторон*. Разделы накладной также выглядят строго определенным образом: *Исполнитель, Заказчик, Наименование документации, Состав документации, Документацию сдал, Документацию принял*;

- традиционность языкового оформления, выражающаяся в обилии готовых речевых формул для каждого вида документа. Например, в деловой переписке часто встречаются следующие стандартные речевые конструкции, которые призваны облегчить восприятие текста: *Согласно Вашему запросу; В ответ на Ваше письмо от (дата и номер письма); Доводим до Вашего сведения; Информировать Вас; Просим пролонгировать договор; Напоминаем, что срок выполнения работ истекает; Учитывая вышеуказанное; На Ваше предложение об участии в тендере сообщаем; Предлагаем Вам провести техническое совещание*.

Этикетные речевые формулы в деловых письмах используются для установления связей и поддержания взаимовыгодных контактов с заказчиками. Так, заключительные формулы вежливости демонстрируют значимость клиента для организации и заинтересованность в построении с ним благоприятных отношений: *С уважением; В ожидании ответа; С признательностью; С благодарностью; Заранее благодарны; Надеемся на плодотворное сотрудничество; В надежде на дальнейшее сотрудничество; С пожеланиями всего наилучшего; С добрыми пожеланиями*.

Бесспорным, на наш взгляд, является утверждение о том, что «письмо, запрос, коммерческое предложение, обнаруживающие речевую беспомощность составителя и составленные без знания стилистических норм и стандартов оформления, могут стать антирекламой для фирмы» [Хасаншин, Абисова 2012. С. 103].

Такие особенности официально-деловых документов инженерно-строительных компаний, как регламентированная структура, безэмоциональность, четкость и логичность выражения мысли, информационная нагрузка каждого элемента текста [Колтунова 2000], употребление речевых штампов, не отличают их от документов подобного типа, свойственных другим сферам деятельности общества.

На материале текстов деловых писем рассмотрена специфика функционирования языка с целью определения его роли в клиентоориентированной политике фирмы.

Основной тематикой деловой переписки инженерно-строительных компаний становится описание важнейших этапов обследования, его сроков и стоимости, поэтому некоторые речевые конструкции можно назвать стереотипными, характеризующими организационный дискурс фирм этой сферы. К примеру, в письмах-ответах повсеместно встречается речевая конструкция *Вышеуказанная стоимость работ определена на основе сметных норм, договорная стоимость может быть скорректирована*, демонстрирующая готовность к сотрудничеству и возможность найти оптимальное решение, выгодное для обеих сторон.

Подробное перечисление этапов рабочего процесса в ответ на запрос заказчика подчеркивает степень сложности проведения обследования или экспертизы, достоверность и точность полученных результатов, указывает на тщательную подготовку специалиста, а значит, на профессионализм и компетентность исполнителя, что, несомненно, положительно влияет на репутацию сотрудника и имидж фирмы в целом.

Конструкция *Согласно Вашему запросу стоимость производства экспертизы трёх объектов по адресу ул. Рубинштейна, 5 составит 42000 (Сорок две тысячи) руб.* тоже является стандартной и может лишь незначительно изменяться, ср.: *Стоимость работ по замеру прочности бетона подвала цеха металлоизделий ЗАО «ПМИ» составит 230000 (Двести тридцать тысяч) руб.* Таким образом, можно утверждать, что применение подобных стандартных речевых формул ускоряет и упрощает деловую коммуникацию, а в итоге повышает уровень клиентоориентированности текстов.

Результаты исследования языковых особенностей официальных документов фирм инженерно-строительного профиля позволяют сделать вывод о том, что основными функциями таких текстов являются регулирование отношений с заказчиками, оказание благоприятного воздействия на клиентов и получение от них положительной обратной связи.

В. С. Кочетова полагает, что «совокупность информации, поступающей во внешнюю среду от имени корпорации, может быть отнесена к корпоративной информации. Для формирования благоприятного имиджа корпорации необходимо, чтобы данная информация отвечала принципам открытости, прозрачности и достоверности» [2010. С. 185]. Этим принципам в полной мере соответствует вторая группа проанализированных корпоративных текстов, куда входят технические заключения и отчеты, написанные экспертами организации на основе проведенных инженерно-строительных работ (экспертизы промышленной безопасности, проектирования зданий и сооружений, инженерных изысканий, строительного контроля и др.) и оформленные в соответствии с требованиями ГОСТ Р. При этом понятия «заключение» и «отчет» употребляются специалистами в качестве синонимов.

Корпоративные тексты данной группы также можно считать клиентоориентированными, потому что главными целями заключений являются консультация заказчика по интересующим его техническим вопросам; информирование о существующих дефектах, повреждениях конструкций и их причинах; убеждение клиента в необходимости проведения ответных мероприятий во избежание нежелательных последствий, для обеспечения контроля и повышения безопасности эксплуатации объекта.

Следование нормативному образцу, разработанному специально для отчетов и экспертных заключений, предопределяет их структуру, выраженную в четкой последовательности разделов: *Вводная часть, Объект обследования (проверки), Цель обследования (работ), Сроки и этапы проведения обследования (изысканий), Сведения о рассмотренных документах, Методика проведения и результаты обследования, Выводы и рекомендации, Заключение, Приложения, Для заметок и примечаний.* Это основные разделы отчета, в который в зависимости от вида работ могут быть добавлены и другие главы: *Краткая характеристика объекта обследования, Объем выполненных изысканий, Инженерно-геологическая характеристика площадки, Сбор нагрузок и определение расчётной схемы, Определение запаса несущей способности плит покрытия.*

Одним из самых важных для заказчика разделов технического заключения оказывается глава «Выводы и рекомендации», в которой клиент получает необходимые советы и указания для дальнейших действий. В этой части отчета наблюдается употребление инфинитива (*Выполнить сварные швы согласно требованиям ГОСТ, организовать контроль за состоянием несущих строительных конструкций, провести закрепление стены к колоннам*) и большого количества лексем со значением долженствования (*Наружные стены нуждаются в утеплении, Необходимо выполнить монтажные узлы конструкций фахверка*), что свидетельствует об основной функции данного раздела – побудительной.

Наиболее явно клиентоориентированный подход реализуется именно в последних главах отчета «Выводы и рекомендации» и «Заключение», поскольку здесь эксперт дает подробную информацию, подтвержденную точными расчетами, достоверными результатами испытаний и исследований. При этом исполнитель готов не только найти эффективное для заказчика решение проблемы (*Для приведения конструкций здания в работоспособное состояние, а также для выполнения мониторинга необходимо выполнить монтажные стыки и узлы*

сопряжения верхних поясов ферм с опорными стойками ферм), но и предложить ему варианты экономической выгоды (*Принятие оптимизированных проектных решений позволило бы получить значительную экономию денежных ресурсов*), что, бесспорно, заслуживает доверительного отношения к представителю организации со стороны клиента.

По нашим наблюдениям, в заключениях повсеместно используются инженерно-строительные термины (*техническое состояние, сплошное визуальное обследование* и др.), аббревиатуры (*ИГИ, СП, ТЗ, УЗК* и др.) и сложносокращенные слова (*генпроектировщик, грансостав, капремонт* и др.). Безусловно, подготовленный читатель уже обладает необходимыми знаниями для их понимания, однако для заказчика, далекого от инженерно-строительной сферы деятельности, это может быть непросто, что в результате может привести к возникновению барьеров в коммуникации. К тому же в отчетах отсутствуют дефиниции узкоспециальных терминов, за исключением аббревиатур и понятий, описывающих категории технического состояния зданий и сооружений. По нашему мнению, с целью предупреждения коммуникативных неудач, а в итоге для повышения клиентоориентированности текста можно ввести в заключение специальный раздел с определениями важнейших терминов.

В целом для текстов данной группы характерны точность, ясность, сухость изложения, высокая степень доказательности и четко выстроенная система аргументации, что полностью отвечает основным требованиям клиента при заказе экспертизы или обследования: на основании осмотра и расчетов получить профессиональные рекомендации, установить степень работоспособности строительных конструкций, объяснить причины появления деформаций зданий или сооружений и т. д.

Наибольший интерес с позиции клиентоориентированности представляют письменные корпоративные тексты третьей группы, созданные непосредственно для потенциального клиента: это информационные и презентационные листовки, рекламные буклеты и плакаты, тексты для периодических изданий и для размещения на сайте компании. Если официальные документы и технические заключения инженерно-строительных фирм ориентированы на удовлетворение потребностей и желаний заказчика, установление и поддержание с ним прочных деловых связей, то тексты последней группы характеризуются стремлением привлечь новых клиентов, а именно вызвать у них определенную реакцию путем активного речевого воздействия. Такие тексты являются результатом творческой деятельности, и поэтому их «уникальность предполагает абсолютную свободу в выборе средств выражения заложенной в рекламе идеи» [Матвеева, 2013. С. 144].

В данном случае корпоративный текст – это один из важных источников информации: он может объяснять предназначение организации, подчеркивать ее преимущества по сравнению с конкурентами, заявлять об уникальности и высоком уровне предоставления услуг. А рекламная функция такого текста очевидна: презентация положительного образа компании, ознакомление с ее перспективными планами и основными направлениями развития, акцент на успехах и достижениях специалистов не оставляют сомнений в профессионализме сотрудников, в коммерческом успехе организации, а значит, способствуют завоеванию доверия у потенциального заказчика и влияют на его решение при выборе фирмы. Таким образом, от того, насколько убедительным, продуманным и запоминающимся будет рекламный корпоративный текст, во многом зависит успешное позиционирование компании на рынке услуг.

В результате исследования текстов последней группы выявлено, что инженерно-строительные организации используют в рекламных целях различного вида листовки, тогда как строительные фирмы – преимущественно буклеты и плакаты, что определяется, по нашему мнению, спецификой их деятельности. Очень часто информация из этих источников дублируется в периодических изданиях и на корпоративном сайте компании.

Считается, что информационная листовка, по сравнению с другими типами рекламных текстов, обладает высокой содержательностью и максимальной эффективностью, потому что в небольшом по объему тексте заказчик может почерпнуть всю важную для себя информацию [Чемякин, 2006]. Обычно это перечень услуг, которые предоставляет организация, ее

преимущества и гарантии, контакты и место расположения. Причем арсенал используемых здесь языковых средств весьма скромнен: употребляется нейтральная лексика, отсутствуют восклицательные предложения и риторические вопросы, а воздействие на адресата осуществляется с помощью цветовых и шрифтовых выделений, подчеркиваний: *Наша компания **может** вам оптимально решить любые вопросы по негосударственной экспертизе, Компания «ГлавФундамент» – это **новые возможности, качество и современный подход** к решению задач*¹.

Напротив, рекламные буклеты и плакаты характеризуются разнообразием используемых в них языковых средств. Вслед за Т. А. Чеботниковой мы полагаем, что, «внушая определенную мысль, апеллируя к эмоциям объекта речевого воздействия, говорящий стремится привести его в нужное эмоционально-психологическое состояние» [Чеботникова, 2005. С. 76]. Так, например, часто встречающиеся в текстах глаголы в форме повелительного наклонения побуждают адресата к незамедлительному выполнению действия, а формы второго лица единственного или множественного числа акцентируют внимание на потенциальном клиенте и усиливают эффект сопричастности, личной заинтересованности: *Построй свой дом вместе с нами; Построй свое будущее; Начни строительство с нами!; Порадуй себя; Стремись к прекрасному!; Хватит мечтать! Строй!; Распахни дверь навстречу счастью!; Открой дверь в светлое будущее.*

Особое влияние на будущего заказчика оказывает прием интимизации, под которым понимается «использование в деловой сфере речевых стратегий (оборотов) и тем, свойственных сугубо личному взаимодействию, общению с близкими людьми» [Шкатова, Харченко, 2014. С. 104]. Этим критериям отвечает употребление личных местоимений *мы, ты, вы*, что подчеркивает стремление сблизиться с клиентом, установить с ним доверительные отношения и сформировать ощущение дружеского общения: *...мы предлагаем вам новое качество жизни, ваш собственный мир комфорта, созданный с любовью и заботой о том, чтобы ваша жизнь здесь была счастливой и чтобы проблемы и заботы каждого из вас оставались за пределами поселка «Светлый», а жизнь «в одном из этих красивых домов» не приносила ничего кроме удовольствия! **Поселок «Светлый» – ваш будущий дом и ваше новое качество жизни!!!***

Интимизация рекламного текста находит отражение еще и в том, что представители компании проявляют заботу о своем клиенте, понимают его мечты и нужды, предлагают помощь в их достижении: *Городская суета с ее тревогами, сомнениями и стрессами буквально изнуряет организм. И вот уже нет ни сил, ни настроения, ни спокойствия... Будучи оторванным от природы, находясь в окружении бетонных коробок, человек не имеет возможности по-настоящему расслабиться. В наши дни загородная жизнь приобретает новый смысл и дополнительную ценность.*

Вы можете работать в Магнитогорске, а жить в доме своей мечты среди нетронутой природы, целительных трав и чистого воздуха. Роза ветров имеет преимущественное направление северо-западное и юго-западное, тем самым защищая поселок от вредных выбросов комбината и других предприятий города.

Насыщенность, яркость и эмоциональность речи в этих текстах создает красочный образ райского уголка, где царят уют, любовь и счастье, где осуществляются мечты о благополучной и спокойной жизни. Притяжательные местоимения *твой, свой, ваш* и лексема *собственный* подчеркивают реальность таких фантазий, достижимость идеала, т. е. настраивают читателя на определенное восприятие действительности.

Также этой цели служит используемый в рекламных корпоративных текстах прием одушевления, который усиливает впечатление реальности и осязаемости: *умный дом, Твой дом скажет тебе Спасибо!*

¹ Здесь и далее в примерах особенности орфографии и пунктуации источника сохранены.

Убедительной является позиция, согласно которой «современные рыночные отношения требуют от участников бизнес-процессов четкой идентификации» [Харченко, Шкатова, 2014. С. 30]. Действительно, инженерно-строительные организации стараются обратить на себя внимание новых заказчиков, выделиться на фоне конкурентов, поэтому всеми способами пытаются заявить о себе. К примеру, в рекламных текстах наряду с эмоциональностью речи часто используются восклицательные предложения и риторические вопросы: *Хотите построить своё семейное гнездышко – уютный и просторный дом? Желаете купить готовое жилье недорого, удобно его обустроить и жить счастливо? Стремитесь к тому, чтобы ваше жилище было необычным, современным и доступным по цене? Добро пожаловать в «Зеленую Долину»! Здесь вам захочется остаться навсегда!*

В исследуемых текстах обращает на себя внимание постоянная вербализация понятия «счастье», что ведет к установлению в сознании клиента связи конкретной компании с ощущением радости, удовольствия и полноты жизни: *жить счастливо, счастливый поселок, Твой будущий дом пахнет счастьем, Всё для счастья.*

Анализ корпоративных текстов третьей группы позволяет выявить круг основных интересов заказчика, его главные критерии при выборе фирмы: это безопасность (*Сделай свой дом безопасным! Обезопасьте себя и своих близких! Безопасность превыше всего!*), стоимость (*цены вас приятно удивят, по приятным ценам, доступным цены, низкие цены*) и качество услуг (*Мы за качество!, Только высокое качество!*), профессионализм сотрудников (*только профессионалы своего дела, Доверяйте профессионалам!*).

Проведенный анализ подтверждает мысль о том, что любой корпоративный текст компании является ее визитной карточкой [Ваганова, 2008]. При этом следует отметить, что все изученные нами письменные корпоративные тексты полностью лишены конфликтогенов, способных спровоцировать конфликт или стать причиной коммуникативных неудач. По нашему мнению, это объясняется отсутствием непредвиденных ситуаций в письменном общении, а также адресностью, подготовленностью и осмысленностью текста, которые, безусловно, являются главными преимуществами письменной коммуникации.

Таким образом, результаты исследования письменных корпоративных текстов с точки зрения их клиентоориентированности позволяют утверждать, что тексты, репрезентирующие организационный дискурс фирм инженерно-строительной отрасли, являются продуктами клиентоориентированного поведения сотрудников компании, создаются с ориентацией на привлечение новых заказчиков, сохранение и поддержание с ними постоянных взаимовыгодных отношений, что, бесспорно, является одним из важных условий эффективной деятельности организации.

Список литературы

- Андреев В. М., Купфер Л. В.** Название современной инженерно-строительной организации как способ привлечения заказчиков // Архитектура. Строительство. Образование: Научно-технический и производственный журнал. 2016. № 1 (7). С. 136–142.
- Андреев В. М., Купфер Л. В.** Особенности нейминга российских инженерно-строительных организаций // Архитектура. Строительство. Образование: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2014. С. 22–28.
- Апенько С. Н.** Методологические основы оценки клиентоориентированности персонала организаций // Омск. науч. вестник. Серия: Социологические и экономические науки. 2010. № 1 (85). С. 72–74.
- Апенько С. Н., Шавровская М. Н.** Клиентоориентированность персонала в концепции маркетинга отношений // Вестник Омск. ун-та. Серия: Экономика. 2010. № 2. С. 50–56.
- Березовская Я. Л.** Организационный дискурс коммерческих фирм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 22 с.

- Ваганова Е. В.** Отражение особенностей языкового сознания в корпоративном тексте // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2008. № 9. С. 11–14.
- Колтунова М. В.** Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет: Учеб. пособие для вузов. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. 271 с.
- Коновалова Е. Е.** Клиентоориентированность как ключевой фактор эффективной деятельности туристского предприятия // Сервис в России и за рубежом. Секция: Маркетинг и логистика в туризме. 2015. Т. 9, № 5. С. 118–128.
- Кочетова В. С.** PR-текст как способ формирования имиджа корпорации // Вестник Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2010. № 2. С. 179–189.
- Купфер Л. В.** Мифологические образы в названиях российских инженерно-строительных организаций // Актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований: язык, культура, ментальность: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2014. С. 21–26.
- Купфер Л. В.** Особенности языкового выражения философии организации // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 77, № 14 (305). С. 35–37.
- Купфер Л. В.** Речевые формулы философии российской организации // Русский язык в странах СНГ: проблемы и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Костанай, 2012. С. 89–93.
- Матвеева Е. А.** Лексический повтор в рекламном тексте: особенности использования, стилистические возможности // Омск. науч. вестник. Серия: Филологические науки. 2013. № 3 (119). С. 144–146.
- Харченко Е. В., Шкатова Л. А.** Лингвокультурный словарь корпорации // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 29–31.
- Харченко Е. В., Шкатова Л. А.** Предметное поле «организационной лингвистики» // Дискурс, концепт, жанр: Коллект. моногр. / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. С. 334–344.
- Хасаншин И. А., Абисова Е. Л.** Деловые коммуникации. Конспект лекций. Самара, 2012. 308 с.
- Чеботникова Т. А.** Речевое общение как объект и предмет изучения // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 11 (49). С. 75–79.
- Чемакин Ю. В.** Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург, 2006. 184 с.
- Шавровская М. Н.** Теоретические основы формирования и оценки клиентоориентированности персонала // Дискуссия. 2011. № 9 (17). С. 62–66.
- Шкатова Л. А., Харченко Е. В.** Языковые средства и приемы обольщения потребителя (на примере дискурса почтовых отправлений коммерческих организаций) // Вестник Челяб. гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2014. Вып. 88. № 6 (335). С. 102–106.

References

- Andreev V. M., Kupfer L. V.** Nazvanie sovremennoi inzhenerno-stroitel'noi organizatsii kak sposob privlecheniya zakazchikov [The Name of the Modern Engineering and Construction Organization as a Way to Attract customers]. *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Obrazovanie* [Architecture. Construction. Education], 2016, no. 1 (7), p. 136–142. (in Russ.)
- Andreev V. M., Kupfer L. V.** Osobennosti neiminga rossiiskikh inzhenerno-stroitel'nykh organizatsii [Features of Naming of Russian Civil Engineering Organizations]. In: *Arkhitektura. Stroitel'stvo. Obrazovanie* [Architecture. Construction. Education]. Proc. of Conf. Magnitogorsk, 2014, p. 22–28. (in Russ.)
- Apenko S. N.** Metodologicheskie osnovy otsenki klientoorientirovannosti personala organizatsii [Methodological Basis for Assessing the Customer Focus of Staff of Organizations]. *Omsk Academic Bulletin. Series: Sociological and Economical Sciences*, 2010, no. 1 (85), p. 72–74. (in Russ.)

- Apenko S. N., Shavrovskaya M. N.** Klientoorientirovannost' personala v kontseptsii marketinga otnoshenii [Personnel Client-Orientedness in the Concept of Relationship Marketing]. *Omsk University Bulletin. Series: Economics*, 2010, no. 2, p. 50–56. (in Russ.)
- Berezovskaya Ya. L.** Organizatsionnyi diskurs kommercheskikh firm [Commercial Organizational Discourse]. Cand. phil. sci. syn. diss. Chelyabinsk, 2011, 22 p. (in Russ.)
- Chebotnikova T. A.** Rechevoe obshchenie kak ob'ekt i predmet izucheniya [Speech Communication as an Object and Subject of Research]. *Orenburg State University Bulletin*, 2005, no. 11 (49), p. 75–79. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. V.** Korporativnye SMI: sekrety effektivnosti [Corporate Media: Secrets of Efficiency]. Monograph. Ekaterinburg, 2006, 184 p. (in Russ.)
- Kharchenko E. V., Shkatova L. A.** Lingvokul'turnyi slovar' korporatsii [Linguistic and Cultural Dictionary of the Corporation]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 2014, no. 3 (45), p. 29–31. (in Russ.)
- Kharchenko E. V., Shkatova L. A.** Predmetnoe pole “organizatsionnoi lingvistiki”. Diskurs, kontsept, zhanr [The Subject Field of “Organizational Linguistics”. Discourse, Concept, Genre]. Collective Monograph. Nizhnii Tagil, NTGSPA Publ., 2009, p. 334–344. (in Russ.)
- Khasanshin I. A., Abisova E. L.** Delovye kommunikatsii. Konspekt lektsii [Business Communications. Lecture Notes]. Samara, 2012, 308 p. (in Russ.)
- Kochetova V. S.** PR-tekst kak sposob formirovaniya imidzha korporatsii [PR-Text as a Way of Forming a Corporate Image]. *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*, 2010, no. 2, p. 179–189. (in Russ.)
- Koltunova M. V.** Yazyk i delovoe obshchenie: normy, ritorika, etiket [Language and Business Communication: Norms, Rhetoric, Etiquette]. A Textbook. Moscow, Ekonomika Publ., 2000, 271 p. (in Russ.)
- Konovalova E. E.** Klientoorientirovannost' kak klyuchevoi faktor effektivnoi deyatel'nosti turist-skogo predpriyatiya [Client-orientation as a key factor in the effective operation of a tourism company]. *Servis v Rossii i za rubezhom. Sektsiya: Marketing i logistika v turizme* [Service in Russia and Abroad. Section: Marketing and Logistics in Tourism], 2015, vol. 9, no. 5, p. 118–128. (in Russ.)
- Kupfer L. V.** Mifologicheskie obrazy v nazvaniyakh rossiiskikh inzhenerno-stroitel'nykh organizatsii [Mythological Images in the Names of Russian Civil Engineering Organizations]. In: Aktual'nye problemy teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy: yazyk, kul'tura, mental'nost' [Actual Problems of Theoretical and Applied Research: Language, Culture, Mentality]. Magnitogorsk, 2014, p. 21–26. (in Russ.)
- Kupfer L. V.** Osobennosti yazykovogo vyrazheniya filosofii organizatsii [Features of the linguistic expression of organization philosophy]. *Chelyabinsk State University Bulletin. Series: Philology, Art Studies*, 2013, iss. 77, no. 14 (305), p. 35–37. (in Russ.)
- Kupfer L. V.** Rechevye formuly filosofii rossiiskoi organizatsii. In: Russkii yazyk v stranakh SNG: problemy i perspektivy [Speech Formulas of the Philosophy of the Russian Organization. Russian Language in the CIS Countries: Problems and Prospects]. Kostanai, 2012, p. 89–93. (in Russ.)
- Matveeva E. A.** Leksicheskii povtor v reklamnom tekste: osobennosti ispol'zovaniya, stilisticheskie vozmozhnosti [Lexical Repetition in Advertising Text: Features of Use, Stylistic Functions]. *Omsk Academic Bulletin. Series: Philological Studies*, 2013, no. 3 (119), p. 144–146. (in Russ.)
- Shavrovskaya M. N.** Teoreticheskie osnovy formirovaniya i otsenki klientoorientirovannosti personala [Theoretical Foundations of the Formation and Assessment of Customer Focus]. *Diskussiya* [Discussion], 2011, no. 9 (17), p. 62–66. (in Russ.)
- Shkatova L. A., Kharchenko E. V.** Yazykovye sredstva i priemy obol'shcheniya potrebitelya (na primere diskursa pochtovykh otpravlenii kommercheskikh organizatsii) [Linguistic Means and Methods of Seducing the Consumer (on the Example of the Discourse of Mail Items of Com-

mercial Organizations)]. *Chelyabinsk State University Bulletin. Series: Philology, Art Studies*, 2014, iss. 88, no. 6 (335), p. 102–106. (in Russ.)

Vaganova E. V. Otrazhenie osobennostei yazykovogo soznaniya v korporativnom tekste [Reflection of the Features of Linguistic Consciousness in a Corporate Text]. *Chelyabinsk State University Bulletin. Series: Philology, Art Studies*, 2008, no. 9, p. 11–14. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
29.10.2019

Сведения об авторах

Андреев Владимир Михайлович, кандидат технических наук, доцент кафедры строительного производства; Институт строительства, архитектуры и искусства; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия)
v.andreeff@mail.ru

Купфер Любовь Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий библиотекой, Средняя общеобразовательная школа № 51 им. Ф. Д. Воронова г. Магнитогорска (ул. Калинина, 6, Магнитогорск, 6455023, Россия)
Lubchensky@mail.ru

Information about the Authors

Vladimir M. Andreev, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Construction Production, Institute of Construction, Architecture and Art, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38 Lenin Ave., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation)
v.andreeff@mail.ru

Lyubov V. Kupfer, candidate of Philology, head of the library, Voronov Magnitogorsk Secondary school № 51 (6 Kalinin Str., Magnitogorsk, 455023, Russian Federation)
Lubchensky@mail.ru

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-90-98

Провал коммуникации как архитектурный фактор поэтики А. П. Чехова («Кошмар», «Враги», «Неприятность»)

Л. Н. Синякова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Изучается проблема непонимания в прозе А. П. Чехова. В коммуникативном аспекте проблема формулируется как неспособность слышать другого. Несостоявшаяся коммуникация встраивается в архитектуру чеховской прозы в качестве одного из конструктивных факторов. Сюжетно три анализируемых рассказа организованы вокруг события встречи социальных оппонентов («Кошмар», «Враги») или поисков правды, толчком к которым послужил бытовой конфликт («Неприятность»). Архитектурно повествование реализуется в поляризации («Кошмар»), аннигиляции («Враги») и изоляции ценностей персонажей в коммуникации (потенциальном диалоге).

В рассказе «Кошмар» композиционно преобладает точка зрения земского деятеля Кунина, свысока третирующего деревенского священника о. Якова. Конец рассказа представлен исповедальным словом священника, признающего в своей крайней бедности (ошибочно принятой Куниным за «поповскую жадность»). Разглагольствования уездного либерала о церковно-общественных вопросах опровергаются жизненной практикой одного из клириков. Непродолжительное потрясение Кунина («узнавание» обстоятельств бедности священника) комментируется автором в риторическом ключе. Попытка барина понять социального оппонента трактуется в статье как эмоциональное сближение с позицией собеседника со стороны Кунина и возвращение к исходному состоянию непонимания.

Рассказ «Враги» продолжает тему социального спора, но конфликт углубляется за счет выявления в социальном бытовании экзистенциального качества (столкновение двух утрат – малолетнего сына в семье доктора Кирилова и «водевильного» бегства супруги богача Абогина). Кирилов отрицает право Абогина на переживание несчастья. Ценности персонажей расходятся, отнесенные к разным экзистенциальным уровням.

«Неприятность» представляет собой рассказ иного сюжетного типа. В основе его лежит не спор социальных оппонентов, а попытка главного персонажа преодолеть личное сомнение и социальную косность. Бытовое, по сути, происшествие в больнице, в котором равно виноваты доктор Овчинников и фельдшер, приводит доктора к моральному коллапсу. Отношение уездного начальства к служебной «неприятности» носит формальный характер, и доктор понимает, что его обращение к ценностям высшего порядка никому не интересно. Архитектоника рассказа выявляет, во-первых, провал коммуникации как таковой и, во-вторых, неразрешимость внутреннего конфликта современного Чехову интеллигента.

Ключевые слова

архитектоника, провал коммуникации, ценности, мироположение

Для цитирования

Синякова Л. Н. Провал коммуникации как архитектурный фактор поэтики А. П. Чехова («Кошмар», «Враги», «Неприятность») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 90–98. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-90-98

Communication Failure in A. P. Chekhov's Poetics: Architectonic Factor (*A Nightmare, Enemies, An Awkward Business*)

L. N. Sinyakova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The article examines communication failure which is one of the major factor of Chekhov's poetics. The problem of architectonics is based on dialogue principle in narrative and values unity.

Results. *A Nightmare* is a story of social misunderstanding. A public character Kunin treats a country priest father Yakov as a hard-drinking person. He is highly snobbish and refuses to hear the poor priest. Finally, his revelation of someone's else being, except his own, shakes him much. But his newly gained knowledge about social issues such as destitution is not deep. Later, Kunin calms down and ruminates over his lack of money to help father Yakov and the other poor person, the doctor. The author's conclusion discredits his attempt to become a better person. Overall, the dialogue of positions is just quasi-communication.

In his next work, *Enemies*, Chekhov's poetic construction appears to be more complicated. Doctor Kirilov and Abogin, a rich man, both experience grief, but the reasons for their grief are entirely different. Doctor has lost his only little son an hour before, but Abogin compels him to save his wife. When they arrive to Abogin's country-estate, it turns out that the woman has just run away with her lover. This farce provokes the doctor's rage. He blames Abogin, saying that the rich man's distress is empty and ridiculous. According to the author, the offended Kirilov can hardly be considered wrong. And once again, the author's conclusion sums up the short story. An existential connotation manifests the communication breakdown.

The third short story, *An Awkward Business*, is devoted to problem of total communication failure. The main character, doctor Ovchinnikov, is not heard at all. His business matter turns out to be a matter of further existence, but nobody wants to understand the essence of his trouble. Finally, his case is interpreted in a formal way and is not solved. The author simply lets things go on, standing outside the text. And this is the innovative feature of Chekhov's mature creative work.

Conclusion. To sum up, in three Chekhov's short stories communication failure is an important factor of poetics, which is developed in his later works.

Keywords

architectonics, communication failure, values system, ethic outlook

For citation

Sinyakova L. N. Communication Failure in A. P. Chekhov's Poetics: Architectonic Factor (*A Nightmare, Enemies, An Awkward Business*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 90–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-90-98

Введение

В заглавие настоящей статьи вынесена формула Ю. К. Щеглова «провал коммуникации». Исследователь определяет этот параметр чеховской поэтики в качестве одного из конструктивных для его художественной парадигмы: «Автоматизм и оскудение духовной жизни приводят к невозможности сколько-нибудь содержательного общения. Несоответственная реакция партнера на порыв общительности и интимности со стороны героя, душевная глухота, уход от ответа – мотив, фигурирующий у Чехова на первом месте» [Щеглов, 2012. С. 210]. Разумеется, «провал коммуникации» является не только мотивом, но и элементом архитектуры чеховских рассказов – именно архитектурный аспект ситуации взаимного непонимания (неуслышанности) станет предметом данной статьи.

Проблемы коммуникации у Чехова обстоятельно изучены в одноименной монографии А. Д. Степанова, в которой доказывается, что закономерность квазиобщения тематически эквивалентна «теме жизни, разрушенной познавательным заблуждением» [2005. С. 361]. Ученый приходит к выводу, что в чеховской поэтике «провалы коммуникации оказываются не просто потенциально возможны, но и <...> неизбежны. <...> Желание, знаковость, текстуальность доминирует над реальностью и подменяет социофизические реалии» [Там же.

С. 361–362]. Чеховский герой в таком случае «всегда готов принять одно за другое – желаемое за действительное, нестрашное за страшное, красивое за разумное или морально безупречное и т. д., – отсюда постоянные полярные переоценки мира и отсутствие взаимопонимания» [Степанов, 2005. С. 362].

Под архитектурой в настоящей статье понимается ценностная организация эстетического объекта (в котором сосуществуют персонажи, природа и вещи; который претворен в событие / воплощен бытийно, которому свойствен тип эстетического завершения и пр.). Согласно М. М. Бахтину, «архитектонические формы суть формы душевной и телесной ценности эстетического человека, формы природы – как его окружения, формы его события в его лично-жизненном, социальном и историческом аспекте и проч.; все они суть достижения, осуществленности, они ничему не служат, а успокоенно довлеют себе, – это формы эстетического бытия в его своеобразии» [1975. С. 20–21]. В соответствии с допущением ценностного выстраивания мира-объекта мыслитель объясняет в другой работе той же поры (1920-х гг.): «Этот мир дан мне с моего единственного места как конкретный и единственный. Для моего <...> сознания он, как *архитектоническое целое* (выделено автором. – Л. С.), расположен вокруг меня как единственного центра исхождения моего поступка...»; соответственно «высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно значимое противопоставление я и другого. Два принципиально различных, но соотносимых между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [Бахтин, 2003. С. 51–52, 67]. Поэтому объяснимо соотношение ценностных позиций персонажей в единой ценностной структуре художественного целого: проблема непонимания – неуслышания выдвигается в архитектурно значимый элемент чеховского художественного универсума.

Материалом статьи послужили три рассказа А. П. Чехова переходного периода («Кошмар», 1886, «Враги», 1887) и начала зрелого творчества («Неприятность», 1888). Провал коммуникации изучается в качестве архитектурного фактора поэтики писателя.

Результаты исследования

«Кошмар». Событие «узнавания» и поляризация ценностей

В рассказе «Кошмар» член по крестьянским делам присутствия Кунин, вернувшись из Петербурга в свое имение и проведя там уже год, назначает встречу местному священнику о. Якову. Выясняется, что Кунин так и не познакомился со священником, и нынешняя встреча видится ему удобным поводом для знакомства. Сюжет рассказа представляет собой историю несостоявшегося диалога. Композиционно рассказ организован как столкновение точек зрения двух главных персонажей – Кунина и о. Якова. Основной сюжет организован точкой зрения «барина»; конец рассказа выстроен сюжетной «репликой» о. Якова – именно она потенцирует (квази)диалогическую структуру произведения.

Первое впечатление Кунина от вида о. Якова транслирует недоверие: «Какое аляповатое, бабье лицо!»; «Станный субъект... – подумал Кунин, глядя на его (о. Якова. – Л. С.) полы, обрызганные грязью. – Приходит в дом первый раз и не может поприличней одеться» [Чехов, 1984. Т. 5. С. 60, 61]¹. Пренебрежительное обращение хозяина к гостю предопределено этой социально-антропологической пресуппозицией: «Садитесь, батюшка, – начал он более развязно, чем приветливо <...> Малорослый, узкогрудый <...>, он на первых же порах произвел на Кунина самое неприятное впечатление. Ранее Кунин никак не мог думать, что на Руси есть такие несолидные и жалкие на вид священники, а в позе отца Якова, в этом держании ладоней на коленях и сидении на краешке, ему виделось отсутствие достоинства и даже подхалимство» (т. 5, с. 61). И пока земской деятель вдохновенно излагает планы по открытию церковно-приходской школы, на которую у общины на самом деле нет и не будет денег,

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

о. Яков застенчиво молчит. Психологический портрет персонажа, в сущности, готов, полагает Кунин: «Малый, как видно, не из очень умных <...> Не в меру робок и глуповат» (т. 5, с. 62). И далее в первом эпизоде – визите о. Якова – оценочная точка зрения выражается в непосредственных (реактивных) комментариях Кунина.

Оживление батюшки во время чаепития, припрятывание кренделька поражают хозяина: «Ну, уж это совсем не по-иерейски! – подумал Кунин, брезгливо пожимая плечами. <...> Что это, поповская жадность или ребячество?» (т. 5, с. 62). Семейное приглашение сесть, жест откидывания на спинку кресла – в то время как гость «неловко опустился на край кресла», брезгливое пожимание плечами – всё это вербальные и невербальные сигналы, передающие позицию превосходства образованного господина над забитым деревенским священником. После ухода отца Якова Кунин иронизирует по поводу такого жалкого пастыря, а потом предаётся размышлениям об образцовом священнике и даже сочиняет проповедь, предназначенную для публичного чтения в церкви («Дам тому рыжему, пусть прочтет в церкви...», – думал он (т. 5, с. 63)). «Тот рыжий», лишенный имени и обозначенный указательным местоимением, – человек малоценный в социальных координатах земского функционера.

Когда Кунин, в свою очередь, навещает о. Якова, его поражает ветхость церкви и прихожан: «Где же рабочий возраст? Где юность и мужество? Но, постояв немного и взглядевшись в старческие лица, Кунин увидел, что молодых он принял за старых. Впрочем, этому маленькому оптическому обману он не придавал особого значения» (т. 5, с. 64). Риторическое речевое поведение (собирательные сущительные, риторические вопросы, ораторские штампы) иронически снижает образ субъекта внутренней речи, а его неспособность разглядеть до времени постаревшие лица молодых крестьян свидетельствует о равнодушии к тем социальным вопросам, которые он призван решать. Однако герой читает наставление о. Якову о «высоте призвания» духовенства и «развитии и нравственных качествах» отдельных его представителей (т. 5, с. 66). Раздражение Кунина возрастает после того, как он посещает убогий дом священника и, не дождавшись чаю, уходит.

Решив, что о. Яков невежа и пьяница, он, в полной уверенности в том, что выполняет свой гражданский долг, изложил свое мнение в письме к архиерею. В очередной приход священника Кунин «порешил не начинать разговора о школе, не метать бисера» (т. 5, с. 67). Отметим усеченный фразеологизм, передающий крайнюю степень пренебрежения к собеседнику. Кунин предъявляет установку на коммуникативную закрытость по отношению к оппоненту. Однако уездному общественному деятелю приходится выслушать горестный рассказ гостя о той нужде, которую он ошибочно принял за «поповскую жадность»: о том, что о. Яков ходит за семь-восемь верст к Кунину, а тот еще и не велит его принимать; о том, что в доме нет даже чаю, а из скудного жалованья священник выделяет три рубля спившемуся и отстраненному от службы о. Авраамии; о том, что он стыдится своей латаной рясы... Потрясение Кунина в целом соответствует кульминации «рассказа открытия». В. Б. Катаев относит «Кошмар», в числе многих других чеховских рассказов, к этой жанровой парадигме [Катаев, 1979. С. 9–21]. «Открытия в произведениях Чехова не завершают и не подытоживают исканий героев, – подчеркивает исследователь. – Они не знаменуют собой прихода к новому философскому мировоззрению <...>. Новое видение может прийти и уйти, чаще же всего оно несет с собой не успокоение, а новое беспокойство. Не поэтика обретения конечных истин вырабатывалась в “рассказах открытия”, а поэтика бесконечного процесса поисков ответа на вопросы, на которые не дано <...> ответа» [Там же. С. 19]. В рассказе «Кошмар» как произведении, в котором жанр далеко не оформлен, «открытие» персонажа не влечет его к поиску истины, а выражается в кратковременном нарушении эмоционального равновесия.

Порыв Кунина оказался довольно слабым – решив хоть немного помочь священнику и столь же обездоленному доктору, он малодушно рассчитывает предполагаемые траты из своего жалованья и понимает, что едва может покрыть свои расходы... Рассказ завершается авторским риторическим выводом: «Тут вдруг Кунин вспомнил донос, который написал он

архиерею, и его всего скорчило, как от невзначай налетевшего холода. Это воспоминание наполнило всю его душу чувством гнетущего стыда перед самим собой и перед невидимой правдой... Так началась и завершилась искренняя потуга к полезной деятельности одного из благонамеренных, но чересчур сытых и не рассуждающих людей» (т. 5, с. 73). Ироническая редукция «стыда» до «потуги» означает, что «открытие», действительно, не привнесло в жизнь благодушного либерала ничего существенно нового.

В целом рассказ выстроен как комбинация двух социально-психологических планов с соответствующими персонажными центрами – не лишённого совестливости либерала, пытающегося занять патерналистскую позицию по отношению к «низшим» сословиям, и униженного нищетой молодого священника. Архитектонически рассказ оформлен как столкновение ценностных структур преобладания (позиция Кунина) и самоумаления (позиция о. Якова); момент столкновения (композиционно – кульминация) – узнавание правды – уравнивает эти ценностные структуры, затем они вновь поляризуются относительно друг друга.

«Враги». Аннигиляция ценностей оппонента

Сюжетно рассказ организован не вокруг ситуации «узнавания» правды одним из оппонентов, как в предыдущем рассказе, а вокруг прямого столкновения непримиримых персональных и социальных противоречий. Доктор Кирилов, у которого только что скончался шестилетний сын, вынужден по настоянию богача Абогина ехать в его усадьбу спасать от сердечной хвори жену последнего. Когда убитый горем доктор и неподдельно взволнованный проситель прибывают в имение Абогина, выясняется, что болезнь была хитрой уловкой супруги, которой надо было отослать хозяина из дома, – за эти два часа она собралась и сбежала с неким Папчинским.

Контраст подлинного и «водевильного» (следующего из анекдотической матрицы сюжета бегства жены с любовником) несчастий задается еще в доме доктора. Локус дома эстетизируется, приобретая значение красоты страдания: «Во всеобщем столбняке, в позе матери, в равнодушии докторского лица лежало что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, <...> которую умеет передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и в угрюмой тишине; Кирилов и его жена молчали, <...> как будто, кроме тяжести потери, сознавали также и весь лиризм своего положения <...>» (т. 6, с. 33–34). Абогин вторгается в это пространство, разрушая набором стандартных и обезличенных фраз его печальную гармонию: «...замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как бы даже оскорбляли и воздух докторской квартиры и умирающую где-то женщину» (т. 6, с. 35).

Гнев обманутого Абогина также выражается в трагикомической декламации, как будто позаимствованной из бульварного романа: «Обманула! Ушла! Заболела и усала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутком Папчинским!»; «К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра?»; «Усала затем, чтобы бежать с этим шутком, тупым клоуном, альфонсом! О Боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу» (т. 6, с. 39). Очнувшись от своего оцепенения («равнодушия») и доктор: «Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступили место выражению горькой обиды, негодования и гнева. <...> Черты лица его стали еще резче, черствее и неприятнее» (т. 6, с. 41). Участие в этом трагифарсе возмутило Кирилова – его человеческое достоинство и социальные инстинкты: «Меня заставляют играть в какой-то пошлой комедии, играть роль бутафорской вещи!»; «Не нужны мне ваши пошлые тайны <...> Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорблен? Что я лакей, которого можно оскорблять?»; «Зачем вы меня сюда привезли? <...> Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? <...> Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйте гуманными идеями, <...> играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью!» (т. 6, с. 40, 41).

В описанной ситуации домашнего скандала можно различить две системы ценностных координат. Абогин является носителем ценностей быта, мещанского благополучия («сытости и изящества») и социального комфорта. Кирилов выражает в своем ответе Абогину ценности уважения к личности – в ее приватном и социальном бытовании. Доктор повторяет, что не позволит приравнять себя к вещи (ценности быта – особенно если учесть такие замеченные им детали, как футляр от виолончели, чучело «такого же солидного и сытого, как сам Абогин», волка и красный абажур). Фраза о «бутафорской вещи» звучит дважды (т. 6, с. 40, 42). Поэтому в смысловой конструкции рассказа невозможно событие «узнавания» чужой правды – ни Абогин, ни Кирилов не намерены ее выслушать. Кирилов не признает житейской драмы Абогина, а Абогин вряд ли соболезнает Кирилову. Доктор девальвирует эмоциональный мир покинутого барина: «Несчастлив <...> Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопай, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!» (т. 6, с. 42). И когда оскорбленный в своем личном несчастье и социальном чувстве доктор покидает дом Абогина, автор неожиданно заключает, что «мысли его были несправедливы и нечеловечески жестоки» и что он «всю дорогу ненавидел их (фигурантов абогинской истории, включая его самого. – Л. С.) и презирал до боли в сердце» (т. 6, с. 43). Именно авторское слово, в отличие от предыдущего рассказа не риторическое, а философическое, завершает рассказ о том, как два персонажа оказались неспособны услышать друг друга: «Пройдет время, пройдет и горе Абогина, но это убеждение, несправедливое, недостойное человеческого сердца, не пройдет и останется в уме доктора до самой могилы» (т. 6, с. 43)².

Обе ценностные позиции оказываются в известной степени уравнины в акте несостоявшегося диалога. По справедливому замечанию А. Д. Степанова, рассказ «выступает как ряд сложенных друг в друга контрастов, которые снимаются на высшем для Чехова уровне противопоставления риторики и горя. Контрасты социальные и психологические снимаются острой неправотой риторики мелодрамы и социальной публицистики» [Степанов, 2005. С. 173]. Ориентированность слова оппонентов на разные речевые жанры, несомненно, формализует конфликт слышащих только себя персонажей, фиксируя принципиальное несовпадение их точек зрения.

«Неприятность». Доминирование одного ценностного центра

В рассказе «Неприятность» земский врач Григорий Иванович Овчинников, догадавшись, что фельдшер Михаил Захарович на обходе больных «пьян тяжело, со вчерашнего», все свое негодование вкладывает в сильный удар по лицу последнего. Собственно, это и есть центральное фабульное событие. Сюжетно же оно развивается в попытках доктора доказать свою правоту и быть услышанным. Отметим фабульную кульминацию в начале рассказа и отсутствие сюжетного разрешения в повествовании.

Фельдшер давно вызывал у доктора чувство нравственной брезгливости. Его пьянство, нечистота и небрежение обязанностями постоянно раздражают Овчинникова, поэтому он испытывает «большое удовольствие оттого, что удар кулака пришелся как раз по лицу и что человек солидный, положительный, семейный, набожный и знающий себе цену, покачнулся, подпрыгнул, как мячик, и сел на табурет» (т. 7, с. 143). Следующий за этим внутренний монолог доктора развертывает последовательность аргументов в пользу того, что фельдшер давно заслужил наказания. Самооправдание манифестирует основные ценности доктора: честность, знание дела, уважение к больным и самому доктору. «Добро бы это был шарлатан, <...> но это шарлатан убежденный и втайне протестующий», берущий с больных взятки и тайком продающий земские лекарства (т. 7, с. 144). А главное, как признается себе позже доктор, «Он уже тем скотина, что заставил меня драться первый раз в жизни. Я отродясь не дрался» (т. 7, с. 147).

² Авторский вывод подробнее рассматривается в статье: [Семкин, 2007].

Овчинников принимается писать ультимативное письмо в управу (или я, или он), причем первый вариант прошения представляет собой смешение эпистолярных жанров дружеского письма и официальной просьбы: «Прочитав это письмо, доктор нашел, что оно коротко и недостаточно холодно. <...> “Какой тут к черту Юс? (прозвище сына семейства. – Л. С.)” – подумал доктор и стал придумывать другое. – “Милостивый государь...”» (т. 7, с. 145). Обычный для доктора в общении с председателем управы Львом Трофимовичем тон теперь невозможен – бытовое вытесняется служебным. Путаница в основном сообщении выявляет путаницу намерений доктора – либо найти сочувствие не столько у начальства, сколько у знакомых, либо, наоборот, апеллировать к начальству с позиций служебной компетенции. В первом случае это потенциальный диалог, во втором – направленный на адресата запрос, не предполагающий иной правоты, кроме правоты адресанта.

Между тем текущая за окном жизнь не знает ни душевных, ни профессиональных мук героя. Доктор видит уток с утятами, молодые липы, собирающую щавель для щей кухарку... Вчерашний ливень, по контрасту со смятением доктора, освежил все вокруг: «Тропинка <...> кажется умытой, и разбросанная по сторонам ее битая аптекарская посуда, тоже умытая, играет на солнце и испускает ослепительно яркие лучи. А дальше за тропинкой жмутся друг к другу молодые елки, одетые в пышные зеленые платья, за ними стоят березы с белыми, как бумага, стволами, а сквозь <...> зелень берез видно голубое бездонное небо» (т. 7, с. 147). Яркий весенний день, молодая коллега доктора Надежда Осиповна, прозванная «русалкой», в розовом платье, а после приема успевшая накинуть на себя ярко-пунцовый платок, – витальная колористика предметного мира усугубляет отчаяние героя. «Доктор глядел по сторонам и думал, что среди всех этих ровных, безмятежных жизней, как два испорченных клавиша в фортепиано, резко выделялись и никуда не годились только две жизни: фельдшера и его» (т. 7, с. 148). В приведенном противопоставлении мироощущения персонажа (драматизированного сюжетной ситуацией) природному миру обозначен иной ценностный порядок. Возможно, это «противостояние» социально-этического и природного и является определяющим в архитектонике рассказа.

Когда фельдшер приходит просить прощения, доктор уверен, что им движет не «христианское смирение», а страх потери места; он испытывает сильнейший гнев и велит своему противнику подать прошение об отставке. В повествование вводится точка зрения фельдшера: «Он всегда считал доктора непрактическим, капризным мальчишкой, а теперь презирал его за дрожь, за непонятную суету в словах...» (т. 7, с. 150). Правота Овчинникова начинает размываться, хотя точка зрения обиженной стороны не авторитетна. Главное, что Овчинников, как ни старается, не может вполне оправдать себя сам. Поэтому дальнейшие события, непонимание его поступка со стороны начальства, которое должно было его услышать, и его внутреннее сомнение предопределяют провал коммуникации в рассказе.

Разговор с мировым судьей, настроенным по отношению к доктору благодушно, тоже не помог разрешить случившейся «неприятности». Мировой рассуждает о непреодолимости социального зла в лице всех мелких служащих: «Прогоните, а на его место сядет другой такой же, да еще, пожалуй, хуже. Перемените вы сто человек, а хорошего не найдете... Все мерзавцы. <...> в настоящее время честных и трезвых работников, на которых вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенции и мужиков, то есть среди этих двух крайностей – и только» (т. 7, с. 154). Овчинников недоумевает, почему происшествие с фельдшером обсуждается в плоскости социальных вопросов: «Зачем он это говорит? <...> Не то мы с ним говорим, что нужно»; «Черт знает что, не то я говорю! <...> Это оттого, что я неглубок и не умею мыслить» (т. 7, с. 155). Вместе с тем он высказывается в том направлении, которое задал собеседник: «Средний человек, как вы назвали, ненадежен. <...> Мы его гоним, браним, бьем по физиономии, но ведь надо же войти и в его положение. Он ни мужик, ни барин, ни рыба, ни мясо; прошлое у него горькое, в настоящем у него только 25 рублей в месяц, голодная семья и подчиненность, в будущем те же 25 рублей и зависимое положение <...> Ну, как тут, скажите, не пьянствовать, не красть? Где тут взяться принципам!» (т. 7,

с. 155). Внутренне же доктор снова удивляется, что, собственно, его положение с фельдшером остается неопределенным: «Мы, кажется, уж социальные вопросы решаем, – подумал он. – И как нескладно, Господи! Да и к чему всё это?» (т. 7, с. 156). В этом фрагменте рассказа осуществляется ложная коммуникация – первоначальные цели адресанта меняются в соответствии с ожиданиями адресата; конкретное замещается общим, причем риторически сформулированным.

Приехавший председатель управы заставляет фельдшера вновь просить прощения у доктора, обещать вести трезвую жизнь, затем отпускает служить дальше. И, потирая руки, приглашает мирового судью и доктора выпить «водочки». Доктор возмущен тем, что серьезный вопрос подменен не серьезнейшим, как в разговоре с мировым, а сведен к показательному раскаянию: «Это... это комедия! Это гадко! Я не могу. Лучше двадцать раз судиться, чем решать вопросы так водевильно. Нет, я не могу!» (т. 7, с. 158). Однако в это время «подали водку и закуску». «На прощание доктор машинально выпил рюмку и закусил редиской» (т. 7, с. 158). Так закончился тяжелый эпизод в жизни доктора – слова перестали что-либо означать, получив продолжение в ритуале, и ценностная выраженность позиций так и не проявилась.

В анализируемом рассказе ситуация непонимания распространяется на весь бытийный уклад главного персонажа. Подмена серьезного несерьезным (водевиль, комедия), необходимость снова терпеть возле себя негодного помощника возникают вследствие того, что никто не намеревался понять героя. «Ему было стыдно, что в свой личный вопрос он впустил посторонних людей, стыдно за слова, которые он говорил этим людям, за водку, которую он выпил по привычке пить и жить зря, стыдно за свой не понимающий, не глубокий ум...» (т. 7, с. 158). Последнее высказывание героя – «Глупо, глупо, глупо...» – сигнализирует о том, что коммуникации не состоялось, что он остался непонятым и его недовольство порядком жизни будет усиливаться. Архитектонически рассказ воплощен как неосуществленный запрос ведущего героя на понимание.

Заключение

Сюжетообразующим в рассказах А. П. Чехова «Кошмар» и «Враги» является признание в некоем лице оппонента ведущего персонажа, причем оппонент не столько связан с ним отношениями служебной зависимости, что было характерно для раннего творчества писателя, сколько репрезентирует иные ценностные установки. В обоих рассказах они обусловлены в основном социальным положением персонажей; во втором рассказе социальное «приращивается» экзистенциальным, и появляется авторская оценка, уравнивающая бытийные статусы персонажей. В зрелом творчестве Чехова этот тип сюжетной событийности узнаваем в повестях «Дуэль», «Рассказ неизвестного человека», «Черный монах» и др. В рассказе «Неприятность» отсутствует персонаж, предьявляющий герою позицию как таковую, – перспектив к выстраиванию диалога не обнаруживается. В этом рассказе герой замкнут в своем переживании неправильного, недолжного порядка вещей – в дальнейшем по такой модели осуществится архитектурное построение повести «Моя жизнь», рассказа «Новая дача» и пр. Архитектонически рассмотренные произведения выстроены как движение от непонимания к новому непониманию, т. е. как несостоявшаяся коммуникация, ведущая к постижению онтологической ценности жизни.

Список литературы

- Бахтин М. М.** К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.
- Бахтин М. М.** Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 6–71.
- Катаев В. Б.** Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 326 с.

- Семкин А. Д.** Моралист и проповедник? (Механизм конфликта и авторское нравоучение в рассказе «Враги») // Чеховиана. Из века XX в XXI: итоги и ожидания. М.: Наука, 2007. С. 315–327.
- Степанов А. Д.** Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1984. Т. 5. 703 с.; 1985. Т. 6. 735 с.; Т. 7. 733 с.
- Щеглов Ю. К.** Молодой человек в дряхлеющем мире (Чехов, «Ионыч») // Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 207–240.

References

- Bakhtin M. M.** K filosofii postupka [On Philosophy of Act]. In: Bakhtin M. M. Selected works]. In 7 vols. Moscow, Russian Vocabularies Publ.; Slavic Culture Languages Publ., 2003, vol. 1, p. 7–68. (in Russ.)
- Bakhtin M. M.** Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [Problem of Substance, Material and Form in Literary Creative Work]. In: Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [On Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, p. 6–71. (in Russ.)
- Katayev V. B.** Proza Chekhova: problemy interpretatsii [Chekhov's Prose. Problems of Interpretation]. Moscow, Moscow Uni. Press, 1979, 326 p. (in Russ.)
- Semkin A. D.** Moralist i propovednik? (Mekhanizm konflikta i avtorskoye nраво-cheniye v rasskaze "Vragi") [Moralist and Preacher? Mechanics of Conflict and Author's Preach in the Short Story "Enemies"]. In: Chekhoviana. Iz veka XX v XXI: itogi i ozhidaniya [Chekhoviana. From the 20th to the 21st Centuries: Conclusions and Expectations]. Moscow, Nauka Publ., 2007, p. 315–327. (in Russ.)
- Stepanov A. D.** Problemy kommunikatsii u Chekhova [Problems of Communication in Chekhov's Works]. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., 2005, 400 p. (in Russ.)
- Chekhov A. P.** Complete Works and Letters: In 30 vols. Works: In 18 vols. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 5, 703 p.; 1985, vol. 6, 735 p.; vol. 7, 733 p. (in Russ.)
- Shcheglov Yu. K.** Molodoi chelovek v dryakhleyushchem mire (Chekhov, «Ionych») [An Young Man in Ageing World]. In: Shcheglov Yu. K. Proza. Poeziya. Poetika. Izbrannye raboty [Prose. Poetry. Poetics. Selected Works]. Moscow, New Literary Review Publ., 2012, p. 207–240. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.12.2019*

Сведения об авторе

Синякова Людмила Николаевна, доктор филологических наук, профессор НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
scholast@ngs.ru

Information about the Author

Lyudmila N. Sinyakova, Dr. of Philology, Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
scholast@ngs.ru

УДК 82-95
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-99-110

Редукция поэтического текста в критическом эссе В. Набокова «Владислав Ходасевич. Собрание стихов»

А. О. Дроздова

*Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия*

Аннотация

Рассматриваются стратегии интерпретации поэтического сборника В. Ходасевича в критическом эссе В. Набокова «Владислав Ходасевич. Собрание стихов». Показано влияние писательского опыта Набокова на читательскую практику. Предметом исследования являются закономерности транспонирования художественных приемов в литературно-критический текст, посвященный анализу русской поэзии. Выделяются две особенности трансформации сборника, связанные с переносом собственной художественной техники Набокова в область интерпретации чужой лирики: 1) конструирование метасюжета и расширение художественного пространства произведений Ходасевича; 2) нейтрализация элементов текста, участвующих в создании трагического модуса. Анализ механизмов применения художественных приемов в эссе В. Набокова позволяет говорить о том, что критический метод писателя направлен на исследование общей для авторов эстетической проблемы пределов художественного творчества.

Ключевые слова

В. Набоков, литературная критика, транспонирование, рецепция, точка зрения, сюжет, оптика

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00127

Для цитирования

Дроздова А. О. Редукция поэтического текста в критическом эссе В. Набокова «Владислав Ходасевич. Собрание стихов» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 99–110. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-99-110

Reduction of the Poetic Text in a Critical Essay by V. Nabokov *Vladislav Khodasevich. Collected Verse*

A. O. Drozdova

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation*

Abstract

The highlighting of Nabokov's interpretational strategies in other literary texts is a relevant problem for Russian and European Nabokov studies. The goal of the article is to scrutinize the methods of reduction of a poetic text used by Nabokov in his early essay *Vladislav Khodasevich. Collected Verse*. The approach developed by receptive poetics allows author to describe Nabokov's practices of reading and writing as an experience of creative game with literature of his contemporaries and predecessors. The narrative analysis is productive to characterize the point of view, to highlight the role of narrator in the structure of Nabokov's essay and his own literary work and the techniques for the transformation of Khodasevich's poems into the prose. There are different methods of literary text reduction in Nabokov's essay: creation of meta-plot not immanent in the original poems; selective sampling of literary contexts common for

© А. О. Дроздова, 2020

both authors; ignoring of artistic issue of ethics of beauty important for V. Khodasevich. For Nabokov, the reduction and transfer of his own techniques into the space of Khodasevich's text is a way of approbation of patterns of artistic reality in texts of the poet, which conceptualizes the problem of boundaries of artistic talent, important for Nabokov himself.

Keywords

V. Nabokov, literary criticism, transposition, reception, point of view, plot, optics in art

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-312-00127

For citation

Drozдова А. О. Reduction of the Poetic Text in a Critical Essay by V. Nabokov *Vladislav Khodasevich. Collected Verse. Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, p. 99–110. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-99-110

В современном литературоведении вопрос о критическом методе В. Набокова является дискуссионным. Д. Джонсон, анализируя ранний очерк Набокова о поэзии Руперта Брука, обращает внимание на редукцию поэтического текста, которая связана с акцентированием тем, важных для самого писателя: например, теме «потустороннего мира» в анализе Набокова «уделяется непропорционально много внимания, и иногда она трактуется неточно» [Джонсон, 2002. С. 459]. Ю. Барабаш считает, что очерк о Гоголе высвечивает личный писательский опыт Набокова в большей степени, чем поэтику анализируемого автора: «...книга <...> позволяет нам “узнать кое-что” о Набокове» [Барабаш, 1989. С. 90]). Такой взгляд на интерпретацию чужого текста в рецептивных произведениях и переводах В. Набокова представлен в критике [Федотов, 2000; Берджесс, 2000; Уилсон, 2000]. Современный исследователь А. Стехов, напротив, утверждает, что аналитический метод Набокова не только связан с его индивидуальным писательским опытом, но и близок литературоведческой мысли 1920–1930-х гг., в том числе работам формалистов [Стехов, 2009. С. 121]. Н. Букс рассуждает о продуктивности набоковского «эксцентричного» метода, который позволяет проследить «культурологическое движение» в текстах, не имеющих очевидных интертекстуальных связей [Букс, 1999. С. 523]. В филологических работах высказывается мысль, что литературное творчество, лекции, критика и эссе Набокова могут изучаться как «макротекст» [Баканова, 2003. С. 4]. В. Е. Александров рассматривает художественные произведения Набокова в контексте его лекций и эссе [Александров, 1999. С. 16]. Стратегии интерпретации Набоковым чужих текстов исследователи связывают с семантическими особенностями писательской терминологии и метаязыка: таковы употребление художественного слова в качестве термина или, напротив, эстетизация терминологии [Пиванова, 2008. С. 191–192]. Ключевой для рецептивных работ Набокова прием пересказа рассматривается как форма дистанцирования от собственного художественного слова и как жанровая доминанта лекций писателя о русской литературе [Павлов, 2002. С. 110].

Хотя современные литературоведы указывают на совмещение художественного и филологического дискурсов в интерпретационных произведениях Набокова, проблема транспонирования художественного приема в литературную критику писателя остается недостаточно изученной. С одной стороны, самим произведениям Набокова свойствен перенос чувственной памяти в литературу, где «читатель должен быть погружен в текст и во все его внетекстовые связи» [Аверин, 1999. С. 161]. С другой стороны, для критической прозы писателя характерна конвертация чужой эстетической реальности в процессе создания аналитического текста о ней.

Исследуя механизмы интерпретации Набоковым чужих текстов, мы придерживаемся рецептивного подхода: взаимодействие читателя с произведением искусства рассматривается как коммуникативный и креативный процесс [Гадамер, 1991. С. 289]. Такой подход подсказан характеристикой чтения как игры, данной самим Набоковым: «Сумрачное настроение рассеивается и, полный отваги, читатель отдается духу игры» [Набоков, 2010. С. 37].

Объектом анализа является критическое эссе В. Набокова «Владислав Ходасевич. Собрание стихов» – первый отзыв Набокова о стихах Ходасевича, с которого начинается творческий диалог авторов (Ходасевич «О Сирине», 1937 [Ходасевич, 1996. Т. 2]; Набоков «О Ходасевиче», 1939 [Набоков, 2008б]). Исследуя биографические, литературные стороны диалога писателей, David M. Bethea отмечает, что Ходасевич и Набоков имеют дело с общими художественными задачами: «Чувство гениального “как меры, гармонии, вечного равновесия” <...> является главным качеством, которое Ходасевич пытается развить в своем творчестве и которое он видит в Сирине»¹ [Bethea, 1995. Р. 456]. Вхождение в вымышленную реальность и изучение ее устройства, как утверждает Hugh McLean, является одним из «правил» интерпретации литературы для Набокова: «Произведение искусства – это мир сам по себе, созданный воображением художника; оно должно оцениваться только по собственным законам внутренней согласованности и целесообразности» [McLean, 1995. Р. 261].

В эссе Набокова творчество Ходасевича предстает не только как объект критического исследования, но и как объект наблюдения. Анализ «точек зрения» в «плане композиции» [Успенский, 1970. С. 10] позволяет нам охарактеризовать связь между художественным творчеством В. Набокова, в котором большое значение имеют оптические приемы², и его критической работой, где оценочная точка зрения повествователя обращена к пространственно-временному и фразеологическому плану текстов Ходасевича.

В качестве гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что в критическом эссе Набокова транспонирование собственных художественных приемов приводит к 1) созданию мета-сюжета и расширению художественного пространства лирики Ходасевича; 2) редукции интерпретируемых произведений.

Метасюжет стихотворений Ходасевича эксплицируется Набоковым в результате творческой игры-интерпретации. Одним из ключевых правил такой игры является намеренная «прозаизация» стихотворного текста, который наделяется «непредсказуемостью», когда «каждый следующий шаг ритмического движения <...> заново формируется на каждом новом этапе этого движения» [Гиршман, 2004. С. 436–437]. Набоков нарушает деление стихотворений Ходасевича на строки, уравнивая стих и предложение, – «и музыка, музыка, музыка вплетается в пенье мое» (с. 650)³.

Возможность трансформации чужой лирики подсказана первоисточником, где лирический герой оценочно определяет свое творчество как «прозу в стихах». Подобный прием Набоков повторяет в финале романа «Дар», где сюжет организуется по поэтическому принципу «тесноты и единства стихового ряда»: события в жизни главного героя соотносятся, «рифмуются» по принципам стихосложения [Александров, 1999. С. 157]: «...В синтезе этого сонета происходит превращение линейного и конечного текста романа <...> в бесконечный и объемный текст бытия» [Липовецкий, 1999. С. 656]. Цитация стихотворения в прозаической форме используется в других критических произведениях Набокова («Молодые поэты», «Борис Поплавский. Флаги» (1931)) для того, чтобы обозначить ошибки в языке и стиле: «Начало стихотворения Мамченко выписываю в строчку, чтобы посмотреть, получится ли какой-нибудь смысл...» [Набоков, 2006. С. 692].

Анализируя, цитируя Ходасевича, Набоков нарушает композицию его циклов («Путем зерна» (1920), «Тяжелая лира» (1923)), которая, как замечает С. Баранов, связана с противопоставлением «органичности» художественной циклизации несовершенству земного времени [Баранов, 2000. С. 10]. Автор эссе не фокусируется на циклах как на «ансамблевом объединении» [Тюпа, 2009. С. 158], игнорируя и вторичную по отношению к циклам связь – «литературную инсталляцию» (соединение циклов в сборник). Выявление принципов объединения лирических произведений в цикл, как и заглавия этих циклов, не так важны для На-

¹ Здесь и далее, если не сказано иное, перевод наш.

² Ср.: «Художественное пространство романов Набокова – это, как правило, определенный визуальный или оптический строй» [Гришкова, 2001].

³ Здесь и далее эссе Набокова цитируется по: [Набоков, 2009а], в круглых скобках указаны страницы.

бокова, как комплексное исследование поэтического мира Ходасевича, при этом выбор стихотворений для анализа связан с логикой построения собственного критического отзыва.

Трансформация композиции сборника, свободная комбинация стихотворений Ходасевича позволяют Набокову создать в критическом эссе метасюжет о литературном творчестве. Данный сюжет разрабатывается Набоковым и в собственных художественных текстах. В «Путеводителе по Берлину» (1925) рассказчик видит город в двойной перспективе – в его связи с настоящим, в котором каждый элемент пространства имеет бытовое значение, и с будущим, в котором они оказываются воплощением ушедшего момента («тогда все будет цельно и полновесно – всякая мелочь» [Набоков, 2004. С. 178]). Как отмечает Омри Ронен, рассказ посвящен не только «жизни художника», но также и «жизни приема» (прямые отсылки к роману Шкловского «Зoo, или Письма не о любви» и эстетизация приема острания) [Ронен, 1999. С. 167].

Как в рассказе «Путеводитель по Берлину», в эссе Набокова не художественная реальность построена с помощью приема, но прием оказывается частью многомерной реальности в соответствии с творческим замыслом персонажа-поэта. Так, во второй части эссе интерпретация ритмики опирается на стиховедческий анализ и на заданную в экспозиции статьи вымышленную историю. С одной стороны, ритмика Ходасевича описывается в точных терминах и схемах: «...каждая из шести строф состоит из пяти трехстопных ямбических строк» (с. 650). С другой стороны, совмещая точные литературоведческие определения с художественно-образным описанием (эпитеты замещают часть термина: «хромая рифма», «неслыханно-прекрасный размер» (с. 650)), Набоков достраивает чужой сюжет: «Трепетность его хора удивительна. Поэт ахнул, проснулся в тот самый миг, как скользнул было в сон» (с. 650). Литературный прием не только не теряет своей конструктивной функции, участвуя в построении литературоведческого или критического дискурса, но характеризуется как перцептивно ощутимый («холодноватый ход стиха» (с. 650)). Такой взгляд Набокова на чужую ритмику определяется его собственной практикой создания «самоописательной» структуры произведения. Например, в раннем рассказе «Гроза» в основе сюжета – событие рассказывания: «Я все посмеивался, воображая, как сейчас приду к тебе и буду *рассказывать* о ночном, воздушном крушении...» [Набоков, 2004. С. 150].

Перенос ритмики в прозу, при этом противопоставление такой формы «стихам в прозе», является актуальной задачей для Набокова-художника. В раннем рассказе «Драка» (1925) событием служит открытие героем-творцом поэтического приема в гармонии окружающего его пространства: «Дело <...> в игре теней и света на живом теле, в гармонии мелочей, собранных <...> единственным и неповторимым образом» [Там же. С. 75]. Таким образом, при перенесении в прозу поэтическая ритмика воплощается в ритмическую композицию. В эссе попытка придать ритм повествованию приводит к совмещению Ходасевича-персонажа и лирического героя стихов Ходасевича: «Поэт сидит у себя в комнате, <...> и вдруг начинает качаться и петь (причем в этом месте дактилическая рифма вдруг заменяет женскую)» (с. 650).

Перенос собственных поэтических приемов в интерпретацию чужих текстов приводит к тому, что художественное пространство стихов Ходасевича расширяется. Так, интерпретация поэтического творчества Ходасевича выходит за границы одного сборника: Набоков обозначает пушкинские аллюзии в произведениях поэта разных лет. Сопоставление лирики Пушкина и Ходасевича в границах единой «поэтической» реальности происходит за счет создания многомерного художественного пространства, где два поэта ведут диалог. В процитированной Ходасевичем и Набоковым пушкинской строфе из «Евгения Онегина» через глагол прошедшего времени совершенного вида мечта о Бренте принимает форму перцептивно ощутимого воспоминания: «Я негой наслажусь на воле, / С венецианкою молодой, / То говорливой, то немой, / Плывя в таинственной гондоле» [Пушкин, 1950. С. 30]. В стихотворении Ходасевича лирический герой не может увидеть «пушкинскую» Бренту и пережить чужое воспоминание: «лживый образ красоты» [Ходасевич, 1996. Т. 1. С. 141]. Однако в «Бренте»

Ходасевича, как и в строфе Пушкина, «рыжая речонка» является источником вдохновения: «язык Петрарки» обретен лирическим героем, который любит «прозу... в стихах» [Там же]. Значимо, что набоковская интерпретация Ходасевича открывается не цитатой самого Ходасевича, но повторением пушкинского эпиграфа. Соприсутствие Пушкина в чужом художественном пространстве, воспринятое не только через цитату Ходасевича, но и через мелодику его стихов («пушкинский певучий вопль <...> является как бы лейтмотивом многих стихов Ходасевича» (с. 650)), коррелирует с набоковским сюжетом о чтении / наблюдении как перемещении в пространство чужого произведения. Образ Пушкина, живущего в чужих стихах, присутствует в стихотворении Набокова «За туманами плыли туманы...», где райское пространство состоит из элементов художественного мира лирики Блока: «Пушкин – выпуклый и пышный свет» [Набоков, 2004. С. 449] – «Жду вселенского света / От весенней земли» [Блок, 1997. С. 95]. Смоделированная в эссе ситуация со-чтения Ходасевича и Пушкина описывается как априори фикциональная: наблюдатель-критик не может одновременно увидеть и Бренту Пушкина, и Бренту Ходасевича. В художественном творчестве Набокова взаимопроникновение двух реальностей приводит к мнимому «исчезновению» самого наблюдателя: «Но никакого Александра Ивановича не было» («Защита Лужина») [Набоков, 2009б. С. 465] – «Но пушкинской Бренты нет» (с. 649). Внимание Набокова к реминисцентному уровню стихотворений Ходасевича задано сюжетом об «обоюдоостром» и «пародийном» «наблюдении», которое, как отмечает А. Арьев, «в равной мере относится и к набоковскому искусству и к искусству... Владислава Ходасевича» [Арьев, 1999. С. 205].

В эссе Набокова моделируется пересечение не только художественных миров разных поэтов, но и реальностей творца и наблюдателя. В третьем абзаце статьи описывается действие поэтического дара Ходасевича-персонажа на его читателей. Сюжет об обретении дара как о чуде опирается на трехчастную структуру стихотворения Пушкина «Пророк»: встреча («Адриатические волны! О Брента!...» (с. 650)) – метаморфоза («Поэт ахнул, проснулся в тот самый миг, как скользнул было сон» (с. 650)) – творимое волшебство («это мастерство и острая неожиданность образов производят какое-то гипнотическое действие на читателя» (с. 651)). В восприятии Набокова ритмическая структура, как и пространство лирики Ходасевича, связаны с метапоэтикой его стихотворений («временами кажется, что он <...> холодно наслаждается своим даром воспевать невоспеваемое» (с. 651)). Метасюжет присутствует и в произведениях Набокова, где герои-поэты наделяются сверхчувствительной оптикой и замечают, что окружающее их пространство имеет черты пространства потустороннего (например, в «Даре»: «Божественный смысл этой лужайки выражался в ее бабочках» [Набоков, 2002. С. 315]).

Набоков подчеркивает, что лирический герой Ходасевича обладает естественнонаучной оптикой (ср. более поздний рассказ Набокова «Лебеда», где творческое воображение мальчика Пути развивается из его «исследовательского» наблюдения за окружающим миром): «...очень интересен в творчестве Ходасевича некий оптически-аптекарьско-химическо-анатомический налёт» (с. 652). Внимание к оптике Ходасевича может быть вызвано тем, что в ранних произведениях самого Набокова «химические» и «анатомические» эксперименты героев лежат в основе сюжета о прозрении-пробуждении: неполноценное видение героя-кокаиниста, утрачивающего собственные воспоминания, в рассказе «Случайность» (1924); обновленное зрение «воскресшей» [Набоков, 2004. С. 81] после болезни гувернантки Жозефины Львовны в рассказе «Пасхальный дождь» (1925); иллюзия посмертного видения как результат химического эксперимента в драме «Смерть» (1923) и др. Пересказывая стихотворение Ходасевича «Пробочка», Набоков формулирует эстетическую проблему, важную и для его собственного творчества: связь «химических» и «анатомических» законов с оптическими иллюзиями фикционального пространства.

В результате переноса собственной техники в область чужого творчества Набоков не только наделяет художественные приемы Ходасевича дополнительными функциями, но и «нейтрализует» некоторые черты его поэтики.

Во-первых, интерпретация стихотворного размера как «волшебного средства» входит в область вымысла писателя-критика («Не ямбом ли четырехстопным...» Ходасевича написано позднее, в 1938 г.). В ранней лирике Набокова стихотворный размер характеризуется как сосуд для воспоминаний («И вот мне хочется в размер простых стихов / то время заключить, когда мне было восемь» [Набоков, 2004. С. 513]), поэтический инструмент («Что хочешь ты? Чтоб стих твой говорил, / повествовал? – вот мерный амфибрахий...» [Там же. С. 600]), сопоставляется с шахматным ходом («В ходах ладьи – ямбический размер» [Там же. С. 629]). Характеристика размера, его стиховедческая классификация в лирике Набокова – один из способов волшебного вхождения в мир чужого стиха («Шекспир»: «Откройся, бог ямбического грома, / стоустый и немислимый поэт!» [Набоков, 2004. С. 633]).

Во-вторых, Набоков нейтрализует образы и мотивы Ходасевича, связанные с проблемой этичности прекрасного: в частности, мотив «отравления» стихами под воздействием «жала змеи» поэта. Хотя стихотворения Ходасевича, отсылающие к пушкинскому «Пророку», дословно цитируются, Набоков-критик не комментирует этот образ, который напрямую связан с отмеченным им мотивом «гипноза»: «Мне было трудно, тесно, как змее» («Эпизод») [Ходасевич, 1996. Т. 1. С. 160], «И вижу большими глазами, – / Глазами, быть может, змеи» («Баллада») [Там же. С. 242]. В ранних произведениях Набокова образ змеи связывается с образом возлюбленной, ослепляющей участвующего в поединке героя, или с образом соперника («La Belle Dame Sans Merci (из John Keats)», «Подруга боксера»). В позднем творчестве герои-слепцы сравнивают себя со змеями: Гумберт видит в себе гумилевского змея, похищающего девушек-«лебедей»: «...реклама <...> вызвала издевательское дребезжание моих змеиных гремушек» [Набоков, 2008а. С. 96]. Лирический герой-поэт в стихотворениях Набокова, напротив, обладает магическими способностями заклинателя змей («Я прикажу нагому чародею / В запястье обратить змею» [Набоков, 2004. С. 602]). В стихах Ходасевича связанный со змеей образ яда отсылает к «Моцарту и Сальери» Пушкина. Это произведение упоминается в стихотворении Ходасевича «2-го сентября», которое цитирует Набоков. Сравнение лирического героя с Сальери имеет рефлексивную природу – лирический герой осмысляет свою поэзию в духе Сальери, который «слышит музыку алгебры так же сильно, как живую гармонию» [Мандельштам, 1991. С. 259]. Набоков опускает важную для Ходасевича пушкинскую аллюзию и сравнивает способность завлекать «мастерством», при котором «никаких человеческих чувств по отношению к ушибленным судьбой не испытываешь» (с. 651), с гипнозом (свойство не только змеи, но и ее заклинателя). Сомнение лирического героя Ходасевича в красоте этики, которая осмысляется как значимая художественная проблема, в интерпретации Набокова снимается. Набоков переносит на художественный мир Ходасевича собственный взгляд на этические координаты литературного шедевра, избегая при этом традиционного дуализма «гения или злодейства»: художественный талант поэта-волшебника, Пушкина и Ходасевича, заключается прежде всего в мастерстве создания эстетического сопереживания, потому как поэтическое всегда содержит в себе этическое.

В-третьих, Набоков фокусируется на визуальных образах Ходасевича и соотносит его аудиальную поэтику с мелодическим устройством самого стиха. Звуковые образы Ходасевича связаны с ключевым для сборника мотивом посмертного слуха («Мертвого слуха не так ли коснутся / Взмахи кадила, слова панихиды?» [Ходасевич, 1996. Т. 1. С. 152]) и зрения как ненадежного способа восприятия, который обманывает поэта («Нечистый взор моих земных очей» [Там же. С. 148]). Набоков интерпретирует мотив «зрячего молчания» (см.: «Обо всем в одних стихах не скажешь») как мотив оптической игры («к той же оптической области относятся многочисленные упоминания отражений в зеркале, в оконном стекле и т. д.» (с. 652)). В произведениях Набокова «зрячее молчание» предшествует обретению персонажами голоса («Слово», «Драка», «Из блеска в тень, и в блеск из тени»).

В-четвертых, Набоков достраивает и меняет перцептивную, оценочную и пространственную точки зрения лирического героя Ходасевича. Оценочная и пространственная точки зрения стихотворения «Под землей» в интерпретации Набокова дwoятся по законам игры:

«...такого рода эпизоды можно найти в книгах по половым вопросам» (с. 651). Пространственная точка зрения принадлежит музе. С ее пространственной позиции, которая совпадает с точкой зрения порочного «сутулого старика», ведется наблюдение за вымышленным миром. Фразеологическая и оценочная точки зрения принадлежат герою-поэту, который «из описания жалкого порока» сделал «прекрасное стихотворение» (с. 651). В последней строфе стихотворения Ходасевича пространственная и фразеологическая точки зрения, принадлежащие лирическому герою, совпадают с точкой зрения старика («Здесь создает и разрушает / Он сладострастные миры» – «И трость моя в чужой гранит / Неумолкаемо стучит» [Ходасевич, 1996. Т. 1. С. 264–265]). Произведение, в котором присутствует ключевой для всего сборника образ «семени» и в котором, по мнению М. Bethea, «Ходасевич, осознавая трагическое бесплодие русской поэзии в эмиграции, проецирует на нее этот современный образ Онана» [Bethea, 1983. Р. 294], интерпретируется Набоковым в духе его собственной игровой техники: поэт «наслаждается своим даром воспевать невоспеваемое». Несмотря на то что автор статьи иногда полностью пересказывает чужие лирические тексты, он объясняет невозможность прозаической трансформации стихотворения «Под землей»: «...выраженная голой прозой, эта тема приобретет оттенок самой грубой и откровенной нечистоплотности» (с. 651). Сопоставление образов библейского Онана и поэта в эмиграции, не акцентированное Набоковым, но заданное в том числе ритмической и строфической структурой самого стихотворения Ходасевича, опускается в прозаическом «переводе» произведения.

В эссе обозначается эстетическая проблема, общая для произведений Ходасевича и Набокова: изображение героя, осознающего свою фикциональную природу. Набоков нейтрализует трагический модус в поэзии Ходасевича (в духе собственных приемов Набоков определяет его как «игровой»), а стилистические средства, связанные с метафорой «ущербности» самого поэтического слова (или, как отмечает П. Успенский, с «травмой эмиграции» [2015. С. 201]), оценивает как «слабые» (с. 652). Нейтрализация Набоковым значимых для творчества Ходасевича поэтических приемов связана с несовпадением точек зрения авторов на проблему границы художественного дара. О «творческих рамках» Ходасевича Набоков рассуждает, комментируя одно из стихотворений поэта: «В “Балладе” Ходасевич достиг <...> пределов поэтического мастерства» (с. 650). В отличие от произведений Набокова, где дар словотворчества позволяет персонажу нарушить одномерность пространства, «прозреть», в стихах Ходасевича способность поэта пересечь любые границы связана с увечностью самого поэтического сознания («душа <...> разъедает тело» [Ходасевич, 1996. Т. 1. С. 213]). Лирический герой Ходасевича способен обратить слово в пошлость или молчание (см. «Уединение»), эксплицировать неполноценность своего языка («дар тайнослышанья тяжелый» [Там же. С. 200]), однако такая творческая субверсия является частью художественного замысла стихотворений.

Таким образом, в рецептивном творчестве Набокова художественный мир Ходасевича выступает как объект творческого исследования и допускает вариативность. Сама статья о лирике Ходасевича построена и как критическое эссе, и как фикциональный текст: Набоков создает историю о том, как поэт исследует реальность посредством художественного слова (от реальности чужих текстов до «химической», «анатомической» реальности). Создание фикционального текста о другом художественном произведении и транспонирование в него художественных приемов объясняется невозможностью написать такой критический отзыв, в котором литературоведческий анализ не приходил бы к обобщению и деконструкции: «Описать певучий говорок этого стихотворения невозможно, привести же только выдержку – жалко» (с. 651). Перенос собственных приемов в критическое эссе используется как метод, позволяющий писателю-критику исследовать связь между аналитическим и художественным творчеством. В интерпретации Набокова адекватно воспринимать художественную реальность можно лишь через «вхождение» в нее и апробацию ее же законов.

Список литературы

- Аверин Б.** Гений тотального воспоминания. О прозе Набокова // Звезда. 1999. № 4. С. 158–163.
- Александров В. Е.** Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Н. А. Анастасьева, под ред. Б. В. Аверина, Т. Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.
- Арьев А.** И сны, и явь (О смысле литературно-философской позиции В. В. Набокова) // Звезда. 1999. № 4. С. 204–213.
- Баканова М. А.** В. В. Набоков – исследователь русской литературы: приемы организации макротекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 18 с.
- Барабаш Ю. Я.** Набоков и Гоголь (Мастер и Гений). М., 1989. URL: http://www.old.domgogolya.ru/storage/documents/readings/05/barabash_yu_ya_-_gogol_i_nabokov_master_i_geniy.pdf (дата обращения 07.06.2019).
- Баранов С. В.** Проблемы цикла и циклизации в творчестве В. Ф. Ходасевича: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 26 с.
- Берджесс Э.** Пушкин и Кинбот // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под ред. Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 392–396.
- Блок А. А.** Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 1. 639 с.
- Букс Н.** Двое игроков за одной доской: Вл. Набоков и Я. Кавабата // В. В. Набоков: Pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова / Под ред. А. А. Долинина. СПб.: Издательство РХГА, 1999. Т. 1. С. 523–535.
- Гадамер Г.-Г.** Актуальность прекрасного: Пер. с нем. М.: Искусство, 1991. 367 с.
- Гиршман М. М.** Проза // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004. С. 434–442.
- Гришакова М.** Визуальная поэтика В. Набокова // «Ruthenia». Объединенное гуманитарное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета. 2001. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/404860.html> (дата обращения 07.06.2019).
- Джонсон Д. Б.** Владимир Набоков и Руперт Брук // В. В. Набоков: Pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова / Под ред. А. А. Долинина. СПб.: Изд-во РХГА, 2002. Т. 2. С. 449–470.
- Липовецкий М.** Эпилог русского модернизма: художественная философия творчества в «Даре» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова / Под ред. А. А. Долинина. СПб.: Изд-во РХГА, 1999. Т. 1. С. 638–661.
- Мандельштам О. Э.** О природе слова // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М.: Терра, 1991. Т. 2. С. 241–259.
- Набоков В. В.** Владислав Ходасевич. Собрание стихов // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2009а. Т. 2. С. 649–653.
- Набоков В. В.** Дар // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. С. 188–541.
- Набоков В. В.** Защита Лужина // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2009б. Т. 2. С. 304–465.
- Набоков В. В.** Лолита // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. С. Б. Ильина, А. К. Кононова. СПб.: Симпозиум, 2008а. С. 11–390.
- Набоков В. В.** Молодые поэты // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 3. С. 689–695.
- Набоков В. В.** О Ходасевиче // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2008б. Т. 5. С. 587–590.

- Набоков В. В.** О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / Пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, Г. Дашевского и др. СПб.: Азбука-Классика, 2010. С. 33–40.
- Набоков В. В.** Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. / Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2004. Т. 1. 832 с.
- Павлов А.** Пересказ и его рецептивные возможности в «Лекциях по литературе» Владимира Набокова // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 109–119.
- Пиванова Э. В.** Гармония художественного текста в метапоэтике В. Набокова / Под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 216 с.
- Пушкин А. С.** Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 5. 622 с.
- Ронен О.** Пути Шкловского в «Путеводителе по Берлину» // Звезда. № 4. 1999. С. 164–172.
- Стехов А. В.** Формальный метод и книга В. Набокова «Николай Гоголь» // Новый филологический вестник. 2009. Т. 10, № 3. С. 116–122.
- Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд. М.: Академия, 2009. 336 с.
- Уилсон Э.** Рец.: Nicolai Gogol. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под ред. Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 241–243.
- Успенский Б. А.** Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 223 с.
- Успенский П.** Травма эмиграции: физическая ущербность в «Европейской ночи» В. Ходасевича // Acta Slavica Estonica. Tartu, 2015. Т. 5: Блоковский сборник, вып. 19. С. 192–210.
- Федотов Г.** Рец.: Nicolai Gogol. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под ред. Н. Г. Мельникова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 243–245.
- Ходасевич В. Ф.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. 592 с.
- Ходасевич В. Ф.** О Сирине // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 388–395.
- Bethea D. M.** Khodasevich: His Life and Art. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1983, 380 p.
- Bethea D. M.** Nabokov and Khodasevich. In: The Garland Companion to Vladimir Nabokov. Ed. by V. E. Alexandrov. New York, Routledge, 1995, p. 452–463.
- McLean H.** Lectures on Russian literature // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. Ed. by V. E. Alexandrov. New York, Routledge, 1995, p. 258–274.

References

- Aleksandrov V. E.** Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika [Nabokov and the Other-world: Metaphysics, Ethics, Aesthetic]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999, 320 p. (in Russ.)
- Ariev A.** I sny, i yav' (O smysle literaturno-filosofskoi pozitsii V. V. Nabokova) [Both Dreams and Reality (On Literature and Philosophical Position of V. Nabokov)]. *Zvezda [Star]*, 1999, no. 4, p. 204–213. (in Russ.)
- Averin B.** Genii total'nogo vospominaniya. O proze Nabokova [Genius of Total Recall. On Nabokov's Prose]. *Zvezda [Star]*, 1999, no. 4, p. 158–163. (in Russ.)
- Bakanova M. A.** V. V. Nabokov – issledovatel' russkoi literatury: priemy organizatsii makroteksta [V. V. Nabokov as a Researcher of Russian Literature: Techniques for Organizing of the Macrotext]. Cand. phil. sci. syn. diss. Ivanovo, 2003, 18 p. (in Russ.)
- Barabash Yu. Ya.** Nabokov i Gogol' (Master i Genii) [Nabokov and Gogol' (Master and Genius)]. Moscow, 1989. (in Russ.) URL: http://www.old.domgogolya.ru/storage/documents/readings/05/barabash_yu_ya_-_gogol_i_nabokov_master_i_geniy.pdf (accessed: 07.06.2019).
- Baranov S. V.** Problemy tsikla i tsiklizatsii v tvorchestve V. F. Khodasevicha [Problems of Cycle and Cyclization in the Work by V. F. Khodasevich]. Cand. phil. sci. syn. diss. Volgograd, 2000, 26 p. (in Russ.)

- Bethea D. M.** Khodasevich: His Life and Art. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1983, 380 p.
- Bethea D. M.** Nabokov and Khodasevich. In: The Garland Companion to Vladimir Nabokov. Ed. by V. E. Alexandrov. New York, Routledge, 1995, p. 452–463.
- Blok A. A.** Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete Works and Letters]. In 12 vols. Moscow, Nauka Publ., 1997, vol. 1, 639 p. (in Russ.)
- Buks N.** Dvoe igrokov za odnoi doskoi: Vl. Nabokov i Ya. Kavabata [Two Players at the Same Board: Vl. Nabokov and Ya. Kawabata]. In: V. V. Nabokov: Pro et contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova [Pro et contra. Materials and Researches about the Life and Art of V. V. Nabokov]. St. Petersburg, RHGA Publ., 1999, vol. 1, p. 523–535. (in Russ.)
- Burgess A.** Pushkin i Kinbot [Pushkin and Kinbote]. In: Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii [A Classic without Retouching. The Literary World about the Works of Vladimir Nabokov: Critical Reviews, Essays, Parodies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, p. 392–396. (in Russ.)
- Fedotov G.** Review: Nicolai Gogol. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944. In: Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii [A Classic without Retouching. The Literary World about the Works of Vladimir Nabokov: Critical Reviews, Essays, Parodies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, p. 392–396. (in Russ.)
- Gadamer G.-G.** Aktual'nost' prekrasnogo [Actuality of the Beautiful]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, 367 p. (in Russ.)
- Girshman M. M.** Proza [Prose]. In: L. V. Chernets (ed.). Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Studies]. A Textbook. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, p. 434–442. (in Russ.)
- Grishakova M.** Vizual'naya poetika V. Nabokova [Nabokov's Poetic of Vision]. In: "Ruthenia". Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. Kafedra russkoi literatury Tartuskogo universiteta [United Humanitarian Publishing. Department of Russian Literature, University of Tartu], 2001. (in Russ.) URL: <http://www.ruthenia.ru/document/404860.html> (available: 07.06.2019).
- Johnson D. B.** Vladimir Nabokov i Rupert Bruk [Vladimir Nabokov and Rupert Brooke]. In: V. V. Nabokov: Pro et contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova [V. V. Nabokov: Pro et contra. Materials and Researches about the Life and Art of V. V. Nabokov]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2002, vol. 2, p. 449–470. (in Russ.)
- Khodasevich V. F.** O Sirine [About Sirin]. In: Khodasevich V. F. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 4 vols. Moscow, Soglasie Publ., 1996, vol. 2, p. 388–395. (in Russ.)
- Khodasevich V. F.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 4 vols. Moscow, Soglasie Publ., 1996, vol. 1, 592 p. (in Russ.)
- Lipovetskii M.** Epilog russkogo modernizma: Khudozhestvennaya filosofiya tvorchestva v "Dare" Nabokova [The Epilogue of Russian Modernism: Artistic Philosophy of Creativity in Nabokov's "Gift"]. In: V. V. Nabokov: Pro et contra. Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova [Pro et contra. Materials and Researches about the Life and Art of V. V. Nabokov]. St. Petersburg, RHGA Publ., 1999, vol. 1, p. 638–661. (in Russ.)
- Mandelshtam O. E.** O prirode slova [On the Nature of the Word]. In: Mandelshtam O. E. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 4 vols. Moscow, Terra Publ., 1991, vol. 2, p. 241–259. (in Russ.)
- McLean H.** Lectures on Russian literature // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. Ed. by V. E. Alexandrov. New York, Routledge, 1995, p. 258–274.
- Nabokov V. V.** Dar [Gift]. In: Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii [Russian Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2002, vol. 4, p. 188–541. (in Russ.)

- Nabokov V. V.** Lolita. In: Nabokov V. V. Amerikanskii period. Sobranie sochinenii v [American Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2008, p. 11–390. (in Russ.)
- Nabokov V. V.** Molodye poety [Young Poets]. In: Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii [Russian Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2006, vol. 3, p. 689–695. (in Russ.)
- Nabokov V. V.** O Khodaseviche [About Khodasevich]. In: Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii [Russian Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2008, vol. 5, p. 587–590. (in Russ.)
- Nabokov V. V.** O khoroshikh chitatelyakh i khoroshikh pisatelyakh [Good Readers and Good Writers]. In: Nabokov V. V. Lektsii po zarubezhnoi literature [Lectures on Foreign Literature]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2010, p. 33–40. (in Russ.)
- Nabokov V. V.** Russkii period. Sobranie sochinenii [Russian Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004, vol. 1, 832 p. (in Russ.)
- Nabokov V. V.** Vladislav Khodasevich. Sobranie stikhov [Vladislav Khodasevich. Collected Poems]. In: Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii [Russian Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2009, vol. 2, p. 649–653. (in Russ.)
- Nabokov V. V.** Zashchita Luzhina [The Luzhin Defence]. In: Nabokov V. V. Russkii period. Sobranie sochinenii [Russian Period. Collected Works]. In 5 vols. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2009, vol. 2, p. 304–465. (in Russ.)
- Pavlov A.** Pereskaz i ego retseptivnye vozmozhnosti v “Lektsiyakh po literature” Vladimira Nabokova [Retelling and its Receptive Opportunities in Vladimir Nabokov's “Lectures on Literature”]. *Critics and Semiotics*, 2002, no. 5, p. 109–119. (in Russ.)
- Pivanova E. V.** Garmoniia khudozhestvennogo teksta v metapoetike V. Nabokova [Harmony of Literary Text in the Metapoetics of V. Nabokov]. Stavropol', SSU Publ., 2008, 216 p. (in Russ.)
- Pushkin A. S.** Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. In 10 vols. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1950, vol. 5. 622 p. (in Russ.)
- Ronen O.** Puti Shklovskogo v “Putevoditele po Berlinu” [Shklovsky's Way in the “Guidebook of Berlin”]. *Zvezda [Star]*, 1999, no. 4, p. 164–172. (in Russ.)
- Stekhov A. V.** Formal'nyi metod i kniga V. Nabokova “Nikolai Gogol” [Russian Formalism and V. Nabokov's “Nikolai Gogol”]. *Novyi filologicheskii vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2009, vol. 10, no. 3, p. 116–122. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Analiz khudozhestvennogo teksta [Analysis of Literary Text]. A Textbook for Students of Philology Department. Moscow, Akademiya Publ., 2009, 336 p. (in Russ.)
- Uspenskii B. A.** Poetika kompozitsii [The Poetics of Composition]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 223 p. (in Russ.)
- Uspenskii P.** Travma emigratsii: fizicheskaya ushcherbnost' v “Evropeiskoi nochi” V. Khodasevicha [The Trauma of Emigration: a Physical Handicap in the “European Night” by Khodasevich]. In: *Acta Slavica Estonica*. Tartu, 2015, vol. 5: Blokovskii sbornik [Collected Works about Block], no. 19, p. 192–210. (in Russ.)
- Wilson E.** Review: Nicolai Gogol. Norfolk, Conn.: New Directions, 1944. In: *Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzyvy, esse, parodii* [A Classic without Retouching. The Literary World about the Works of Vladimir Nabokov: Critical Reviews, Essays, Parodies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, p. 241–243. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
21.09.2019

Сведения об авторе

Дроздова Анастасия Олеговна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ул. Володарского, 6, Тюмень, 65003, Россия)
an.o.droz@gmail.com

Information about the Author

Anastasiia O. Drozdova, postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation)
an.o.droz@gmail.com

Информация для авторов

**Вестник Новосибирского государственного университета
Серия «История, филология»
Выпуск «Филология»**

Правила оформления рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом не более 0,4 авторского листа (10 страниц, 16 тыс. знаков), включая иллюстрации (одна иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Редакция каждого выпуска имеет право принимать статьи меньшего объема в зависимости от наполняемости портфеля выпуска. Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

В конце статьи, рецензии, заметки необходимо указать полностью имя, отчество, фамилию автора, ученую степень и звание, должность, учреждение (название кафедры, вуза и т. п.), в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, а также адрес электронной почты, домашний адрес и телефон.

Рукопись должна удовлетворять требованиям к оформлению текста (см. далее), быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Каждая рукопись рецензируется. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы современной лингвистики, отличающиеся новизной, написанные на достаточно репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпусков «Филология» ориентировано на следующие научные специальности:

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.01.01 – русская литература

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редакцию распечатанной на бумаге форматом А4 и в электронной версии, выполненной в формате WinWord (.doc, .rtf). Размер кегля 14 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;
- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

На первой странице текста статьи указывается УДК. Ниже даются название статьи, инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail, аннотация (2 000 знаков включая пробелы) и ключевые слова (не больше 10) на русском, затем на английском языке. Далее идет текст статьи, который заканчивается списком литературы и, при необходимости, списками источников и условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

**Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира:
к постановке проблемы**

Е. К. Иванова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
philology@gf.nsu.ru*

Аннотация

Систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова

термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00000)

**Studies of Plant-Names and an Ethnic World Image:
Defining the Problem**

E. K. Ivanova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
philology@gf.nsu.ru*

Abstract

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords

linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00000

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников

Материал поступил в редколлегию

Received

15.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванова Екатерина Кирилловна, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Ekaterina K. Ivanova, Dr of Philology, professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ivanova@ngs.ru

ORCID

SPIN

В лингвистических статьях выпуска «Филология» «Вестника НГУ» иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение) в тексте статьи выделяется курсивом; толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки '....'; имя концепта набирается прописными буквами курсивом (например: концепт *ЗНАНИЕ*, концептосфера *РЕЛИГИЯ*). Цитаты заключаются в кавычки-«ёлочки» («...»); если внутри цитаты имеется цитатная вставка, то последняя выделяется кавычками-«лапками» («...“...”...», «... “...”»). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста приводится после примера в круглых скобках, например: «Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках. Чтобы при необходимости смотреть на финансовые проводки сквозь пальцы?» (Новая газета. 2007. № 7). Если иллюстративный материал взят из интернет-ресурса, то ссылка на такой источник дается под текстом на этой же странице (в поле сноски). Если на один и тот же интернет-источник делается несколько ссылок, то такой источник указывается в списке источников в конце статьи (например: НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>).

Библиографические ссылки в публикации даются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания работы, страница, например, [Виноградов, 1977. С. 57]; повторная ссылка оформляется [Там же] или [Там же. С. 48]. В конце статьи в алфавитном порядке без нумерации помещаются список литературы, список источников, а также, при необходимости, список условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также жанр издания, в котором она опубликована (моногр., коллект. моногр., сб. ст., сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор (под ред.), название издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются полужирным шрифтом.

Далее следует то же описание в транслитерации и в квадратных скобках в переводе на английский язык (для русскоязычной литературы).

Например:

Капинос Е. В., Проскурина Е. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. С. 3–17.

Kapinos E. V., Proskurina E. N., Romodanovskaya E. K. Predislovie [Preface]. In: Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoi literatury [Dictionary of Russian Literary Plots and Motives]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, iss. 2. p. 3–17. (in Russ.)

Одесская М. М. Чехов и проблема идеала. М: РГГУ, 2011. 496 с.

Odetskaya M. M. Chekhov i problema ideala [Chekhov and the Problem of Perfection]. Moscow, RSHU Publ., 2011, 496 p. (in Russ.)

Созина Е. К. О «сырости водосточных труб»: философско-антропологическое измерение творчества Чехова в контексте поколения восьмидесятников // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 82–97.

Sozina E. K. O syrost'i vodostochnykh trub: filosofsko-antropologicheskie izmerenie tvorchestva Chekhova v kontekste pokoleniya vos'midesyatnikov [On Dumpness of Drainpipes: Philosophy-Anthropology Dimension of Chekhov's Creative Work]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2006, no. 10, p. 82–97. (in Russ.)

Электронные версии рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует прилагать отдельными файлами. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения – 190 × 270 мм.

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf),

Автор, передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения.

Распространение «Вестника НГУ» осуществляется через ОАО «Роспечать», подписной индекс – 18283.

Адрес редакционной коллегии
серии «История, филология» (выпуск «Филология»)

ул. Пирогова, 1, НГУ, кафедра общего и русского языкознания
или кафедра русской литературы
Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (8 383) 363 42 30

E-mail: philology@gf.nsu.ru